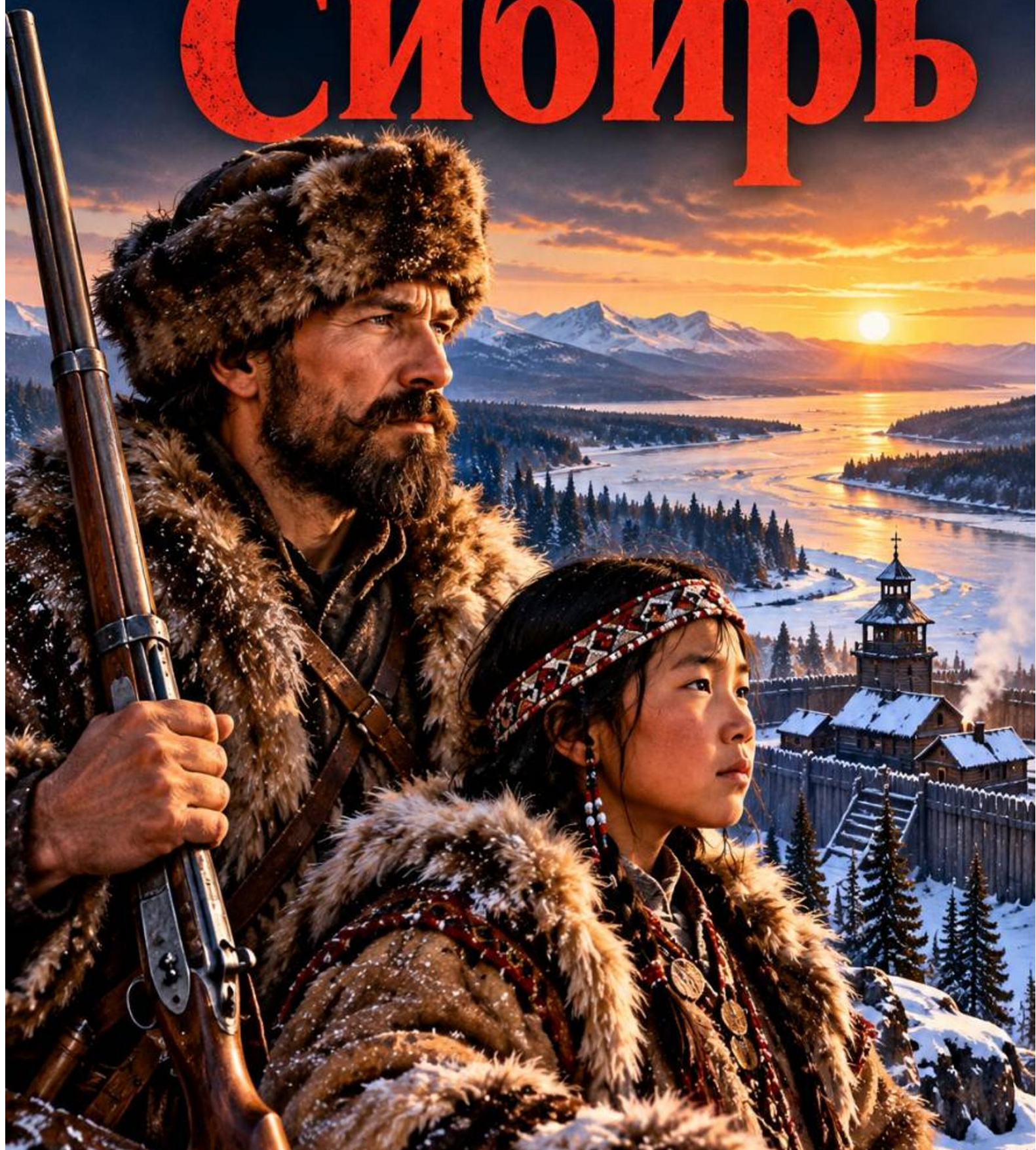

Ярослав Золотарев

Коренная Сибирь

Ярослав Золотарёв

Коренная Сибирь

«Автор»

2026

Золотарёв Я.

Коренная Сибирь / Я. Золотарёв — «Автор», 2026

«Коренная Сибирь» — книга о народах, живших на огромном пространстве от Урала до Тихого океана задолго до появления здесь русских, и о том, что произошло с ними после прихода государства и переселенцев. Сибирские татары и алтайцы, ханты и манси, ненцы и селькупы, саха и буряты, эвенки и эвены, народы Амура и Камчатки, чукчи, айны, эскимосы и многие другие — не безликое «коренное население», а разные общества со своими языками, хозяйством, историей и судьбой. От ясака XVII века и имперской политики в отношении «иностранцев» до советских экспериментов, коллективизации, нефтегазового освоения Севера и современности — книга прослеживает четыре столетия сложных отношений коренных народов с государством и пришлым населением.

© Золотарёв Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Введение	5
0.1. История, которая теперь будет	5
0.2. Почему эта книга нужна сейчас	7
0.3. Как их называли и как называть	10
Коренные малочисленные: юридический смысл	11
Коренные народы: международный смысл	11
Коренные: исторический смысл	12
0.5. Языки	17
0.7. Как мы смотрим	23
0.8. Чего мы хотим	26
0.9. Как устроена книга	27
Раздел первый. Тюркские народы	29
Глава 1. Степь, которая дошла до тайги	29
1.1. Тюркский мир от Босфора до Лены	29
1.2. Каганаты и руны	31
1.3. Как тюрками становились	33
1.4. Небо, Будда и Аллах	35
2.1. Кто такие сибирские татары	38
2.3. Как было устроено общество	41
2.4. Под давлением	43
2.5. Сегодня	45
Глава 3. Алтайцы: народ сеоков	47
3.1. Северные и южные	47
3.2. Сеок	48
3.3. Между Джунгарией и Россией	50
3.4. Кочевье, аил, кайчи	51
3.5. Белая вера	53
3.6. От Каракорума до Катуня	55
4.1. Кузнецкие татары	57
4.2. Род и тайга	58
4.3. Телеутская орда	60
4.4. Ростовщики и миссионеры	61
4.5. Шория и Кузбасс	63
Глава 5. Хакасы: народ, получивший имя в 1923 году	66
5.1. Хонгорай	66
5.2. Пять народов под одним именем	67
5.3. Аал	68
5.4. Под Степной думой	70
5.5. Меньшинство на своей земле	72
5.6. Чулымцы: «наши люди» с реки	73
Глава 6. Тувинцы и тофалары: Саяны	76
6.1. Урянхай: земля между империями	76
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Ярослав Золотарёв

Коренная Сибирь

Введение

0.1. История, которая теперь будет

В первой книге, «Старой Сибири», был раздел с необычным названием: «История, которой здесь не будет». Мы перечислили множество народов Сибири, сказали почти о каждом по несколько абзацев и честно признали, что такая пропорция несправедлива. История любого из них несравнимо богаче. Там же прозвучало обещание: эта история заслуживает отдельной книги, где русские появятся не в первой главе в роли главных действующих лиц, а лишь тогда, когда войдут в уже существовавшую историю этих народов.

Эта книга и есть попытка выполнить обещание.

В «Старой Сибири» нас интересовало общество, возникшее в результате русского движения за Урал. Поэтому ханты, татары, эвенки, якуты, буряты и чукчи появлялись на её страницах в тот момент, когда их история пересекалась с историей казаков, воевод и крестьян. Они были ясачными плательщиками и противниками в войнах, союзниками и проводниками, соседями старожильческих деревень, иногда родственниками их жителей. Всё это правда. Но это правда, увиденная с одной стороны.

Теперь мы посмотрим с другой.

Стоит сменить точку обзора, и привычная картина переворачивается. Для русской истории 1582 год, когда Ермак взял Кашлык, — начало большой эпохи. Для хантыйского рода на Оби это лишь один эпизод среди многих: прежде были новгородские походы за данью, власть сибирских ханов, войны и союзы с соседями. Для кета на Енисее или нивха на Амуре русский казак — очередной пришелец в истории, которая тянется тысячелетиями. А для чукчей долгая череда войн с Российским государством закончилась тем, что в 1760-х годах государство само упразднило Анадырский острог и ушло. Тогда стало ясно, что силой ничего не добиться.

Одни и те же события выглядят по-разному в зависимости от того, откуда смотреть. Для воеводы ясак был статьёй дохода и строкой в отчёте для Москвы. Для рода он становился обязанностью, которая перестраивала всю жизнь: охотиться теперь нужно было не только ради пропитания, но и ради соболя, а старейшина превращался в посредника между своими людьми и чужой властью. Аманат для приказной избы — обычная мера предосторожности. Для семьи это заложник, чья жизнь зависит от исправной уплаты дани.

Поэтому в этой книге русские не исчезнут, но займут другое место. Они будут приходить в истории народов тогда, когда пришли на самом деле, — иногда рано, иногда очень поздно. Соседство, торговля, войны, крещение, законы империи, советские преобразования — всё это войдёт в рассказ. Но центром повествования станут сами народы Сибири.

И даже это не главное.

Главное, что история народа не сводится к истории его отношений с государством, даже самым могущественным. Как был устроен род и почему нельзя было жениться внутри него. Кто и как делил добычу после охоты. Кто решал споры и чем заканчивалась кровная месть. Как жили оленеводы в тундре, рыболовы на великих реках и скотоводы в степи. Во что верили, кого почитали и чего боялись. На каких языках говорили и как эти языки связывали народы, разделённые тысячами километров. Именно этому будет посвящена большая часть книги.

Две книги вместе образуют две половины одной истории. «Старая Сибирь» рассказывала о том, как в Сибири появились сибиряки. «Коренная Сибирь» рассказывает о тех, кто был здесь до них, жил рядом с ними и живёт до сих пор. В последнем разделе эти половины снова встретятся. Мы поговорим о том, как складывались отношения коренных народов с русскими, почему многие языки и культуры оказались на грани исчезновения, и о вопросе, который неожиданно связывает обе книги: кого вообще можно считать коренным жителем Сибири.

Но прежде нужно объяснить, почему этот разговор нужен именно сейчас.

0.2. Почему эта книга нужна сейчас

Джеймс Форсайт закончил свою «Историю народов Сибири» в 1991 году, когда Советский Союз доживал последние месяцы. Последний его вывод звучит неожиданно. После всех перемен XX века, после коллективизации, интернатов, нефтепромыслов и перестройки, вопрос о том, как коренным народам Сибири жить в современном государстве и остаться собой, «сделал полный круг» и вернулся к тому месту, где стоял в 1920-е годы. Тогда тоже спорили: охранять ли земли северных народов от пришельцев или «втягивать» эти народы в общую жизнь страны. Тогда тоже звучали слова «автономия», «самоуправление», даже «резервация».

С тех пор прошло больше тридцати лет. Круг, кажется, совершил ещё один оборот. Поэтому начать стоит с простого вопроса: зачем писать эту книгу сейчас, а не когда-нибудь потом?

Первая причина самая измеримая. По переписи 2021 года к сорока коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока отнесли себя около 262 тысяч человек. Самые крупные из них — ненцы (около 49,6 тысячи), эвенки (около 39 тысяч), ханты (около 31 тысячи). Самые маленькие исчисляются сотнями и десятками: нганасан меньше семисот, алеутов около ста двадцати, кереков два десятка.

Эти числа сами по себе не говорят о вымирании. Большинство народов за последние десятилетия не уменьшились, а выросли. Советские и дореволюционные пророчества о «естественном исчезновении инородцев» не сбылись, и об этом ещё будет сказано. Но за численностью скрывается другая, более тревожная цифра — число тех, кто говорит на языке своих предков. По той же переписи кетским языком владел 61 человек, а пользовался в быту 33. Керекским владели четверо, и никто не говорил на нём каждый день. Даже у ненцев, чьё положение считается относительно благополучным, язык знает примерно половина.

Народ не равен своему языку. Люди, которые говорят по-русски, не перестают от этого быть хантами или эвенками, и этой теме в книге будет уделено отдельное место. Но язык — это не просто средство сообщения. В нём хранятся названия рек и урочищ, которые помнят, кто здесь жил, система родства, по которой человек знает, на ком можно жениться и кому он обязан помочь, песни, заговоры, шутки, способ думать об оленях, о рыбе, о мёртвых. Когда уходит последний носитель, вместе с ним уходит целая библиотека, у которой нет копии.

Многие сибирские языки перестанут звучать в живой речи при жизни людей, которые сегодня читают эту книгу. Это не метафора, а простая арифметика возрастов. Рассказывать о культурах, пока их носители живы и могут возразить автору, — лучше, чем писать о них потом по архивам.

Вторая причина связана с самим счётом. Перепись 2021 года дала неожиданный результат: около 17 миллионов человек, почти каждый восьмой житель страны, не указали национальность вовсе. Причин много, от небрежности переписчиков до того, что человек не видел смысла отвечать. Но главный вывод прост: мы гораздо хуже, чем кажется, знаем, кто и как себя называет.

Это важно, потому что численность в России — не только статистика, но и право. Статус «коренного малочисленного народа» закон даёт народам численностью меньше пятидесяти тысяч, и от него зависят льготы, право на традиционное природопользование, квоты на рыбу и зверя. Ненцев сегодня 49,6 тысячи. Самому многочисленному из малочисленных народов в буквальном смысле осталось четверста человек до черты, за которой он юридически перестаёт быть малочисленным. Проблема не выдуманная: она показывает, насколько условны границы, которые государство проводит между «коренными» и «некоренными», между «малыми» и «большими». Об этих границах подробнее пойдёт речь в следующем пункте.

Для нашей книги это не частный вопрос. В «Старой Сибири» мы писали о старожилах, которые в XIX веке называли себя «коренными» в отличие от «расейских» переселенцев. Мы писали о камчадалах, марковцах, русскоустынцах, гуранах — небольших общностях, выросших из браков пришлых мужчин и местных женщин. Форсайт напоминает эпизод 1926 года. Советская власть решила, что отдельной камчадалской национальности не существует, и всех жителей Камчатки, не говоривших по-ительменски, записала русскими. Ительменами остались восемьсот с небольшим человек в долине Тигиля. Народ сократили росчерком пера.

Многие сибиряки знают о своих хантыйских, якутских, бурятских или тунгусских прабабушках только по семейным преданиям, по фотографии в альбоме, по «азиатским» скулам у половины родни. Бумаги говорят «русский», а память говорит что-то другое. Книга о коренных народах Сибири — это отчасти и книга о них, о тех, кто оказался между графами переписного листа.

Третья причина — земля. На протяжении четырёх веков русской истории Сибири главный конфликт между пришельцами и коренными жителями шёл не о вере и не о языке, а о том, кому принадлежат реки, пастбища, охотничьи и рыболовные угодья. Воеводы XVII века называли землю «пустой», хотя она кормила десятки народов. Устав Сперанского 1822 года исходил из того, что вся земля принадлежит государству, а «инородцы» лишь пользуются ею с его позволения. Советские планировщики переносили посёлки, объявляли сёла «неперспективными» и затопляли долины водохранилищами, не спрашивая тех, кто там жил.

Этот конфликт не закончился. В 1989 году ханты и манси составляли меньше полутора процентов населения собственного автономного округа: он стал главной нефтяной провинцией страны. В мае 2020 года под Норильском из хранилища ТЭЦ вытекло около двадцати одной тысячи тонн дизельного топлива. Оно ушло в реки Далдыкан и Амбарную и дальше, к озеру Пясино, — на земли долган, нганасан, ненцев и эвенков. Это была одна из крупнейших подобных аварий в Арктике. А с каждым годом всё заметнее другой, медленный процесс: потепление, таяние мерзлоты, изменение путей миграции оленей и рыбы. Первыми его на себе чувствуют как раз те, чьё хозяйство держится на знании природы, а не на её преодолении.

История здесь не отвлечённое знание. Чтобы понять, почему спор о трубопроводе через оленьи пастбища так болезненен, нужно знать, как эти пастбища уже теряли — в XVII, XIX и XX веках.

Четвёртая причина связана с тем, что о коренных народах Сибири в последние годы говорят много и громко, но редко — их собственными голосами. В публичных спорах слово «деколонизация» одни произносят как требование, другие — как обвинение. Одни видят в истории Сибири сплошную колониальную историю, которую нужно наконец признать. Другие настаивают, что Россия не была колониальной империей, что народы Сибири вошли в неё мирно и получили от неё больше, чем потеряли, а разговоры о колониализме — привозной сюжет, нужный её противникам. Обе стороны охотно ссылаются на хантов, бурят или саха, но гораздо реже спрашивают, что думают сами ханты, буряты и саха. А они, разумеется, думают по-разному.

Эта книга не политический манифест. Она не предлагает готового ответа на вопрос о будущем устройстве страны. Но у неё есть позиция, и её честнее назвать сразу. Мы считаем, что народы Сибири были и остаются субъектами своей истории, а не фоном для чужой. Они воевали и договаривались, уходили и возвращались, заимствовали и сопротивлялись, спорили друг с другом и меняли друг друга задолго до прихода русских и после него. Насилие, которое сопровождало завоевание Сибири и её советскую перестройку, нужно называть насилием. Но нельзя превращать коренные общества в безмолвных жертв, у которых нет собственной воли. Уважение, как мы говорили в первой книге, не требует идеализации.

Пятая причина — простая нехватка книг. О коренных народах Сибири написано очень много, но почти всё это либо академическая этнография, которую трудно читать неспециалисту, либо советская популярная литература с её обязательной «дружбой народов» и счастли-

вым финалом, либо зарубежные исследования, которые доходят до русского читателя поздно и не всегда. Работы Юрия Слёзкина и Андрея Головнёва, книга Форсайта показывают, как можно рассказывать эту историю по-другому. Но книги, которая соединяла бы очерк культур с историей отношений с русскими и была бы написана для обычного читателя, по-прежнему не хватает.

При этом интерес к этой теме растёт, и растёт снизу. Якутское кино стало заметным явлением. Горловое пение и сибирские орнаменты давно вышли за пределы этнографических музеев. Молодые горожане учат языки, которые их родители стеснялись передавать детям. Генетики, изучая древнюю ДНК, показывают, что люди жили в Сибири десятки тысяч лет и что от сибирских популяций ведут своё происхождение и коренные народы Америки. У этого интереса должна быть хорошая опора, а не только красивые картинки и мифы — как героические, так и обличительные.

Наконец, последняя причина — личная для этой серии. «Старая Сибирь» рассказывала, как русские пришли за Урал и как из них выросли сибиряки. Мы старались не забывать, что пришли они в населённую землю. Но сама логика книги заставляла смотреть на Сибирь из острога, из крестьянской заимки, из губернского города. Коренные народы появлялись на её страницах тогда, когда их история пересекалась с русской: платили ясак, поднимали восстания, торговали, выходили замуж за казаков.

Эта книга пытается развернуть взгляд. Мы будем смотреть на Сибирь из чума, из юрты, из балагана, из берестяной лодки. Сначала — какими были эти общества, как они устраивали семью, род, власть, собственность, отношения с соседями и с миром духов. И только потом — что с ними сделали пришельцы и что они сами сделали с пришельцами. Без второй половины первая книга оставалась бы неполной. Без первой половины вторая книга стала бы просто ещё одной историей завоевания.

Но прежде чем говорить о народах, нужно договориться о словах. Как их называли, как они называют себя сами и что вообще значит слово «коренной» — об этом следующий пункт.

0.3. Как их называли и как называть

У каждого народа Сибири есть по меньшей мере два имени: то, которым он называет себя сам, и то, которым его называли другие. Почти три века русские документы знали остяков, вогулов, самоедов, тунгусов, ламутов, гольдов, гиляков. Ни одно из этих слов не было самоназванием. Русские обычно узнавали о новом народе не от него самого, а от соседей, через переводчиков, толмачей, проводников. Поэтому в бумаги попадало то, как народ называли соседи, а не он сам.

Так якуты получили своё имя от тунгусов (сами себя они называют саха). «Остяк», вероятно, пришло из тюркских языков, где похожим словом называли чужих, не мусульман. Иногда одно имя растягивали на совершенно разные народы. Остяками русские звали и хантов на Оби, и кетов на Енисее, и селькупов между ними, хотя языки этих трёх народов отличаются друг от друга не меньше, чем русский от арабского. Отсюда «енисейские остяки», «остяко-самоеды» и прочая путаница, которую историкам до сих пор приходится распутывать по архивам.

Самое известное из таких имён — «самоеды». Происхождение слова спорно. Скорее всего, оно пришло из какого-то финно-угорского языка и к еде никакого отношения не имело. Но для русского уха оно звучало как «самих себя едят», и народная этимология сделала своё дело. Имя, которое изначально ничего не значило, стало восприниматься как обвинение в людоедстве. Только в советское время его окончательно заменили самоназваниями: ненцы, энцы, нганасаны, селькупы. Само слово «самодийские» лингвисты сохранили как название языковой группы.

Самоназвания устроены иначе. Удивительно много из них означают просто «человек» или «люди». «Ненэць» — человек. «Нивх» — человек. «Нганасан» в своей основе тоже означает человека. Эвенки, ханты, манси, эвены называют себя словами того же смысла, как и многие народы мира. Чукчи называют себя луораветлан — «настоящие люди». А русское «чукчи» пришло от чукотского чаучу — «богатый оленями», то есть кочевник-оленовод. Одна часть народа оказалась названием для целого. Так же и слово «коряк», по-видимому, связано со словом «олень». Юкагиры называют себя одул, ительмены — ительмен, «здесьшний житель».

В этой книге мы следуем принятому сегодня правилу: называем народы так, как они называют себя сами, если это имя прижилось в русском языке. Мы пишем «ханты», а не «остяки», «нанайцы», а не «гольды», «нивхи», а не «гиляки». Старые имена остаются там, где мы цитируем документы или говорим о том, как видели эти народы пришельцы. Слова «остяк» или «самоед» в устах воеводы XVII века — такой же исторический факт, как сам воевода.

Кроме имён отдельных народов, у государства всегда было и общее слово для всех, кто жил в Сибири до русских. Эти слова меняли смысл вместе с политикой.

В XVII веке главным было «ясачные люди». Государство определяло человека через то, что он платит. Ясачный — это данник, и неважно, какому богу он молится и на каком языке говорит. Крещёный ясачный переставал быть ясачным и становился русским: так человек выходил из одной категории в другую.

С Уставом Сперанского 1822 года утвердилось слово «иностранцы», то есть люди иного рода. Устав делил их на три разряда: оседлые, кочевые и «бродячие». Разряд определял и права, и повинности. Как мы видели в «Старой Сибири», распределение по разрядам нередко бывало произвольным. Слово «иностранец» было административным термином, а не бранью. Но в нём уже заложена точка зрения: иностранец — иной по отношению к кому-то, кто здесь «свой». Сегодня это слово вышло из употребления, и мы используем его только как исторический термин.

В XX веке появились «туземцы», «малые народы Севера», затем «народности Севера». Советская наука различала «нации» и «народности»: народность считалась ступенью ниже,

народом, который ещё не дорос до нации. В советском перечне «малых народностей Севера» с 1920-х годов стояло 26 названий. Попастъ в него значило получить от государства опеку и льготы, но и признание своей «отсталости», которую предстояло преодолеть.

Каждое из этих слов — не просто ярлык. За каждым стоит представление о том, кем эти люди были для государства: данниками, подданными особого разряда, отсталыми, которых надо поднимать, получателями помощи. Язык, которым мы о ком-то говорим, всегда немного рассказывает и о нас самих.

Коренные малочисленные: юридический смысл

Сегодняшний юридический язык сложился в 1990-е годы. Конституция 1993 года гарантирует права «коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права» (статья 69). Закон 1999 года «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» определяет такой народ по четырём признакам. Он живёт на территориях традиционного расселения своих предков. Он сохраняет традиционный образ жизни, хозяйство и промыслы. Он осознаёт себя самостоятельной этнической общностью. Наконец, его численность в России меньше пятидесяти тысяч человек.

Первые три признака говорят о связи с землёй, о культуре и о самосознании. Четвёртый — просто число. Именно он и делает всю конструкцию странной. Якуты, буряты, тувинцы, алтайцы и хакасы живут на земле своих предков не меньше, чем эвенки или ханты. Но их больше пятидесяти тысяч, поэтому в перечень малочисленных они не входят. У них есть республики, но нет того набора прав на землю и промыслы, который закон даёт малочисленным. Зато в перечень попали мелкие тюркские группы южной Сибири — шорцы, телеуты, тубалары, челканцы, кумандинцы, чулымцы, — которых раньше считали частями алтайцев или хакасов. Для них статус малочисленного народа оказался выгоднее, чем растворение в большом соседе.

Сами перечни тоже время от времени меняются. Общий перечень коренных малочисленных народов России утверждён в 2000 году. В 2006 году утвердили отдельный перечень народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: в нём сорок народов. В эти перечни снова вошли камчадалы, которых в 1926 году «упразднили» решением сверху. Там же оказались сойоты — бурятизированные потомки саянских оленеводов, которые в 1990-е годы восстановили своё самосознание и добились признания. Народ, которого формально почти не было, снова появился на бумаге, потому что люди захотели, чтобы он был.

Закон защищает не только народы, но и конкретных людей. Поэтому в последние годы появился реестр — список лиц, которые относятся к коренным малочисленным народам. Кто может в него записаться, чем это подтвердить и что делать с детьми от смешанных браков — всё это вопросы, которые раньше касались этнографов, а теперь касаются чиновников и суда.

Коренные народы: международный смысл

В международном праве понятие шире и не привязано к численности. Самая известная рабочая формула принадлежит специальному докладчику ООН Хосе Мартинесу Кобо (1986). Коренными он предложил считать народы, которые имеют историческую преемственность с обществами, существовавшими на своих землях до завоевания или колонизации. Они считают себя отличными от других частей общества, которые сейчас преобладают на этих территориях. Они не занимают в этом обществе господствующего положения и намерены сохранить и передать потомкам свою землю и свою идентичность. Решающим признаком Кобо считал самоидентификацию: коренной — тот, кто сам себя таковым считает и кого принимает таковым община.

На этом понятии построены два главных международных документа. Первый — Конвенция Международной организации труда № 169 (1989), которую Россия не ратифицировала. Второй — Декларация ООН о правах коренных народов (2007): при голосовании Россия воздержалась. Декларация признаёт право коренных народов на самоопределение, на свои земли и ресурсы, на «свободное, предварительное и осознанное согласие» при любых проектах, которые их затрагивают.

По этим меркам якуты, буряты и тувинцы — такие же коренные народы, как эвенки. Разница в численности не играет роли. Играет роль отношение к земле и история: кто жил здесь до того, как пришло государство, которое теперь здесь правит.

Коренные: исторический смысл

В «Старой Сибири» мы предложили своё понимание. Коренной — не тот, кто жил на одном месте с начала человечества. Так не жил никто: якуты пришли на Лену с юга, эвенки расселились по тайге сравнительно поздно, чукчи потеснили юкагиров, ненцы — энцев и хантов. Коренной народ — это народ, у которого сложилось историческое отношение к территории, где сформировались его культура, хозяйство и коллективная идентичность.

Это определение не противоречит ни закону, ни Декларации ООН, но ставит ударение по-другому. Коренность — не порядковый номер в очереди «кто пришёл первым». Это связь, которая складывается веками: имена рек и урочищ на своём языке, могилы предков, знание, где пасти оленей и где ставить сети, память о войнах и союзах, ритуалы, привязанные к конкретным горам и озёрам. Такая связь может возникнуть у пришельцев, а может разорваться у тех, кто жил здесь всегда: если людей переселили, если их язык забыт, если их земля стала промзоной.

Отсюда неизбежный вопрос, к которому мы вернёмся в последнем разделе. Если коренность — это связь с землёй, сложившаяся за века, то что делать со старожилами? Они жили в Сибири триста лет, и их прабабушки часто были хантыйками, якутками или тунгуски. Сами они в XIX веке называли себя «коренными» в отличие от «расейских» переселенцев. А куда отнести камчадалов, марковцев, русскоустыинцев, гуранов — общности, которые выросли из встречи двух миров и не принадлежат полностью ни одному из них?

Мы не будем решать этот вопрос во введении. Но с самого начала будем различать три смысла слова «коренной»:

юридический — коренные малочисленные народы с их перечнями, порогом в пятьдесят тысяч и правами, записанными в законе;

исторический и международный — народы, чья культура и идентичность сложились на этой земле до прихода государства, которое сейчас ею правит, независимо от их численности;

самоназвание старожилов — «коренные» в противоположность «расейским», слово, которым потомки первых русских сибиряков обозначали свою укоренённость.

Эти три смысла пересекаются, но не совпадают. Когда в книге мы говорим просто «коренные народы Сибири», мы имеем в виду второй смысл: и малочисленных эвенков, и многочисленных саха. Юридическое понятие мы будем оговаривать отдельно. Разговор о старожилах и смешанных общностях оставим для последнего раздела. Там он будет уместнее всего: к тому времени читатель увидит, что граница между «коренными» и «пришлыми» в Сибири никогда не была стеной, но и не была пустым местом.

Теперь, когда мы договорились о словах, можно посмотреть на карту и на цифры: сколько народов, где они живут и сколько их.

0.4. Карта и цифры

В «Старой Сибири» мы не раз повторяли: карта обманывает. Цветное пятно на карте XVII века означало притязание, а не власть. Этнографическая карта обманывает по-своему. Она заливает огромные пространства одним цветом («эвенки», «ханты», «якуты») и создаёт впечатление, будто каждый народ сплошь занимает свою территорию, как государство. На деле почти везде живут вперемешку. Эвенк может жить в якутском селе, ханты — в нефтяном городе, чукча — в Анадыре, а на землях, покрашенных «ненецким» цветом, ненцев обычно меньше, чем приезжих. Карта показывает, где народ жил исторически и где живёт его ядро. Какова доля народа на этой земле сегодня, она не показывает.

Поэтому к картам нужны цифры, а к цифрам — оговорки.

Сибирь вместе с Дальним Востоком — около 13 миллионов квадратных километров, примерно три четверти территории России. Если бы это было отдельное государство, оно было бы самым большим в мире. Живёт на этом пространстве около 25 миллионов человек, меньше, чем в одной Московской агломерации вместе с областью.

Коренные народы (во втором, историческом смысле, который мы определили в 0.3) составляют среди них небольшую часть. Если сложить по переписи 2021 года саха, бурят, тувинцев, алтайцев, хакасов и сорок малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, получится немногим больше полутора миллионов человек, около шести процентов населения. Часть из них живёт далеко за пределами Сибири. Сибирские татары в эту сумму почти не попадают, потому что большинство из них записываются просто татарами.

Шесть процентов — это итог долгого процесса. Форсайт приводит ряд, который стоит запомнить. В 1897 году коренные жители составляли 14,4 процента населения Сибири, в 1926-м — 6,4, в 1959-м — 4,2, в 1989-м — около 5. Сами народы при этом не уменьшались: за 1959–1989 годы их численность выросла почти на 70 процентов, быстрее, чем у русских. Но приезжих становилось больше ещё быстрее. Коренные сибиряки не исчезли. Они оказались меньшинством у себя дома.

Шесть коренных народов Сибири насчитывают десятки и сотни тысяч человек. У пяти из них есть свои республики.

Саха (якуты) — около 478 тысяч, крупнейший коренной народ Сибири. Живут в Республике Саха (Якутия), самом большом субъекте России (больше Аргентины). В республике саха — самый многочисленный народ, и якутский язык слышен на улицах Якутска.

Буряты — около 460 тысяч. Живут в Бурятии, в бывших Агинском и Усть-Ордынском округах (ныне части Забайкальского края и Иркутской области), а также в Монголии и Китае. В самой Бурятии буряты — меньшинство, около трети населения.

Тувинцы — около 295 тысяч. Единственная республика Сибири, где коренной народ составляет подавляющее большинство. Тувинский язык здесь — язык повседневной жизни.

Алтайцы — около 83 тысяч, в Республике Алтай. В 2000-е годы из них выделились малочисленные теленгиты, тубалары, челканцы и кумандинцы.

Хакасы — около 61 тысячи. В своей республике они составляют лишь около восьмой части населения.

Сибирские татары — тюркские жители Тобольского, Тюменского, Омского, Томского Прииртышья и Приобья, наследники Сибирского ханства. Сколько их, сказать трудно: перепись записывает их то «сибирскими татарами», то просто татарами, и это само по себе отдельный сюжет о том, кто и как определяет чужую идентичность.

Сорок народов из перечня коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в сумме насчитывают около 262 тысяч человек. Их удобно разложить не по языкам (это сделают разделы книги), а по большим историко-культурным областям.

Западная Сибирь, Обь и Енисей: ханты, манси, лесные и тундровые ненцы, селькупы, кеты. Именно здесь находится главная нефтегазовая провинция страны, и конфликт между промыслом и оленеводством острее всего.

Таймыр: долганы, нганасаны, энцы, таймырские ненцы. Самый северный населённый край Азии, по соседству с Норильском.

Тайга от Енисея до Охотского моря: эвенки и эвены. Эвенки — рекорсмены расселения: их общины разбросаны от Енисея до Сахалина по полутора десяткам регионов, и почти нигде они не составляют большинства.

Северо-Восток: чукчи, коряки, ительмены, камчадалы, юкагиры, чуванцы, эскимосы (юпики), алеуты Командорских островов, кереки.

Амур, Приморье, Сахалин: нанайцы, ульчи, нивхи, удэгейцы, орочи, ороки (уйльта), негидальцы, тазы.

Алтай и Саяны: шорцы, телеуты, тубалары, челканцы, кумандинцы, тофалары, сойоты, тувинцы-тоджинцы, чулымцы.

Народ

Численность (перепись)

Где живёт ядро народа

Ненцы

49,6 тыс. (2021)

Ямал, Ненецкий округ, Таймыр

Эвенки

39,2 тыс. (2021)

Якутия, Эвенкия, Бурятия, Амур

Ханты

31,5 тыс. (2021)

Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий округа, Томская обл.

Эвены

ок. 22 тыс. (2010)

Якутия, Магаданская обл., Камчатка

Чукчи

16,2 тыс. (2021)

Чукотка

Манси

ок. 12 тыс. (2010)

Ханты-Мансийский округ

Нанайцы

ок. 12 тыс. (2010)

Хабаровский край

Шорцы

ок. 13 тыс. (2010)

Кемеровская обл.

Долганы

8,1 тыс. (2021)

Таймыр, северо-запад Якутии

Коряки

ок. 8 тыс. (2010)

Камчатка (бывший Корякский округ)

Нивхи

ок. 4,7 тыс. (2010)

Нижний Амур, Сахалин

Селькупы

ок. 3,6 тыс. (2010)

Ямал, Томская обл.

Ительмены

ок. 3,2 тыс. (2010)

запад Камчатки

Ульчи

ок. 2,8 тыс. (2010)

Нижний Амур

Юкагиры

1,8 тыс. (2021)

Якутия (Колыма), Чукотка

Эскимосы

ок. 1,7 тыс. (2010)

восток Чукотки

Удэгейцы

ок. 1,5 тыс. (2010)

Приморье, Хабаровский край

Кеты

ок. 1,2 тыс. (2010)

Туруханский район Красноярского края

Нганасаны

687 (2021)

Таймыр

Энцы

ок. 230 (2010)

Таймыр

Алеуты

123 (2021)

Командорские острова

Кереки

23 (2021)

Чукотка

Цифры в таблице нужно читать осторожно. Перепись 2021 года проходила во время пандемии, а около 17 миллионов человек вообще не указали национальность. Небольшие колебания численности малых народов часто говорят не о рождаемости или смертности, а о том, кто и как записался. Кереков в 2010 году насчитали четверых, в 2021-м — двадцать три. Народ не вырос в шесть раз за десять лет: просто больше людей решили назвать себя кереками. Это тоже важная цифра: она показывает, что идентичность — выбор, а не только происхождение.

Самое главное, что показывают цифры, — несовпадение карты народов с картой населения. На многих «национальных» землях коренные жители давно составляют малую часть. В Ханты-Мансийском округе ханты, манси и ненцы вместе — около двух процентов жителей. На Таймыре, в Ямало-Ненецком округе, на Чукотке коренные жители — меньшинство, иногда очень небольшое. Даже в национальных республиках титульный народ чаще всего не составляет большинства: исключения — Тува и в какой-то мере Якутия.

Вторая важная переменная — город. Ещё полвека назад малочисленные народы Севера жили почти исключительно в сёлах, стойбищах и кочевьях. Сегодня всё больше их живёт в районных центрах, окружных столицах и больших городах, от Салехарда и Анадыря до Новосибирска и Москвы. Для одних это разрыв с традицией, для других — новая форма жизни, в которой можно работать в городе и возвращаться в тундру на летнюю перекочёвку.

Карта, которую рисует читатель после этих цифр, получается сложнее цветных пятен атласа. На ней огромные пространства, по которым редкой сетью разбросаны посёлки, стойбища, промышленные города и вахтовые поселения. Коренные народы живут в этой сети не на отведённой им окраине, а в самой её ткани: там, где жили всегда, и там, куда их переселили.

Как эти люди говорят между собой и со своими предками, какие языки звучат на этой карте и какие замолкают, — тема следующего пункта.

0.5. Языки

На территории Сибири и Дальнего Востока звучит (или звучал ещё на памяти живущих) около четырёх десятков языков. Если считать диалекты, которые сами носители не всегда понимают друг у друга, их окажется гораздо больше: Форсайт насчитывает для эпохи первых встреч с русскими около ста двадцати языковых общностей. Для сравнения: в Северной Америке к приходу европейцев говорили на двух-трёх сотнях языков. Сибирь была лингвистическим материком не беднее Америки, и в этом смысле она остаётся им до сих пор.

Разделы нашей книги построены по языковым семьям. Сделано это не потому, что язык определяет народ целиком. Языковая семья не государство и не единый народ, и мы не раз увидим, как люди одной семьи воевали друг с другом, а люди разных семей жили бок о бок, женились и перенимали друг у друга всё — от упряжи до богов. Но язык — самая долговечная нить, по которой можно проследить происхождение народов. Кроме того, это удобный способ разложить сорок с лишним народов на пять полок.

Тюркские языки — самая многочисленная группа. К ней относятся якутский, долганский, тувинский, тофаларский, алтайский, хакасский, шорский, чулымский, сибирско-татарский. Их родственники живут от Турции до Китая, и якут при желании найдёт общие слова с казахом или турком. Но за тысячу лет раздельной жизни якутский и долганский ушли так далеко от остальных тюркских языков, что понимать друг друга без подготовки их носители не могут. Долганский, строго говоря, сложился как язык тунгусских оленеводов, перешедших на якутскую речь. Это напоминание о том, что язык и происхождение не одно и то же.

Монгольские языки в Сибири представлены прежде всего бурятским. Он близок к языку Монголии настолько, что советская власть сознательно отдаляла литературный бурятский от монгольского, чтобы не возникло «общемонгольского» языка. Об этом мы расскажем в своё время.

Тунгусо-маньчжурские языки — эвенкийский, эвенский, негидальский, нанайский, ульчский, ороцкий, удэгейский, орокский (уйльта). Их дальний родственник — маньчжурский, язык последней династии китайских императоров. Эвенкийский был распространён шире, чем любой другой язык Сибири: от Енисея до Охотского моря и от Ледовитого океана до Амура. Сегодня он же один из самых уязвимых.

Тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки устроены похоже: гармония гласных, длинные цепочки суффиксов, глагол в конце предложения. Поэтому их часто объединяют в «алтайскую семью». Большинство современных лингвистов считают это сходство результатом долгого соседства и заимствований, а не общего происхождения. Мы будем говорить об «алтайских языках» только как об условном ареальном понятии.

Уральские языки делятся на две ветви. Угорская ветвь — хантыйский и мансийский, дальние родственники венгерского. Самодийская ветвь — ненецкий (тундровый и лесной, почти отдельные языки), энецкий, нганасанский, селькупский. Ещё одна ветвь, саянская, почти вся исчезла: последняя носительница камасинского языка, Клавдия Плотникова, умерла в 1989 году. Её речь успели записать на плёнку, и сегодня это одна из самых известных историй о том, как лингвисты стенографируют уходящий язык.

Палеоазиатские языки — не семья, а полка, куда исторически складывали всё, что не помещалось на другие полки. Здесь несколько совершенно разных групп.

Чукотско-камчатские: чукотский, корякский, алюторский, керекский, ительменский. Вместе с эскимосско-алеутскими они славятся инкорпорацией — способностью складывать из существительного и глагола одно длинное слово. Например, чукотское «ты-мэйнысколя-гытыр-кын» — примерно «я охочусь на большую нерпу» одним словом. Эргативная конструкция,

при которой подлежащее переходного глагола оформляется иначе, чем подлежащее непереходного, тоже типична для этой зоны.

Эскимосско-алеутские: сибирский юпик, науканский (на Чукотке) и алеутский (на Командорах). Родственники языков Аляски и Гренландии. Здесь же одна из самых удивительных страниц мировой лингвистики — медновский (медновско-алеутский) язык острова Медный. В нём алеутские существительные и глагольные корни соединялись с русскими глагольными окончаниями. Это один из немногих в мире по-настоящему «смешанных» языков.

Юкагирские: тундренный и колымский юкагирские, сегодня на грани исчезновения. Есть гипотеза об их дальнем родстве с уральскими языками, но она не доказана.

Кетский — последний живой язык енисейской семьи. Её остальные члены — югский, коттский, аринский, асанский, пумпокольский — исчезли в XVIII–XX веках, часто задокументированные лишь короткими словниками. В кетском есть тоны, почти как в китайском, и одна из самых сложных глагольных морфологий в мире. В 2008 году американский лингвист Эдвард Вайда выдвинул гипотезу о родстве енисейских языков с языками на-дене Северной Америки (навахо, апачи, тлинкитский). Если она верна, кеты — последние в Азии родственники народов, ушедших в Америку. Гипотеза вызвала много споров и пока остаётся гипотезой, но хорошо показывает, что далёкая таёжная речка может оказаться ключом к истории целого материка.

Нивхский — изолят, не имеющий доказанных родственников. Нивхи живут на Нижнем Амуре и Сахалине, на перекрёстке тунгусо-маньчжурского, айнского и китайского миров, но их язык ни на кого из соседей не похож.

Айнский — ещё один изолят. На Сахалине и Курилах айнский язык звучал до середины XX века, но после 1945 года почти все сахалинские айны уехали в Японию.

До 1917 года из всех коренных народов Сибири собственная давняя письменная традиция была только у бурят: старомонгольское вертикальное письмо, буддийские книги, тибетская учёность. Для якутского, некоторых других языков миссионеры и учёные создавали алфавиты на основе кириллицы. Академик Отто Бётлингк в 1851 году издал якутскую грамматику, ставшую классикой. Но массовой грамотности эти опыты не дали.

Советская власть сделала то, чего не делал никто до неё: за десятилетие создала письменность для десятков языков. В 1931 году утвердили Единый северный алфавит на латинской основе, и на нём начали выходить буквари и газеты на ненецком, эвенкийском, чукотском, нанайском и других языках. Выпускники Института народов Севера возвращались в свои посёлки учителями. Для многих народов это первые книги на родном языке, и об этом нельзя не сказать с благодарностью.

Но в 1937–1939 годах латиницу разом заменили кириллицей, а русский язык стал обязательным со школьной скамьи. Литература, начавшая складываться на латинице, во многом пропала вместе с ней. Форсайт замечает, что с шорской письменностью так и произошло. После войны родные языки постепенно уходили из школ: сначала из средних классов, затем из начальных. К 1970-м годам на многих языках учили только в подготовительном классе. Интернаты, куда детей забирали на весь учебный год, довершили дело. Дети возвращались к родителям, говоря на другом языке.

Форсайт приводит картину, которую можно назвать лестницей поколений. У коряков в 1970-е годы люди старше пятидесяти говорили только по-корякски. Поколение от тридцати до пятидесяти было двуязычным, но корякский считало родным. У тех, кому было от пятнадцати до тридцати, родным стал русский. Многие дети говорили только по-русски. Одна семья, три поколения — и язык, на котором говорили тысячелетиями, остаётся только у бабушек.

По таким лестницам сегодня можно расставить почти все языки Сибири. Наверху — тувинский и якутский: на них говорит большинство народа, растут дети, выходят газеты, книги, фильмы, пишутся песни и посты в соцсетях. Якутский вдобавок остаётся языком межнацио-

нального общения для эвенков, эвенов и юкагиров Якутии: они порой переходят на якутский, а не на русский. Ниже — бурятский, алтайский, хакасский, ненецкий: живые, но всё менее передающиеся детям в городе. Ещё ниже — большинство языков малочисленных народов: хантыйский, мансийский, эвенкийский, эвенский, чукотский, корякский, нанайский, нивхский. Молодые люди понимают их, но говорят на них всё реже. Внизу лестницы — языки, у которых осталось несколько десятков или единиц носителей: кетский, энецкий, керекский, юкагирские, орочский, удэгейский, ительменский.

Лингвисты давно знают: язык умирает не тогда, когда умирает последний носитель, а тогда, когда родители перестают говорить на нём с детьми. Это решение редко принимают свободно. За ним стоит школа, где родной язык считался признаком отсталости, работа, где он не нужен, насмешки на улице, брак с человеком, который его не знает. Форсайт цитирует Рыхтэу: отказ от поддержки северных языков после 1950-х годов был сознательной политикой. Её строили на убеждении, что при коммунизме языки всё равно сольются, и это убеждение разделяли многие представители самих народов.

Языки Сибири живут не только у своих носителей. Русский язык взял у них сотни слов, и многие сибиряки даже не подозревают, откуда эти слова пришли. Тайга, юрта, унты, торбаса, кухлянка, яранга, парка, малица, нарты, чум, пыжик, пурга, шуга, сор (в смысле заливного озера) — это лишь небольшая часть. Некоторые пришли через посредство коми и тюрков, у других этимология спорна, но все они — следы встречи. В сибирских говорах русского языка таких слов ещё больше, особенно в словаре охоты, рыбалки, одежды, погоды и ландшафта.

Эта встреча шла в обе стороны. Русскоустыинцы на Индигирке, ленские старожилы, говорившие по-якутски, говорка — таймырский пиджин, на котором общались долганы, нгансаны, ненцы и русские, — все они показывают, что граница между «русским» и «коренным» в языке так же проницаема, как и в крови. Вопрос в том, в какую сторону течёт поток. Три века он тек в обе. Последние семьдесят лет — почти только в одну.

Несколько технических договорённостей. Названия народов мы даём по самоназваниям, принятым в русском языке (об этом в 0.3). Слова из языков коренных народов мы стараемся передавать в той форме, в какой они приняты в современной русскоязычной литературе, обычно без специальных знаков. Если форма спорна, приводим её в том виде, как её дают наши источники, и называем источник. Мы не лингвисты-полевики и не претендуем на точность словаря. Наша задача — показать, что за каждым этнонимом стоит язык со своей грамматикой, своей историей и своей судьбой.

А язык, в свою очередь, всегда связан с тем, как люди живут: чем кормятся, где ставят жилище, как движутся по земле. Об этом — следующий пункт.

0.6. Способы жизни

Советская этнография разложила народы Сибири по «хозяйственно-культурным типам». Схему предложили в 1955 году Максим Левин и Николай Чебоксаров. Были охотники и рыболовы тайги, оленеводы тундры, морские зверобои, скотоводы степей, земледельцы. Схема была удобной и во многом точной: хозяйство действительно определяет, где человек ставит жилище, что он ест, во что одевается, как часто переезжает и сколько людей может прокормиться вместе.

Но в эту схему была встроена лестница. Внизу стояли «присваивающие» хозяйства — охота, рыболовство, собирательство. Выше — «производящие»: скотоводство и земледелие. Ещё выше — промышленность и город. Каждый тип был не просто способом жить, а ступенью развития, и считалось, что по этой лестнице любой народ рано или поздно должен подняться. Отсюда было недалеко до вывода, что охотника надо «поднимать», кочевника «оседать», а оленевода превращать в работника совхоза с нормой выработки.

Мы смотрим на это иначе. Способ жизни — не ступень, а ответ на вопрос, который ставит земля. В тундре не растёт пшеница. На морском берегу Чукотки нельзя пасти коров. В горной тайге нет пастбищ для конских табунов. Народы Сибири за тысячелетия нашли ответы,

до которых не додумался бы ни один приезжий специалист, и эти ответы были знанием, а не бедностью. Попытка «улучшить» их по образцу среднерусской деревни или промышленного города почти всегда кончалась одним и тем же: хозяйство разрушалось, а нового, которое держалось бы на этой земле само, не возникало.

Большая часть Сибири — тайга. Её классические жители — эвенки, эвены, лесные юкагиры, кеты, селькупы, часть хантов и манси. Основой их жизни была охота на лося, дикого оленя, медведя, пушного зверя, а летом — рыбалка. Оленей держали немного, десяток-другой на семью. На них не ели и не шили одежду: на них ездили. Эвенк садился в седло без стремян, перекинутое через лопатки, и опирался на длинную палку, а выючные олени везли разобранный чум, котлы и детей в берестяных люльках. Такое небольшое транспортное оленеводство позволяло охотнику кочевать по огромным пространствам. Одна семья могла за год пройти сотни километров по кругу, возвращаясь в знакомые места.

Земля при этом не делилась на участки в нашем смысле. У каждого рода были свои реки и угодья, их помнили и о них договаривались. Но добыча принадлежала не только охотнику. У эвенков существовал обычай нимат: удачливый охотник отдавал мясо не только своей семье, но и соседям по стойбищу. Одиноким охотник в тайге погибает. Община, где делятся, выживает даже в плохой год. То, что советские агитаторы в 1930-е годы назовут «первобытным коммунизмом», который надо искоренить, было страховкой, проверенной веками.

Тундра — мир ненцев, чукчей, оленных коряков, энцев, северных эвенов. Здесь олень стал не транспортом, а основой всего: пищей, одеждой, покрышкой жилища, средством обмена, мерой богатства и главной жертвой духам. Ненецкий чум, покрытый оленьими шкурами, чукотская яранга, малица и кухлянка — всё это из оленя. Стадо в тысячу голов кочует с зимних пастбищ в лесотундре на летние у моря, где ветер спасает оленей от гнуса, и назад. На Ямале это сотни километров в год.

Важно знать одну вещь, о которой обычно не рассказывают. Крупностадное оленеводство не так уж древне. Большие стада ненцев и чукчей сложились в основном в XVIII–XIX веках, когда народы тундры перестроили хозяйство вслед за собственной историей: войнами, торговлей, потеплениями и похолоданиями, упадком дикого оленя. Андрей Головнёв и другие исследователи показывают, что «традиция» тундры — не застывший обычай с начала времён, а живое изобретение, которому двести-триста лет. Народы Сибири меняли свой способ жизни и до русских, и при русских. Разница в том, меняли ли они его сами или за них это делали другие.

Постсоветский Ямал показал, на что способно оленеводство, когда его отпускают. В 1990-е годы, когда совхозы рушились, ненецкие семьи увеличивали собственные стада. Ямал до сих пор остаётся одним из крупнейших в мире районов кочевого оленеводства. Кочевники на снегоходах, со спутниковыми телефонами и солнечными батареями в чуме — не пережиток прошлого, а одна из форм современной жизни.

Там, где реки богаты рыбой, народы Сибири жили оседлее. Обские ханты и манси, нанайцы, ульчи и нивхи на Амуре, береговые ительмены на Камчатке: рыба давала им больше, чем охота. Сезонный ход лосося на Амуре и Камчатке кормил людей и собак круглый год: юколу, вяленую рыбу, заготавливали тоннами. У нанайцев из рыбьей кожи шили одежду и обувь. Китайцы называли их за это «рыбокожими», и слово звучало с презрением. На самом деле рыбья кожа, правильно выделанная, лёгкая, прочная и не пропускает воду: инженерное решение, а не нужда.

Рыболовы жили в постоянных сёлах с зимними полуземлянками и летними свайными постройками, держали ездовых собак, ставили запоры поперёк рек. Оседлость дала им более сложные общества: большие дома, наследственных старейшин, дальнюю торговлю с Китаем и Японией. Здесь же, как ни парадоксально, колонизация ударила особенно сильно. Лучшие рыболовные места русские и китайские пришельцы забрали первыми.

На северо-восточном краю материка, на берегах Берингова и Охотского морей, жили морские зверобои: береговые чукчи, азиатские эскимосы, береговые коряки, алеуты на островах. Они охотились на моржа, нерпу, лахтака, а там, где умели, и на китов. На кожаных байдарах, с поворотными гарпунами, наконечник которых разворачивался в теле зверя, эти охотники выходили в холодное море, где ошибка стоила жизни. Кит мог кормить посёлок целую зиму. Его делили по сложным правилам, в которых учитывались и те, кто загарпунил, и те, кто остался на берегу.

Морские зверобои и оленеводы жили в тесной связи. Береговые чукчи меняли тюлений жир, ремни, кожи на олени шкуры и мясо своих тундровых соседей. «Чукчи» — это на деле два народа в одном, и граница между ними проходила не по крови, а по способу жизни. Человек, потерявший стадо, мог уйти на берег и стать зверобоем. Удачливый зверобой мог обзавестись оленями. Хозяйство определяло, кем ты был, но не навсегда.

На юге Сибири и в Забайкалье жили кочевые и полукочевые скотоводы: буряты, тувинцы, алтайцы, хакасы. Их мир — «пять видов скота» степной Азии: лошади, коровы, овцы, козы, верблюды. Их жилище — войлочная юрта, их пища — молоко и мясо, их богатство — табуны. Эти народы были частью большого степного мира, от Маньчжурии до Венгрии, с его державами, ханами и торговыми путями. До русских они были не периферией, а центром.

Самый поразительный пример — якуты. Их предки пришли на Лену с юга, из степей, и принесли с собой лошадей и коров. В тайге, где зимой бывает минус пятьдесят, это казалось невозможным. Но якуты вывели особую породу лошадей, способную всю зиму добывать траву из-под снега, построили тёплые балаганы для скота, научились заготавливать сено в таёжных аласах. Скотоводство, выросшее в степи, прижилось на полюсе холода. Лучшего опровержения тезиса о «неразвитости» северных народов не придумать.

Были в Сибири до русских и земледельцы. Сибирские татары сеяли ячмень и держали огороды. Енисейские кыргызы, предки хакасов, ещё в раннем средневековье строили оросительные каналы. Дауры на Амуре жили в укреплённых городках с пашнями и огородами. На юге Кузнецкого Алатау шорцы плавил железо из руды — так их называли «кузнецкими татарами», отсюда и Кузнецк. Русские, пришедшие в Сибирь, часто учились у местных, где и что может расти.

Земледелие, однако, никогда не было главным занятием коренных сибиряков. Для большинства из них пашня была не мечтой, а тем, что приходит вместе с чужаками и отнимает землю. Русский крестьянин выжигал лес под поле, а огонь уходил в охотничьи угодья. Форсайт приводит челобитную эвенка Мургуچی 1680 года: он жил «на своей родовой земле» на Уде «много лет», а теперь его «сгоняют илимские крестьяне». Советский «плуг» 1930-х годов, заставлявший удэгейцев пахать там, где пахать было нельзя, был продолжением той же истории.

Чистых типов почти не бывает. Эвенк охотился, ловил рыбу и держал оленей. Ханты рыбачили, охотились, собирали кедровые орехи и в северных районах пасли оленей. Тувинцы одной из своих частей, тоджинцы, стали таёжными оленеводами, а другой — степными скотоводами. Якуты держали коров и лошадей, но охотились и рыбачили не меньше. Сила этих обществ была не в узкой специализации, а в гибкости: умении переключаться с одного ресурса на другой, когда первый подводит.

Отсюда один из главных мотивов нашей книги: подвижность. Кочевка была не бездомностью, а способом пользоваться землёй, которую нельзя использовать, стоя на месте. Кроме того, это был способ сопротивления. Когда воеводы требовали слишком много ясака, эвенки уходили вглубь тайги, буряты — в Монголию, якуты — на север. Уход вместе с хозяйством был оружием, которого нет у пахаря, привязанного к полю. Поэтому любое государство, которое хотело по-настоящему контролировать эти народы, рано или поздно начинало с одного: с попытки их осадить.

Именно это и произошло в XX веке. Коллективизация, «оседание кочевников», укрупнение сёл, «научное оленеводство», интернаты, куда забирали детей, — всё это было атакой не только на имущество, но и на сам способ жизни. Иногда власть достигала цели, иногда натыкалась на тихое упрямство: ненцы жили в выданных домах «как в чуме», эвенки уходили в тайгу, а юкагиры, если верить советским источникам, „торжественно“ сжигали последние чумы — сколько в этом было торжества, источники не уточняют - а потом тайно ставили новые. Об этом мы расскажем в своё время.

Но, прежде чем рассказывать, что с этими обществами сделали, нужно договориться, как мы на них смотрим: не как на музейные экспонаты и не как на жертвы, а как на людей, которые сами строили свою жизнь. Об этом следующий пункт.

0.7. Как мы смотрим

У каждой книги о чужих народах есть точка обзора, даже если автор уверяет, что её нет. Путешественник XVIII века смотрел на «дикарей» из окна кибитки. Миссионер — с амвона. Чиновник — из-за стола, заваленного ясачными книгами. Советский этнограф — с высоты «исторического материализма», откуда каждый народ виден на своей ступеньке лестницы, ведущей к коммунизму. Все они видели что-то настоящее. И все они видели прежде всего то, что позволяла увидеть их точка обзора.

Мы не будем делать вид, будто наша книга смотрит ниоткуда. Лучше сразу сказать, откуда мы смотрим и чего не станем делать.

Первое и главное: в этой книге нет «отсталых» народов. Есть народы, которые жили в разных условиях, решали разные задачи и нашли разные ответы. Эвенк, который по следам на снегу знает, какой зверь прошёл, когда и куда, не «ниже» инженера, который не отличит след лося от следа оленя. Он знает другое. Чукотский зверобой, выходящий в Берингово море на кожаной байдаре, — не «первобытный» человек, а мастер, чьё умение накапливалось тысячами.

Это кажется очевидным, но ещё сто лет назад так не думал почти никто. Слово «иностранец» обозначало не просто человека иного рода, а человека низшего разряда. Разговоры о «вымирании» северных народов звучали как закон природы, которому можно лишь посочувствовать. Одни объясняли это «неспособностью к цивилизации», другие — «вырождением», третьи — самой северной природой. Советская наука заменила биологическую лестницу социальной, но лестница осталась: «первобытные» народы надо было «подтягивать» к «передовым». Форсайт справедливо замечает, что это было «реформаторское миссионерство без христианства, но со столь же сильной уверенностью в абсолютном просвещении».

Мы отказываемся от лестницы целиком. Разнообразие человеческих обществ ценно само по себе, как ценно разнообразие языков, рек и лесов. Народ имеет право оставаться собой, и исчезновение его языка или растворение в соседях — не «естественный прогресс», а потеря.

Такой взгляд не придуман сегодня и не привезён из-за границы. У него в Сибири есть свои глубокие корни.

Сибирские областники второй половины XIX века, прежде всего Григорий Потанин и Николай Ядринцев, первыми в русской общественной мысли сказали вслух, что Сибирь — колония, а её коренные народы — жертвы колониальной эксплуатации. Ядринцев в книгах «Сибирь как колония» (1882) и «Сибирские инородцы, их быт и современное положение» (1891) собрал обширный материал о том, как купцы, чиновники и кабатчики разоряли коренных жителей долгами, водкой и отнятием угодий. Его формула до сих пор звучит пугающе точно. Англичанину, писал он, достаточно было бросить в дебри Азии кусок красного сукна, и судьба дикаря была решена. Ядринцев предупреждал, что человек, привыкший к хлебу, водке, табаку и пороху и потерявший свои угодья, оказывается в положении умирающего Тантала. Он же доказывал, что «вымирание инородцев» не закон природы, а результат того, как с ними обращаются. Что это следствие политики, а не судьбы.

Потанин, путешественник и знаток Монголии, Тувы и Алтая, всю жизнь собирал легенды и верования народов Внутренней Азии и видел в них не «суеверия дикарей», а часть мировой культуры. Он поддерживал молодую коренную интеллигенцию: алтайского художника Григория Гуркина, бурятских и казахских просветителей. Для Потанина будущая сибирская автономия была немыслима без коренных народов как равноправных её участников. Когда в 1917 году в Томске собрался Сибирский областной съезд, председательствовал на нём именно Потанин.

У областников были свои противоречия. Ядринцев, при всём сочувствии, считал приход «цивилизации» неизбежным и спорил скорее о том, как смягчить удар, чем о праве народов

жить по-своему. Как мы писали в «Старой Сибири», областники не всегда последовательно разрешали это противоречие. Но они его увидели — раньше и яснее других.

Рядом с ними стояли люди другого пути: народовольцы, сосланные в Сибирь за революционную деятельность, которые стали этнографами. Владимир Богораз изучал чукчей. Владимир Иохельсон — юкагиров и коряков. Лев Штернберг — нивхов. Эдуард Пекарский, польский ссыльный, провёл в Якутии десятилетия и составил большой словарь якутского языка, по которому учатся до сих пор. Вацлав Серошевский написал книгу о якутах, ставшую классикой. Эти люди приехали в Сибирь не по своей воле, но прожили годы в ярангах и юртах, выучили языки и увидели в своих хозяевах не объект изучения, а людей. Именно Богораз и Штернберг в 1920-е годы стояли за Комитетом Севера. Именно Богораз предлагал охранять земли северных народов от пришельцев и дать им жить по-своему. Большевики этот путь отвергли, но сама идея родилась из сибирской социалистической традиции, где уважение к угнетённым было не риторикой, а делом жизни.

Наша книга продолжает эту традицию. Антирацизм и уважение к коренным народам — не чужая мода, а одна из лучших черт сибирской общественной мысли, от областников до ссыльных этнографов, от Ядринцева до Богораза.

Второй принцип: народы Сибири в этой книге действуют, а не только терпят. Слишком часто история колонизации пишется так, будто коренные жители — это ландшафт, по которому движутся главные герои: казаки, воеводы, миссионеры, комиссары. Коренные жители в такой истории появляются, только когда их покоряют, крестят, облагают ясаком, переселяют или «спасают».

Так не было. Хантыйские князья вели свою дипломатию, выбирая между Кучумом и Москвой. Буряты уходили в Монголию и возвращались, когда условия менялись. Якутские тойоны сначала воевали, потом торговались, потом вписывались в новую систему и использовали её в своих интересах. Чукчи сто двадцать лет отбивались от войск и в итоге добились положения «не вполне покорённого» народа, жившего по своим законам. В 1920-е годы ненцы, избрав положенный им совет, тайно выбрали себе и князя: совет нужен русским, а ненцам нужен вождь. В 1980-е годы эвенки добились отказа от плотины, которая должна была затопить их долину. Керекы, которых в 2010 году насчитали четверых, через десять лет оказались вдесятеро многочисленнее: люди решили назвать себя кереками.

Это не значит, что силы были равны. Против луков стояли пушки, против родового схода — империя, а позже — советское государство с его всесильным аппаратом. Но даже там, где у людей почти не оставалось выбора, они выбирали: уйти, остаться, подчиниться, схитрить, сохранить язык в семье, тайно ударить в бубен. История этих выборов — главная история нашей книги.

Третий принцип. Уважение не требует идеализации: народы Сибири знали и межродовые войны, и неравенство, и мы не будем делать вид, что это не так. Но и выставлять эти страницы на первый план мы не станем. Именно так поступают апологеты завоевания, когда ищут в истории покорённых любой повод сказать «они и сами были не лучше». Войны между родами и угон оленей не отменяют того, что одни общества развивались по своей воле, а потом это право у них отняли силой. Мы помним о сложности, но стоим на стороне тех, у кого это право отняли.

Четвёртый принцип: мы называем вещи своими именами. Присоединение Сибири к России было завоеванием, а управление ею — колониальным управлением. Так думали Ядринцев и Потанин, так пишет Форсайт, так считают многие коренные авторы. Историки советской школы предпочитали слова «освоение», «присоединение», «вхождение», «добровольное подданство». Эти слова мы будем брать в кавычки, если они описывают не то, что было на самом деле.

Завоевание не означает, что все русские были завоевателями. Крестьянин, бежавший в Сибирь от помещика, и ссыльный декабрист — не воевода. Старожилы, жившие рядом с коренными соседями веками, женившиеся на их дочерях, перенимавшие их одежду, слова и даже веру, часто сами становились частью местного мира. Эта сложность — предмет последнего раздела книги. Но сложность не отменяет главного: государство пришло в Сибирь силой, забирало её ресурсы и распоряжалось её жителями, не спрашивая их согласия. Так происходило и при царях, и при советской власти.

Пятый принцип: там, где можно, мы даём слово самим людям. Челобитным XVII века, где ненцы жалуются, что их «оставили нагими и босыми». Словам старого чукчи, который отказался креститься: он хотел «умереть по нашим обычаям, как человек». Юрию Рытхэу, Владимиру Санги, Еремею Айпину, Анне Неркаги, Алитету Немтушкину, Алексею Кулаковскому, Платону Ойунскому — писателям, которые рассказали о своих народах изнутри. Этнографам из самих коренных народов, таким как нивх Чунер Таксами.

Мы не будем пересказывать академические споры ради того, чтобы показать все мнения сразу, и не будем искать середину между тем, кто грабил, и тем, кого грабили. Где факты спорны, мы скажем, что они спорны. Где источники противоречат друг другу, мы покажем, почему. Но оценку мы выносим сами и открыто.

И последнее. Эта книга написана сибиряком для сибиряков и для всех, кому интересна Сибирь. Многие из нас носят в себе обе истории — и русскую, и коренную — по семейным преданиям, по лицу в зеркале, по фамилии бабушки. «Старая Сибирь» рассказывала одну из этих историй. «Коренная Сибирь» рассказывает другую. Только вместе они составляют правду о том, откуда мы взялись.

0.8. Чего мы хотим

Цели этой книги можно назвать коротко.

Первая — рассказать. Показать читателю, что за словами «ханты», «эвенки», «нивхи» стоят не строчки из учебника географии и не картинки в школьном атласе, а живые общества с богатой историей. У каждого из них свой язык, своя система родства, свои представления о мире, свои герои и свои трагедии. Мы хотим, чтобы после этой книги человек, услышавший слово «селькупы» или «удэгейцы», знал о них хотя бы столько же, сколько знает о французах или японцах.

Вторая — показать общество, а не только быт. Популярные книги о народах Сибири чаще всего рассказывают о чуме, нартах, бубне и узорах на одежде. Всё это важно, и мы тоже будем об этом говорить. Но нам интереснее другое: как эти люди жили вместе. Как устроен род и зачем нужна экзогамия. Кто принимал решения, если не было князя. Почему добычу делили с соседями. Как женились и разводились, как улаживали ссоры и вели войны, как заботились о стариках и сиротах. Социальные традиции народов Сибири — это опыт человечества, который пригодится далеко не только этнографам.

Третья — рассказать историю с другой стороны. В «Старой Сибири» мы смотрели на встречу двух миров из русского острога. Здесь мы смотрим на неё из стойбища. Нам важно показать, чем обернулись для коренных народов ясак, аманаты, оспа, крещение, долговая кабала, Устав 1822 года, коллективизация, интернаты, нефтепромыслы. И как они на это отвечали.

Четвёртая — бороться с предрассудками. Со словом «чукча» из анекдота. С уверенностью, что северные народы «спаивались сами». С мифом о «пустой земле» и «добровольном присоединении». С привычкой видеть в коренных сибиряках либо отсталых, либо экзотических. Предрассудки не опровергаются лозунгами. Их опровергают знания, и мы хотим дать читателю эти знания.

Пятая — поставить вопрос, который давно ждёт ответа. Кто такие коренные сибиряки? Только ли те, кого называет так закон? Или и те, кого закон не замечает: камчадалы, марковцы, русскоустыинцы, старожилы, семьи, где сошлись русские и хантыйские, якутские, бурятские прадеды? Мы не обещаем окончательного ответа, но обещаем честный разговор.

И шестая — заявить позицию. Мы считаем, что народы Сибири имеют право на свою землю, свой язык и своё самоуправление. Никакие соображения «государственной пользы», «освоения» или «прогресса» не дают права решать их судьбу без них. Что именно из этого следует для будущего, будут решать не авторы книг, а сами народы. Но условия этого решения — знание своей истории и уважение к ней соседей. Это книга в защиту этих условий.

0.9. Как устроена книга

Книга состоит из введения, пяти разделов и заключения.

Первые четыре раздела рассказывают о народах, сгруппированных по языковым семьям, о которых шла речь в пункте 0.5. Каждая глава посвящена одному народу или нескольким близким народам. Обычно она строится так: откуда пришёл народ и как он сложился; как устроено его общество — род, семья, брак, власть, собственность, взаимопомощь; во что верили и как объясняли мир; как добывали пропитание; как встретились с русскими и что было дальше; как народ живёт сегодня. Главное внимание — социальным традициям. Историю контактов с русскими в этих главах мы даём кратко, отсылая к пятому разделу.

Раздел первый. Тюркские народы: сибирские татары; алтайцы и малые народы Алтая (теленгиты, тубалары, челканцы, кумандинцы); шорцы и телеуты; хакасы и чулымцы; тувинцы; тофалары; саха (якуты); долганы.

Раздел второй. Уральские народы: ханты; манси; ненцы тундровые и лесные; селькупы; энцы; нганасаны; и общие главы об угорском и самодийском мирах.

Раздел третий. Монгольские и тунгусо-маньчжурские народы: буряты; сойоты; эвенки; эвены; нанайцы и ульчи; удэгейцы, орочи и тазы; негидальцы и ороки; амурский мир на границе с Китаем.

Раздел четвёртый. Палеоазиатские народы: кеты; юкагиры и чуванцы; чукчи; коряки и кереки; ительмены; нивхи; эскимосы и алеуты; айны.

Пятый раздел устроен иначе. Он хронологический и рассказывает о том, что произошло между коренными народами и пришельцами за четыре века: от первых походов за Урал и ясачной системы XVII века через XVIII век и Устав Сперанского, через революцию, эксперименты 1920-х годов, коллективизацию и террор 1930-х, послевоенные переселения и нефть — до движения за права коренных народов конца XX века и нашего времени. Последняя глава посвящена вопросу, поставленному в 0.3 и 0.8: кого считать коренными сибиряками, где место смешанных общностей и самих старожилов.

Разделы можно читать в любом порядке. Читатель, которого интересует история, может начать с пятого раздела и возвращаться к главам о народах. Тот, кому интересен конкретный народ, может сразу открыть его главу. Там, где сюжет уже был подробно рассказан в «Старой Сибири», мы даём его кратко и отсылаем к первой книге.

В конце книги — список литературы. В нём собраны прежде всего те работы, которые доступны читателю и которые мы можем рекомендовать для дальнейшего чтения: от классических трудов Богораза, Иохельсона и Штернберга до современных исследований и книг самих коренных авторов.

А теперь — в путь. Начнём с юга, со степей и гор, где тюркские народы Сибири жили задолго до того, как первый казак перевалил через Урал.

Раздел первый. Тюркские народы

Глава 1. Степь, которая дошла до тайги

1.1. Тюркский мир от Босфора до Лены

Есть популярная история, которую рассказывают в Якутске, Стамбуле и Казани с разными подробностями. Якут приезжает в Турцию, слышит на базаре, как считают «бир, ики, юч», и понимает: это же его «биир, икки, үс». Потом выясняется, что вода по-турецки «су», а по-якутски «уу». Молоко «сют» и «үүт», конь «ат» и «ат», камень «таш» и «таас», солнце и день «гюн» и «күн». Всё это похоже, но разговариваться не получается. Якут уезжает с чувством, что нашёл дальних родственников, но так и не понял, о чём они говорят.

Этот анекдот неплохо описывает, что такое тюркский мир. Между якутом на Лене и турком на Босфоре — восемь тысяч километров, полтора тысячелетия раздельной истории, другие боги, другой скот, другие соседи. И всё же их языки — ветви одного дерева. Если собрать эти ветви вместе, получится одна из самых больших языковых семей Евразии: несколько десятков языков и около двухсот миллионов говорящих, от Балкан и Кавказа до Колымы и Таймыра.

Северный край этого мира лежит в Сибири. Якутский и долганский — самые северные тюркские языки на земле. На долганском говорят за Полярным кругом, на Таймыре, куда ни один степной кочевник никогда не пригнал бы табун. На юге Сибири, на Алтае и в Саянах, тюркский мир, наоборот, у себя дома: где-то здесь, между Алтаем, Монголией и Енисеем, по мнению большинства историков, и сложились когда-то древние тюрки.

Лингвисты делят тюркские языки на несколько групп. Схемы у разных авторов расходятся, но основные ветви таковы. Огузская ветвь — турецкий, азербайджанский, туркменский. Кыпчакская — казахский, татарский, башкирский, киргизский, а в Сибири языки сибирских татар и южных алтайцев. Карлукская — узбекский и уйгурский. Отдельно стоит чувашский: он откололся от общего ствола раньше всех и сохранил черты, которых нет у других тюркских языков.

Сибирь дала тюркскому миру свою большую ветвь. Её часто называют сибирской, или северо-восточной. В неё входят тувинский и тофаларский, хакаский, шорский, чулымский, языки северных алтайцев, а также якутский и долганский. Якутский в этой ветви — особый случай. Он так долго жил отдельно от остальных, среди тунгусов и монголов, что многие лингвисты выделяют его вместе с долганским в самостоятельную группу. В якутском много монгольских слов и тунгусских заимствований, а звуки изменились так, что узнать в нём тюркский язык может только специалист. Начальное «с» в нём выпало (турецкое «су» стало «уу», «сют» стало «үүт»), а многие гласные удлинились. Первым научно доказал тюркскую природу якутского академик Отто Бётлингк в 1851 году. До него якутский считали чем-то совершенно особенным.

Главный собиратель сибирских тюркских языков — Василий Радлов, немец на русской службе. В 1860-е годы он объездил Алтай, Саяны и Минусинскую котловину, записывал сказки и эпос и составил огромный «Опыт словаря тюркских наречий». Многие тексты, записанные Радловым, остаются единственными свидетельствами речи, которая потом исчезла.

Языковое родство — факт. Но из него часто делают выводы, которых оно не даёт. Три таких вывода стоит сразу опровергнуть.

Языковое родство — не родство крови. Среди тюркских народов Сибири есть люди, внешне очень похожие на монголов, и люди, которых на улице Тюмени не отличишь от русских.

Антропологи называют Южную Сибирь «нестабильной по эпохам мозаикой» разных физических типов. Сибирские татары — одна из наименее монголоидных тюркоязычных групп Сибири, тувинцы и якуты — одни из самых монголоидных. Язык передаётся не с генами, а с речью: ребёнок говорит на языке, который слышит, а не на языке своих прапрадедов. Поэтому у тюркского языка в Сибири есть много носителей, чьи предки говорили по-самодийски, по-кетски или по-угорски. Об этом подробнее в подглавке 1.3.

Языковое родство — не один народ. Ни один из тюркских народов Сибири не называет себя «тюрками». Якуты называют себя саха. Тувинцы — тыва. Алтайцы — алтай-кижи, а их северные соседи — туба-кижи, шалганду, куманды. Хакасы, шорцы и чулымцы с давних пор называют себя «тадар», то есть «татары», хотя с поволжскими татарами у них общего не больше, чем у эвенка с маньчжуром. Слово «тюрк» когда-то было именем одного правящего рода и одной державы — Тюркского каганата, возникшего в VI веке. Тюрками потом называли себя многие, а в XIX веке учёные сделали это слово названием целой языковой семьи. Но единого тюркского народа, объединяющего саха и турок, никогда не существовало.

Языковое родство — не общая вера и не общая судьба. Сибирские татары — мусульмане, и их культура тысячелетиями связана с Бухарой и Казанью. Тувинцы — буддисты тибетской традиции, их мир обращён к Монголии и Тибету. Якуты, хакасы, шорцы, алтайцы большей частью были крещены в XVIII–XIX веках, но под православием сохранили свой мир духов, а у алтайцев в 1904 году родилась собственная религия — «белая вера», бурханизм. Одни тюрки Сибири веками жили в степи с конями и юртами, другие охотились в таёжной черни, третьи ковали железо, четвёртые пасли коров на вечной мерзлоте. Их судьбы в составе России тоже сложились по-разному: у саха и тувинцев есть свои республики, где их язык слышен на улице, а у чулымцев язык, по словам этнографов, «исчезает на глазах».

Русские, придя в Сибирь, не разбирались в тонкостях. Почти всех тюркоязычных жителей Западной и Южной Сибири они называли «татарами»: тобольские, тарские, барабинские, томские татары, но ещё и чулымские, кузнецкие, абинские, минусинские, ачинские. Кузнецкие «татары» были предками шорцев, минусинские — хакасов, ачинские — чулымцев и кызыльцев. Кочевники Алтая в русских документах XVII–XVIII веков стали «калмыками» — белыми, горными, «зенгорскими». Путаница продержалась так долго, что многие народы приняли русское имя как своё. Хакас и шорец до сих пор называют себя «тадар», и за этим стоит не забвение истории, а её поворот: имя, которое дали чужие, стало своим.

Только в XX веке, когда появились национальные районы, области и республики, каждому «татарскому» и «калмыцкому» соседству понадобилось собственное имя. Так появились хакасы (1923), шорцы (как общее имя окончательно — в 1920-е годы), ойроты, затем снова алтайцы. Как мы увидим, одни из этих имён прижились, другие нет, а некоторые народы и сегодня продолжают выбирать, как им называться.

У языкового родства есть и политическая сторона, о которой нельзя промолчать. Дважды в XX веке — в 1918 году и в середине 1930-х — в Южной Сибири возникали проекты единой тюркской республики, объединяющей алтайцев, хакасов, шорцев, а иногда и тувинцев. Первый был мечтой местной интеллигенции. Второй, скорее всего, выдумали следователи, которым понадобился «пантюркистский заговор». Московская власть относилась к таким идеям с подозрением: тюркское единство казалось ей угрозой, а «пантюркизм» стал одним из тех обвинений, за которые в 1937 году расстреливали.

Этот страх во многом определил национальную политику советского времени. Литературные языки сибирских тюрков старались развести как можно дальше друг от друга. Границы автономий рисовали так, чтобы не получилось больших образований. Самостоятельность малых групп то поддерживали, то подавляли — в зависимости от того, что в данный момент казалось безопаснее.

Мы в этой книге смотрим на тюркское родство без страха и без восторга. Это часть истории, объясняющая, почему в тайге у Лены живут люди, которые молятся коню и пьют кумыс, а на Енисее высечены руны, похожие на надписи из монгольской степи. Но это не программа будущего. Каждый из тюркских народов Сибири — отдельный мир со своей историей, и каждый имеет право сам решать, что для него значит тюркское прошлое.

О том, откуда оно взялось, — о каганатах, енисейских кыргызах и рунах на камнях — следующая подглавка.

1.2. Каганаты и руны

В 1889 году Николай Ядринцев, тот самый областник, автор «Сибири как колонии», отправился в экспедицию в Северную Монголию. В долине реки Орхон, недалеко от развалин древней столицы, он нашёл огромные каменные стелы, покрытые с одной стороны китайскими иероглифами, а с других — непонятными значками, похожими на руны. Похожие знаки европейцы видели и раньше: ещё в 1720-е годы их описали на камнях по Енисею Даниэль Мессершмидт и пленный швед Филипп Иоганн Страленберг. Но никто не мог их прочесть, и учёные спорили, не скандинавские ли это руны или письмо какого-то исчезнувшего народа.

Прочёл их датский лингвист Вильгельм Томсен в 1893 году. Первым словом, которое он разобрал, было имя бога «тенгри» — «небо». Вскоре Василий Радлов опубликовал перевод. Оказалось, что на камнях — тюркский язык, и надписи сделаны в VIII веке от имени тюркских каганов. Так выяснилось, что задолго до прихода русских у народов, которых русские называли «татарами» и «инородцами», была письменность, государство и собственная история, записанная их же словами.

Для нашей книги это важно не как экзотический факт. Миф о «пустой земле» и «диких народах» трудно поддерживать, когда в музее Абакана стоят каменные надписи тысячелетней давности, оставленные предками хакасов.

В середине VI века в степях Монголии правил народ жузаний. У него в подчинении, на Алтае, жило племя, которое ковало для хозяев железо. Правящий род этого племени назывался Ашина, а само оно — тюрк. В 552 году вождь Бумын поднял восстание, разгромил жузаний и объявил себя каганом. Так возник Тюркский каганат, одна из самых больших держав раннего средневековья: за несколько десятилетий он раскинулся от Маньчжурии до Крыма, а его послы торговались с Византией и Персией.

Каганат быстро распался на западную и восточную части, пережил поражение от Китая и возродился в конце VII века. Именно от этого второго каганата и остались орхонские надписи. Самые знаменитые из них выбиты на стелах в честь принца Кюль-тегина (732) и его брата Бильге-кагана (735), а также советника Тоньюкука. Это не надгробные эпитафии, а настоящие политические речи, обращённые к народу. Каган рассказывает о победах и поражениях, упрекает тюрков в том, что те поддались соблазнам Китая, и предупреждает потомков: слова китайцев сладки, а их шёлк мягок, и сладкими словами и мягкими тканями они приманивают к себе далёкие народы, чтобы потом их погубить.

Кочевая держава, которая записывает на камне предостережение против имперской «мягкой силы» соседа, — такой образ плохо сочетается с представлением о «примитивных кочевниках». Сами тюрки называли себя «кёк тюрк» — «небесные», или «синие», тюрки. Они поклонялись Тенгри, небу, и Умай, богине-покровительнице рожениц и детей. Имя Умай и сегодня помнят сибирские татары, шорцы, хакасы и алтайцы. Об этом рассказывают этнографы XX века, записавшие обряды, в которых Умай охраняет новорождённого. Нить длиной в тысячу триста лет — не метафора.

Орхонские надписи упоминают и народ, живший к северу от тюрков, за Саянами. Это кыргызы — самый важный для истории Сибири тюркский народ раннего средневековья. Их

страна лежала в Минусинской котловине, в долинах Енисея и Абакана, там, где сегодня Хакасия и юг Красноярского края.

Кыргызы жили не так, как принято представлять кочевников. Они пасли коней, коров и овец, но и пахали землю, проводили оросительные каналы, следы которых археологи находят до сих пор. Они добывали и плавил железо и медь, делали оружие, которое ценилось далеко за пределами Енисея. Они торговали с Китаем, Тибетом, мусульманской Средней Азией. Китайские летописи эпохи Тан описывают их с удивлением: люди высокие, светловолосые и зеленоглазые, а черноволосых среди них считают потомками китайского полководца, перешедшего к кыргызам. Как бы ни относиться к этим сведениям, они показывают, что население Енисея было пёстрым задолго до русских.

У кыргызов была и своя письменность. Большинство рунических надписей на камнях по Енисею и Абакану оставили именно они, в VIII–X веках. Эти надписи короче и проще орхонских: это надгробные эпитафии знатных воинов. Умерший говорит от первого лица, перечисляет свои доблести и прощается с тем, что любил, — с землёй, народом, жёнами, сыновьями, конями. Мотив расставания повторяется в них так часто, что стал почти формулой: «я отделился», «я не насытился». Сквозь тысячу лет из этих строк звучит голос человека, которому не хочется умирать.

В 840 году кыргызы совершили то, что сделало их на время хозяевами всей Центральной Азии. Они разгромили Уйгурский каганат, сменивший тюрок в монгольских степях, взяли его столицу Орду-Балык и изгнали уйгуров на юг, в оазисы нынешнего Синьцзяна. Историк Василий Бартольд назвал это время «кыргызским великодержавием». На несколько десятилетий Енисей стал центром степного мира, а кыргызские правители вступили в переписку с китайским императором как равные.

Великодержавие продлилось недолго. В начале X века монгольские степи заняли кидани, и кыргызы вернулись на Енисей. Но их государство на родине жило ещё почти четыреста лет, до 1207 года, когда кыргызские правители покорились старшему сыну Чингисхана Джучи. После монгольского завоевания их земли стали окраиной огромной империи, а потом — владениями ойратских и монгольских ханов. Сама кыргызская знать, однако, сохранила власть. Когда в XVII веке к Енисею пришли русские, их встретили кыргызские князья, которые считали себя хозяевами края и не собирались уступать его пришельцам. Об этом — в главе о хакасах.

Как и любая степная держава, кыргызское государство собирало дань с таёжных соседей — самодийских и кетоязычных охотников Саян и Кузнецкого Алатау, предков будущих шорцев и тофаларов. Этих данников называли кыштымами, и платили они пушниной и железом.

Этот факт охотно использовала колониальная историография. Выходило, что русские пришли в Сибирь освободителями: избавили таёжные племена от кыргызского гнёта, а хантов и манси — от «ига потомков Чингисхана», как писали советские учебники о походе Ермака. Но для кыштыма смена получателя дани освобождением не была. Как мы писали в «Старой Сибири», сменился только сборщик. Вместо кыргызского князя ясак стал брать русский служилый человек, и брал он его с аманатами, нередко вдвое и втрое, а потом ещё и отнимал угоды. Кыргызы и их кыштымы жили в одном мире, и многие кыштымские роды позже влились в хакасский народ. Русская власть пришла извне и перестроила сам этот мир под нужды далёкой казны.

От каганатов и кыргызской державы осталось больше, чем кажется. Остались сотни рунических надписей, которые до сих пор находят археологи в Хакасии, Туве, на Алтае. Остались каменные изваяния воинов с чашами в руках. Остались развалины крепостей, как уйгурская крепость Пор-Бажын на острове озера Тере-Холь в Туве. Остались имена: слово «хакас» интеллигенция в 1923 году взяла из китайского имени енисейских кыргызов «хягас». Остались в языках Умай и Тенгри, сакральные кони, праздники солнцестояния и тюркская привычка говорить о народе как об «эле», союзе родов под властью правителя.

И ещё осталась память о том, что тюркский язык пришёл в Сибирь не на пустое место. Держава кыргызов стояла на земле, где до неё жили другие народы, и большая часть её подданных говорила вовсе не по-тюркски. Как самодийцы, кеты и угры становились тюрками, мы сейчас и расскажем.

1.3. Как тюрками становились

В 1769 году участник академической экспедиции записал о койбалах, небольшом народе на Абакане, что они говорят «обыкновенно татарским языком». Сто лет спустя Василий Радлов застал среди койбалов стариков, которые ещё помнили другой, не тюркский язык своих отцов — самодийский, родственник ненецкому. Ещё через сто лет койбалы почти растворились среди качинцев и стали частью хакасского народа. От самодийского прошлого у них остались названия родов и несколько слов в памяти самых старых людей.

Так на протяжении веков происходило по всей Южной Сибири. Тюркский язык распространялся здесь не столько с переселенцами, сколько с людьми, которые переходили на него сами. Народы Саян, Алтая и Кузнецкого Алатау, говорившие когда-то по-самодийски, по-кетски, по-угорски, один за другим становились тюрками. И это одна из главных тайн тюркского мира Сибири: большинство его жителей — потомки не степных завоевателей, а тех, кто жил здесь до них.

Лингвисты и топонимисты давно знают, что под тюркским слоем Южной Сибири лежат слои более древние. Томский языковед Андрей Дульзон нанёс на карту названия рек, оставленные енисейскими языками — родственниками кетского. Эти названия оказались далеко к югу и западу от нынешних кетов: в Кузнецком Алатау, на Чулыме, в верховьях Енисея. Там, где сегодня живут шорцы, хакасы и чулымцы, когда-то говорили на языках, похожих на кетский.

Самодийский след ещё заметнее. Предками хакасских койбалов, тофаларов, части шорцев и алтайцев были саянские самодийцы — маторы, камасинцы, карагасы, койбалы. Их языки исчезли за последние три века. Камасинский продержался дольше всех: последняя его носительница, Клавдия Плотникова, умерла в 1989 году. Но камасинцы к тому времени уже прошли двойной путь — сначала часть их перешла на тюркский, потом все — на русский.

Сибирские татары, по данным антропологов и историков, сложились из угорских, самодийских и тюркских компонентов. Туринские татары несут заметный мансийский след. Даже тюрки, пришедшие в Западную Сибирь волнами кимаков и кыпчаков, смешивались здесь с населением, которое жило в лесах и на реках задолго до них.

Народ не забывает свой язык за одно поколение, и никто не просыпается однажды тюрком. Смена языка — долгий процесс, растянутый на сотни лет, и у него свои пружины.

Первая — престиж. Язык степной державы был языком силы, торговли, дипломатии. На нём говорили кыргызские князья, с ними торговали, им платили дань. Таёжный охотник, приезжавший на ярмарку или к князю, учил этот язык так же, как позже северяне учили русский. Двуязычие становилось нормой, а потом, через несколько поколений, в семье переставали говорить на старом языке.

Вторая — брак. Роды заключали браки с соседями, жёны приносили в дом свой язык, дети росли двуязычными. Если соседский язык был языком большинства, в следующем поколении он побеждал.

Третья — хозяйство. Кто переходил от охоты к скотоводству, перенимал у степняков вместе со скотом и слова для скота, седла, юрты, праздника. Постепенно весь круг жизни начинал говорить на новом языке.

Четвёртая — общее имя. Когда разные роды жили под одной властью, платили один ясак и молились одним духам, они начинали чувствовать себя одним народом. И этот народ говорил на том языке, который был общим для всех.

Важно, что за всем этим почти не стояла государственная политика по «переделке» людей. Кыргызские правители брали дань, но не открывали школ, где детей наказывали бы за родную речь. Не забирали детей в интернаты. Не объявляли старый язык отсталым. Смена языка шла медленно, внутри общего мира, и старые роды сохраняли в новом народе свою память и своё место. В этом её главное отличие от русификации XX века, о которой речь пойдёт в последнем разделе книги.

Самое удивительное в этой истории то, что память о происхождении не исчезла. Её сохранил сеок — род, «кость», как называют его тюрки Южной Сибири. Сеок передаётся по отцу, определяет, на ком можно жениться, связывает человека с предками и родовой горой. Этнографы давно заметили, что сеоки — не столько «кровные» группы, сколько живые рамки, в которые встраивались пришлые люди. Алтайцы делили сеоки на «коренные» и «вошедшие»: к последним относились выходцы из Тувы и Монголии. Новые роды получали своё место в общей генеалогии, и через несколько поколений их чужое происхождение становилось преданием.

Имена сеоков — настоящая летопись. У хакасов есть сеок пайгудуг: его окончание, по мнению хакасского историка Виктора Бутанаева, восходит к кетскому слову, означающему «люди». Сеок модар хранит имя саянских самодийцев-маторов. Сеок халмах — это телеуты, которых русские называли «калмыками». Сеок хыргыс — остаток кыргызской знати. У алтайцев, шорцев, телеутов есть сеоки найман, кыпчак, меркит — имена древних степных племён, чьи «осколки» разошлись по всей Южной Сибири. Человек мог говорить по-тюркски уже триста лет, но, называя свой сеок, называл вместе с ним и тех, кем были его предки до этого.

На северо-востоке Сибири тот же процесс шёл в другом направлении. Там тюркским языком был якутский, и в XVII–XIX веках на него переходили соседи — эвенки, эвены, юкагиры. Серошевский писал, что юкагиры низовьев Яны, Индигирки и Колымы «исчезли, поглощённые якутами», а вилюйские тунгусы «объякутились» и держат скот. Так на Таймыре сложились долганы: тунгусские роды, перешедшие на якутский язык и принявшие в свою среду якутов и русских.

Якутский язык распространялся не силой, а потому, что стал языком общего северного мира — торговли, браков, ярмарок, общения с русской администрацией. На нём говорили даже русские старожилы Лены, а якутский кафтан, по словам Серошевского, вместе с якутской речью «проник к местным русским, к объякутившимся тунгусам и юкагирам». Якутский стал для Северо-Востока тем, чем для Южной Сибири когда-то был язык кыргызов.

При этом нельзя не заметить, что большое расселение якутов само было следствием русского завоевания. Завоевание прорвало тунгусское окружение, в котором якуты жили до XVII века, а заодно погнало самих якутов на окраины — от ясака, от притеснений, от оспы.

История тюркизации Сибири подрывает два популярных мифа сразу.

Первый — миф о «чистых» и «древних» народах, живущих на своей земле неизменными с начала времён. Такого в Сибири не было никогда. Хакасы, шорцы, алтайцы, сибирские татары, якуты — все они сложились из многих корней, и в каждом из них живут потомки самодийцев, кетов, угров, тунгусов. Это не делает их менее коренными. Наоборот: их коренность и есть эта тысячелетняя связь с землёй, на которой одни языки сменяли другие, а люди оставались.

Второй — миф о том, что народ определяется кровью. Койбал, заговоривший по-тюркски, стал хакасом не потому, что поменял кровь, а потому, что стал жить в одном мире с хакасами и сам решил, кем быть. Долган — не «ненастоящий» эвенок и не «ненастоящий» якут, а долган. Народ — это общий язык, общая память и общее решение быть вместе. Именно поэтому никакой декрет не может ни создать народ, ни отменить его — хотя в XX веке это пытались делать не раз.

Самый грустный поворот этой истории случился уже на нашей памяти. Процесс, который веками превращал самодийцев и кетов в тюрков, в XX веке повернул в другую сторону. Теперь уже тюрки — чулымцы, шорцы, тубалары, кумандинцы — переходят на русский. Но между этими двумя процессами есть разница, которую мы уже назвали. Тюркизация шла веками, без школ и интернатов, внутри общего мира. Русификация XX века шла за два-три поколения, через школу, где родной язык объявляли ненужным, через разрушенные сёла и через государственную политику, которая считала малые народы «пережитком». Об этом — в свой черёд.

Но прежде нужно понять, в каком мире жили тюркские народы Сибири до прихода русских: мире степных держав, дани и союзов. Об этом следующий параграф.

1.4. Небо, Будда и Аллах

У всех тюркских народов Сибири есть общее основание мира. Над человеком — Небо, Тенгри, или, как говорят алтайцы и хакасы, Кудай и Ульгень. Под землёй — владыка нижнего мира Эрлик. Рядом с человеком, в каждой горе, реке, роднике и очаге, живут хозяева — ээзи, иччи. У роженицы и младенца есть своя защитница, Умай. Между людьми и духами стоит кам, шаман, который может подняться на небо и спуститься под землю. Коню, самому чистому из животных, доверено нести человеческие просьбы к небесным богам.

Этот мир европейцы называли «шаманизмом», и слово прижилось, хотя оно мало что объясняет. Сами теленгиты сегодня называют свою веру просто «своей верой» — бойынын јангы — или «алтайской верой». Это не набор суеверий, а целая картина мира, в которой человек живёт не над природой, а внутри неё, как гость у хозяев земли.

Но на это общее основание за последнюю тысячу лет легли три очень разных пути. Сибирские татары стали мусульманами. Тувинцы стали буддистами. Якуты, хакасы, шорцы, алтайцы были крещены. И каждый из этих путей по-своему связан с тем, какие державы стояли над Сибирью.

После падения кыргызского государства в XIII веке Южная Сибирь веками оставалась окраиной больших степных империй. Сначала это была империя Чингисхана и его наследников. Потом, с конца XVI века, — ойратские ханы, чья держава в XVII–XVIII веках стала Джунгарским ханством, последней великой кочевой империей Азии. Кто хочет подробнее узнать историю степных держав, может обратиться к книгам Льва Гумилёва, прежде всего к «Древним тюркам». Нам же важно одно: для народов Алтая, Саян и Енисея степная держава была не чужим государством, а частью их собственного мира. С ней воевали, ей платили дань, с ней роднились, в ней искали защиты.

Когда в XVII веке с севера пришли русские, многие народы Южной Сибири оказались между двумя державами. Они платили дань и Москве, и джунгарам, а некоторые ещё и кыргызам. Таких называли «двоеданцами» и «троеданцами». Русские документы жалуются на это как на измену, но для самих данников это была стратегия выживания: не ссориться ни с одной силой и ждать, чья возьмёт.

Взяла ни та, ни другая. В 1755–1758 годах Цинский Китай уничтожил Джунгарию. Историки называют это геноцидом: погибла большая часть её населения, по оценкам до миллиона человек. Беглецы с Алтая бросились на север, к русской границе. В 1756 году алтайские зайсаны приняли русское подданство, и эта дата стала официальной датой «присоединения Алтая». Отечественные учебники описывали её как добровольное вхождение. Но выбор у беглецов из горящей Джунгарии был между китайскими войсками и русскими крепостями — и они выбрали меньшее из двух зол. Условием подданства русская власть поставила крещение или переселение на Волгу, к калмыкам. Многие ушли, многие потом вернулись в горы тайком.

Память о Джунгарии на Алтае оказалась двойственной. Для северных алтайцев она осталась временем насилия и поборов. Для южных, как показывают этнографы, — утраченной родиной и золотым веком. Именно оттуда пришёл мессия бурханистов — Ойрот-хан.

Ислам пришёл в Западную Сибирь задолго до русских. Первые проповедники, шейхи суфийского ордена накшбандийя из Бухары, появились здесь в XIV–XVI веках, а при хане Кучуме, в 1570-е годы, в Искер прибыли муллы и началось массовое обращение. Для сибирских татар ислам стал не только верой, но и связью с большим миром: с Бухарой, Казанью, Стамбулом. Он принёс школы при мечетях, арабскую грамоту, книги. По переписи 1897 года в Тобольской губернии грамотных среди татар было больше, чем среди русских: 25% мужчин против 17%.

Самый показательный сюжет — история барабинских татар. До XVIII века многие из них оставались при старой вере. Массово они перешли в ислам в 1740-е годы, именно тогда, когда при императрице Елизавете православные власти развернули кампанию насильственного крещения. Митрополит Сильвестр тюрьмой и побоями принуждал татар к отречению, мечети ломали. В ответ люди выбирали ислам. Вера стала для них способом сказать империи «нет» и сохранить свою особость.

Внизу под исламом оставался старый языческий фундамент. Сибирские татары продолжали почитать Умай, прыгать через огонь, кормить домашних духов-«кукол» — курчак, из-за которых пришлые казанские татары прозвали их «кукольниками». Мусульманские муллы боролись с «куклами», и их прятали в бане и амбаре — так же, как потом прятали Коран от советских активистов.

Тувинцы пошли по другому пути. Через Монголию в Туву с XVIII века пришёл тибетский буддизм. Появились монастыри-хурээ, ламы, тибетская медицина и учёность. Для тувинцев буддизм стал частью связи с монгольским миром и, в XX веке, одной из опор независимости. В 1928 году Танну-Тува объявила буддизм государственной религией. Рядом с ламами продолжали служить шаманы, и тувинцы до сих пор ходят и к тем, и к другим.

Буддизм, пришедший с юга, к народам Сибири был гораздо терпимее, чем христианство, пришедшее с запада. Он не требовал разрушать святилища и жечь бубны. Он впитывал местных духов в свой пантеон, объявляя хозяев гор защитниками учения. Поэтому тувинская вера стала не заменой, а продолжением старой.

Третий путь, путь православия, был самым долгим и самым противоречивым. Христианство пришло к тюркам Сибири не как проповедь, а вместе с государством, которое брало ясак. Первые массовые крещения в Западной Сибири проводил митрополит Филофей Лещинский в 1710-е годы: идолов жгли, крестили целыми волостями. Хакасов-кызыльцев он крестил в 1719–1720 годах.

В XIX веке за дело взялась Алтайская духовная миссия, основанная в 1830 году. Методы были разные — «от прямого принуждения до введения тех или иных льгот», как пишет этнограф Василий Кимеев. Новокрещёных на три года освобождали от ясака, им давали хлеб, делали старостами. Некрещёные старосты «чинили притеснения». Историк Леонид Потопов писал, что добровольно поначалу крестились «исключительно разорившиеся бедняки и калеки». В 1876 году в хакасском селе Аскиз за один день крестили больше трёх тысяч человек. Всех мужчин записали Владимирами, всех женщин — Мариями. А ночью в юртах били бубны.

Результатом стало то, что этнографы называют двоеверием. Бог-творец у шорцев стал Муколой — Николаем Чудотворцем. У якутов высший бог Аи-тойон слился с тем же Николой, а оспу и корь представляли в виде двух русских женщин-сестёр. Причастие шорцы называли «кызыл аракы» — «красная водка». Христианские праздники встроились в календарь, но камлание не прекращалось. Шаманов преследовали: якутскому шаману Тюсьпюту, по рассказу Серошевского, жгли одежду и бубен, стригли волосы и заставляли бить в церкви поклоны. «Не можем не шаманить, — говорил он, — а худого ведь мы не делаем!»

Надо сказать и о другой стороне миссии. Миссионеры создали первые алфавиты и буквари для тюркских языков Алтая и Кузнецкого края, открыли школы, из которых вышла первая национальная интеллигенция. Шорец Иван Оттыгашев составил букварь, братья Тельгерековы потом возглавили Горно-Шорский национальный район. Люди, которых учили в миссионерских школах, чтобы сделать их православными и русскими, использовали полученную грамоту, чтобы защищать свои народы.

Самое поразительное, что народы Сибири не только выбирали между чужими верами, но и создавали свою. В 1904 году на Алтае, в урочище Теренг, пастуху Чету Челпанову и его семье явилось видение: скоро придёт Ойрот-хан, и вера должна стать белой. Так родился бурханизм, «белая вера» — ак јанг. Бурханисты отказывались от кровавых жертв, от шаманского бубна и от православия, пели гимны Алтаю и ждали освобождения. «Солнце белое, месяц белый, царь белый, и вера должна быть белой», — говорил один из них.

Власти и миссионеры увидели в этом «японский» заговор: шла Русско-японская война. Молебны разогнали, людей избили и арестовали. Суд не нашёл политической подоплёки и оправдал всех. Но советские историки ещё полвека писали о бурханизме как о «прояпонском» движении. Сегодня его понимают иначе: как «национальное самосознание, выраженное в конфессиональной форме». Вера стала первым голосом алтайцев как народа.

Почти одновременно, в 1905 году, у хакасов возникло похожее движение «Белой веры», вокруг которого сложился «Союз сибирских инородцев». Люди убрали иконы и говорили, что русского бога больше не будет. Движение не стало массовым, его лидеры бежали за границу, но само его появление показывает то же: вера была языком, на котором народы говорили о свободе.

В 1930-е годы все три пути оказались под одним ударом. У сибирских татар разрушили каменные мечети и сотни деревянных. Активисты изымали всё, написанное арабской графикой, даже родословные шэжэрэ, хранившиеся веками, и люди сами сжигали книги или закапывали их на кладбищах. Людей, учившихся в медресе, расстреливали как «мулл». В Туве закрыли монастыри и преследовали лам. Шаманов Хакасии и Алтая ссылали «не как шаманов, а как противников советской власти или кулаков». Бурханизм запретили как «китайское изобретение».

Но старое основание оказалось прочнее государственной политики. Шаманы камлали тайком с маленькими бубнами. Татары молились дома. Когда в 1990-е годы запрет исчез, возродились и ислам, и буддизм, и «своя вера». Сегодня на Алтае снова празднуют Чага байрам и молятся Алтаю, у хакасов возрождён праздник Чыл пазы, а сибирские татары снова строят мечети.

Три пути разошлись, но у всех трёх под ногами одна земля — со своими хозяевами, которым по-прежнему оставляют ленточки на перевалах. С этой земли, из Прииртышья, наследников Сибирского ханства, мы и начнём рассказ о народах.

Глава 2. Сибирские татары: наследники ханства

2.1. Кто такие сибирские татары

У сибирских татар есть старое самоназвание, которое звучит почти как название нашей первой книги: *топ-иерлы-халк*. Этнографы переводят его как «старожилы», люди коренной земли. Так называли себя тюркские жители Иртыша, Тобола и Барабы, чтобы отличить себя от пришлых, — задолго до того, как русские сибиряки стали называть себя «старожилами» в отличие от «расейских». Две группы людей на одной земле, не сговариваясь, пришли к одному слову. Это не случайность: обе искали способ сказать, что Сибирь — их дом, а не место, куда их занесло.

Но у сибирских татар судьба сложилась так, что им пришлось отстаивать свою «старожильческую» особенность не только от русских, но и от других татар.

Сибирских татар традиционно делят на три большие группы.

Самая многочисленная — **тоболо-иртышские** татары. Они живут в Тюменской и Омской областях, по Тоболу, Иртышу, Туре, Ишиму. Внутри неё свои подгруппы: тюменско-туринские, тобольские, заболотные (ясколбинские), курдакско-саргатские, тарские. Именно в их землях стояли Чимги-Тура и Искер — столицы Тюменского и Сибирского ханств.

Вторая — **барабинские** татары, жители Барабинской степи между Иртышом и Обью, в нынешней Новосибирской области. Это край озёр, болот и лесостепи, где татары веками жили охотой, рыболовством и скотоводством.

Третья — **томские** татары: эуштинцы, чаты и калмаки. Эуштинцы жили там, где в 1604 году был поставлен Томск, и их князь Тоян сам ездил в Москву просить царя о защите от кыргызов. Калмаки — потомки телеутов, осевших у Томска и принявших ислам.

У каждой группы свой говор, свои обычаи, свои предания. Лингвисты выделяют три диалекта, иногда настолько разных, что барабинец и тоболяк не сразу понимают друг друга. Общий

у них язык кыпчакской ветви тюркских языков, близкий к казахскому и поволжско-татарскому, но самостоятельный. Своя письменность у сибирских татар была — на арабской основе, — но в XX веке она была утрачена. Сегодня они пишут на литературном языке поволжских татар, который для многих из них, как признают этнографы, остаётся «вторым языком».

Сибирские татары называли себя по-разному. Общее самоназвание — *сибиртар* или *сибиртатарлар*. Но в жизни чаще называли себя по месту: *тоболик*, *тарлик*, *тюменик*, *бараба*. В старых документах встречаются и другие имена: *ясаклы* («ясачные»), «инородцы», «чувальщики» (от чувала — очага с трубой).

Интереснее всего прозвища, которыми их наделяли соседи. Русские звали их «цалдонами» за особое цоканье в речи. Казанские татары, переселявшиеся в Сибирь в XIX веке, прозвали местных *курчаклар* — «кукольниками». Дело в том, что сибирские татары, будучи мусульманами, сохраняли древний обычай почитания домашних духов-покровителей в виде кукол. Правоверному казанцу это казалось язычеством. Местные в ответ называли пришлых «самоходами». В этих прозвищах слышна вся история отношений двух групп: гордость пришельцев, считавших себя более «правильными» мусульманами, и обида коренных жителей, чью землю эти пришельцы делили.

Точно сосчитать сибирских татар очень трудно, и причина не только в переписях.

По подсчётам историков, в конце XVII века всех групп сибирских татар было около 16,5 тысячи человек. К переписи 1897 года — больше 47 тысяч. Этнографы Фаук Валеев и Николай Томилов, авторы главы о сибирских татарах в академическом томе «Тюркские народы Сибири», оценивают их сегодняшнюю численность примерно в 180 тысяч. Ещё несколько тысяч живут за рубежом, в основном в Турции, куда часть сибирских татар эмигрировала после революции.

Но в переписях этих 180 тысяч не найти. Советские переписи записывали их просто татарами. Постсоветские разрешили указывать «сибирских татар», но сочли их подгруппой татарского народа. В 2010 году так записались лишь несколько тысяч человек. Остальные по привычке, по убеждению или по совету переписчика называли себя просто «татарами». Всего татар в Сибири около полумиллиона, и понять из переписи, кто из них потомок ясачных людей Кучума, а кто — внук переселенца из-под Казани, невозможно.

За этими цифрами стоит спор, который идёт уже больше века. Кто такие сибирские татары: особый народ со своей историей или часть единого татарского народа?

Этнографы, писавшие о них, признают, что в XVII–XVIII веках общего самосознания у сибирских татар не было. Русские называли их татарами, но сами они «такowymi себя сначала не считали». Общее имя *сибиртатарлар* появилось в конце XIX века. Сибирские татары приняли его именно тогда, когда в Сибирь хлынули переселенцы с Волги и нужно было отличить себя от них. До революции отношения с пришельцами были напряжёнными. Приезжие и местные селились в разных концах деревень, спорили из-за покосов и пашен.

Потом всё изменилось. Смешанные браки, общий ислам, общий литературный язык, общие школы в 1920–1930-е годы сделали своё дело. Поволжские и сибирские татары начали сближаться, и сложилась то, что учёные называют общетатарской «метаэтнической общностью». Сегодня многие сибирские татары называют себя «просто татарами» и не видят в этом никакого противоречия.

Другие думают иначе. С 1990-х годов активисты сибирских татар в Тобольске, Тюмени, Омске добиваются признания сибирских татар отдельным народом со своим языком, историей и правом на своё имя. Против выступают власти Татарстана и значительная часть татарских учёных, которые видят в этом раскол единого народа. Этот спор всплывает перед каждой переписью.

Самое удивительное в этой истории — одна деталь, которую приводят Валеев и Томилов. С конца 1940-х годов татарский язык перестали преподавать в сибирских школах, и детей

учили только по-русски. Казалось бы, это должно было ускорить исчезновение. Но вышло наоборот. Лишившись казанского литературного языка, дети росли на местных говорах, и отличие сибирских татар от поволжских сохранилось. Русификация, сама того не желая, законсервировала сибирско-татарскую особость.

Мы не будем решать спор об идентичности за самих сибирских татар. Ни этнографы, ни переписчики, ни чиновники Москвы или Казани не вправе сказать человеку, к какому народу он принадлежит. Валеев и Томилов, обсуждая, нужна ли сибирским татарам собственная письменность, написали простую фразу, которую стоило бы повесить в каждом кабинете, где решают судьбы народов: «Следовало бы спросить сначала об этом само татарское население».

Для нашей книги важно другое. Сибирские татары — коренной народ Западной Сибири в самом прямом смысле. Их предки жили на Иртыше и Тоболе до Ермака, строили ханства, торговали с Бухарой, молились в мечетях, когда на месте Тобольска ещё не было ни одного русского дома. Они первыми из народов Сибири встретили русское завоевание. Их земли первыми стали пашнями переселенцев, их мечети первыми ломали миссионеры. И при этом, в отличие от малочисленных народов Севера, у них нет ни статуса, ни льгот, ни даже уверенности в том, как их запишут на следующей переписи.

Народ, который назвал себя «старожилами» задолго до русских старожилов, до сих пор вынужден доказывать, что он существует.

2.2. Ханство после Кучума

История Сибирского ханства и похода Ермака подробно рассказана в «Старой Сибири». Здесь нам достаточно напомнить главное и посмотреть на эту историю с другой стороны — со стороны тех, кто жил в татарских юртах по Иртышу и Тоболу.

Сибирское ханство не было государством в привычном нам смысле, с границами, чиновниками и единым законом. Это была сеть улусов, связанных данью и верностью правящему роду. В каждом улусе правили свои беки и мурзы. Хан в Искере собирал дань, водил войска, заключал союзы, но во внутренние дела улусов почти не вмешивался. Основу общества составляли «чёрные» улусные люди, рядовые общинники, жившие соседскими общинами. Кроме самих татар, ханству платили ясак ханты, манси, селькупы, часть башкир.

За власть над этой сетью боролись две династии. Тайбугиды были местным родом, правившим Иртышом с XV века. Шибаниды — потомки Чингисхана, правившие в Тюменском ханстве. В 1563 году власть захватил шибанид Кучум, пришедший из степей. Он убил тайбугидских князей Едигера и Бекбулата, которые незадолго до этого соглашались платить дань Москве. Многие татары считали Кучума чужеземцем и завоевателем. Этим и объясняется то, что потом так поражало русских летописцев: часть татарской знати без долгих раздумий переходила на сторону Ермака.

В «Старой Сибири» мы уже писали, что такой переход не был «изменой». Для местных обществ смена власти в Искере означала прежде всего смену получателя дани. Князь, выбравший между Кучумом и Москвой, выбирал не родину, а способ сохранить свой улус. Его выбор мог оказаться ошибкой, но это был выбор человека, у которого были свои интересы и своя голова.

Взятие Искера в 1582 году не означало конца ханства. Кучум воевал ещё шестнадцать лет, пока в 1598 году его не разбили на Оби. Он ушёл в степи и погиб в изгнании. Но его сыновья и внуки, кучумовичи, продолжали борьбу ещё почти столетие. Опираясь на ногайцев, калмыков и казахов, они совершали набеги на русские остроги и татарские волости до 1670-х годов, пытаясь вернуть себе Сибирь. Для русских это были «воры» и «изменники». Для многих татар Барабы и Тары — законные наследники, к которым можно было откочевать, если русская власть становилась невыносимой.

Эту долгую войну обычно пропускают. Школьная история заканчивается Ермаком, а дальше будто бы наступает мирная «Сибирь в составе России». На деле юг Западной Сибири ещё весь XVII век оставался пограничьем, где остроги горели, а татарские волости уходили в степь и возвращались.

После падения ханства татарское общество перестроилось под новую власть. Русская администрация разделила татар на несколько сословий, и принадлежность к ним на века определила судьбу каждой семьи.

Служилые татары — потомки тех, кто перешёл на сторону русских. Они составили особые татарско-казачьи отряды, воевали с Кучумом и кучумовичами, служили переводчиками, проводниками, гонцами в Бухару и к калмыкам. За службу они получали жалованье и землю и не платили ясака. Для русских острогов XVII века служилые татары были незаменимы: без них никто не знал ни дорог, ни языков, ни степной дипломатии. Татарско-казачье войско просуществовало до второй половины XIX века.

Ясачные татары — основная масса, рядовые общинники, платившие ясак мехами, а позже деньгами. Их волости выросли прямо из прежних улусов ханства, только теперь они служили не хану, а казне. Внутри волостей жили однодеревенские общины со сходами и круговой порукой.

Захребетные, или «гулящие», татары жили при служилых и ясачных, работали на них и не имели собственного хозяйства. Были и **бухарцы** — выходцы из Средней Азии, торговцы и духовные лица. Русская власть давала им особые привилегии, потому что через них шла торговля с Бухарой и Китаем. Бухарцы селились в татарских слободах Тобольска, Тары, Тюмени и постепенно растворились среди сибирских татар, оставив им ремёсла, книжность и немало слов.

Устав Сперанского 1822 года причислил сибирских татар и бухарцев к «оседлым инородцам». Это означало собственные волости, но и уравнивание по налогам с русскими государственными крестьянами. Для многих татарских общин это стало тяжёлым ударом: подать оказалась в несколько раз выше прежнего ясака.

Главная перемена, однако, была не в сословиях, а в соседстве. Вокруг татарских юрт один за другим вырастали русские острог, слобода, деревня, пашня. Уже к концу XVII века татары во многих местах жили как острова среди русских сёл. Этнографы пишут, что сегодня нет ни одной компактной территории сибирских татар: их деревни разбросаны среди русских, и почти в каждом татарском селе живут русские.

Эта жизнь бок о бок была разной. Была вражда за покосы и пашни, о которой речь пойдёт дальше. Но было и другое. Татары и русские торговали на общих ярмарках, праздновали общие праздники, учили языки друг друга. Этнографы описывают деревни, где татары и русские соседи жили «как бы одной общиной». Сибирские татары, при всей верности исламу, отличались, по словам исследователей, «гостеприимством и терпимостью» к иноверцам. Русские старожилы, в свою очередь, переняли у татар немало слов, обычаев, блюд.

Именно эта жизнь на одной земле и сделала сибирских татар тем, чем они стали: народом, не похожим ни на поволжских татар, ни на русских, со своей особой памятью о ханстве, служилом прошлым и долгом соседстве. Посмотрим теперь, как этот народ был устроен изнутри.

2.3. Как было устроено общество

В основе общества сибирских татар лежал тугум — группа семей, связанных общим предком. Это не был строгий род с запретами на браки, как сеоки южносибирских тюрков. Скорее — родня, которая помнит, откуда она происходит, держится вместе и почитает общих покровителей. У тугума был свой совет стариков, свои обряды и свои священные места.

Названия тугумов говорят сами за себя. У заболотных татар были медвежий, журавлиный, лебединый тугумы. У томских эуштинцев — тугумы «мыши» и «комара». Звери и птицы, от которых вели своё начало семьи, были не просто эмблемами: на лебедя и журавля нельзя было охотиться, их нельзя было есть. Под исламом, принятым века назад, жила память о временах, когда человек считал себя родственником птицы.

К началу XX века тугумы превратились в генеалогические группы, открытые для пришлых людей. Принадлежность передавалась обычно по отцу, но иногда и по матери. Человек, пришедший в деревню со стороны, мог со временем стать своим. Тугум был не крепостью, а домом, где хватало места и для новых жильцов.

Главной единицей жизни была община — деревня, где все знали друг друга и решали общие дела на сходе. Сход распределял покосы и пашни, решал, кому помочь, разбирал споры, отвечал перед властью за подати. Круговая порука, которую русская администрация ввела для удобства сбора налогов, у татар легла на давнюю привычку отвечать друг за друга.

Взаимопомощь была не добродетелью отдельных людей, а обязанностью всех. Строили дом всей деревней. Помогали погорельцу, вдове, сироте. Коллективно ловили рыбу, и в северных деревнях это было главным занятием: улов делили между всеми участниками. Пословица сибирских татар говорит о главном: «Берёшь лошадь — советуйся с соседями, берёшь жену — советуйся с роднёй своей». Человек не решал важных дел в одиночку.

В XVIII–XIX веках многие татары занимались извозом. Татарские ямщики водили обозы от Нижнего Новгорода до Кульджи на китайской границе. Этнографы пишут, что извоз «расширил сферу культурного взаимодействия» — с русскими, казаками, бухарцами, китайцами. Сибирские татары были не отсталыми жителями глухих деревень, а людьми дороги, которые видели мир шире многих своих соседей.

Этот общинный мир начал трескаться в начале XX века, после столыпинской реформы. В Томском округе четверть татарских хозяйств жили наймом, а пятая часть нанимала батраков. Реформа, задуманная для «развития», как и повсюду в Сибири, раскалывала общину на богатых и бедных. Коллективизация 1930-х довершила разрушение по-своему: во многих деревнях исчезла коллективная рыбная ловля, которая веками кормила людей и держала их вместе.

Семья у сибирских татар была небольшой, пять-шесть человек, хотя встречались и большие неразделённые семьи до тридцати человек. Глава семьи опирался на собственность и на мусульманские нормы. Женщины жили в рамках этих норм, и этнографы XX века перечисляют ограничения: ранние браки, выбор жениха родителями, запрет ходить с открытым лицом.

Брак заключался тремя путями: сватовством, добровольным уходом девушки к жениху и умыканием. За невесту платили калым — *гашир*, от 30 до 150 рублей, у богатых до тысячи. Для бедной семьи это были огромные деньги, свадьбы откладывались на годы. Поэтому умыкание было гораздо чаще, чем можно подумать: его устраивали по согласию и девушки, и её родни, чтобы не платить калым. Иногда вся деревня знала, что «похищение» — спектакль, но обычаи соблюдали. Молодые находили способ обойти то, что стояло между ними. Песня сибирских татар сохранила эту беду: «Мы не можем встретиться друг с другом, потому что у тебя нет денег, чтобы выкупить меня».

Сегодня от этого мало что осталось. Калыма почти нет, браки заключаются по взаимному согласию, мусульманский обряд никах совершают в основном люди старшего поколения. Этнографы с некоторым удивлением отмечают, что глава семьи стал понятием «скорее номинальным»: деньгами в татарских семьях чаще распоряжается женщина. Нередки свадьбы с русскими, на которых поют и русские, и татарские песни.

Сибирские татары — мусульмане уже пятьсот лет. Но их ислам лёг на более древний мир и не стёр его.

Душа человека, по старым представлениям, улетает после смерти в виде маленькой чёрной мухи. Отсюда выражение «он улетел». Души умерших предков, *эрвах*, приходят домой по

четвергам, и для них жарят блины, чтобы они могли насытиться запахом масла. Эрвах наказывают родных, если те нарушают мусульманские нормы. Так древний культ предков встал на защиту ислама.

Почитали огонь: прыгали через костёр, клялись словами «пусть побьёт солнце». У заболотных татар почти до 1950-х годов сохранялись священные деревья. Помнили древнюю покровительницу рожениц Умай и небесного бога Тенгри. У барабинцев и томских татар до самой революции были свои шаманы, *камы*. А в каждом доме жили *курчак* — «куклы», домашние духи-покровители, которых кормили и одаривали. Муллы требовали их уничтожить, и «кукол» прятали в бане и амбаре.

Поминки сибирских татар этнографы называют «синтезом» исламского и домусульманского. На них читали Коран, но могли и зарезать жертвенного петуха. Для мусульманского богослова это было смешение. Для самих татар — просто их вера, в которой нашлось место и для Аллаха, и для предков.

И последнее. Фольклор сибирских татар сохранил сказания о Кучуме и Ермаке, об Идиге — богатыре Золотой Орды, песни о любви и разлуке. Но больше всего в их пословицах достаётся не чужакам, а своим: жадным муллам и баям. Народ, который жил общиной, умел смеяться над теми, кто ставил себя выше общины. В этой насмешке, пожалуй, больше правды о социальных традициях сибирских татар, чем в любых описаниях сословий: сила здесь принадлежала не богатым, а миру.

О том, что сделала с этим миром русская колонизация, — в следующем параграфе.

2.4. Под давлением

Сибирские татары первыми из народов Сибири оказались под русской властью. Поэтому они первыми испытали на себе всё, что потом пришлось испытать другим: отнятие земли, насильственное крещение, переселенцев, которых пускали на их угодья, и попытки государства переделать их жизнь по своему образцу.

В первые десятилетия после завоевания Москва не слишком заботилась о вере татар. Наказы воеводам даже требовали «не крестити» ясачных людей: крещёный переставал платить ясак, и казна теряла доход. Всё изменилось при Петре I. Империя, которая строила регулярное государство, захотела и единой веры.

В 1706 и 1710 годах вышли указы о поголовном крещении сибирских «иноверцев». Исполнять их взялся митрополит Филофей Лещинский. Его миссионеры жгли святилища, рубили священные деревья, крестили целыми волостями. Туринских татар окрестили в 1718–1720 годах, обских — в 1720-м. Указ 1715 года ударил по мусульманской знати: мурзы, владевшие крещёными крестьянами, теряли их, если сами не отрекались от ислама.

При императрице Елизавете гонения стали ещё жёстче. Тобольский митрополит Сильвестр Гловацкий в 1740-е годы принуждал татар к отречению тюрьмой и побоями. Ломали мечети. Татары уходили из Тобольска, где митрополичья власть была ближе всего.

Результат оказался противоположным тому, чего добивалась церковь. Основная масса сибирских татар осталась мусульманами. Барабинцы, которые до того во многом держались старой веры, перешли в ислам массово именно в эти годы. Для многих из них принятие ислама стало ответом на принуждение: способом сказать империи, что их души ей не принадлежат.

Но у этой истории есть и горькая сторона. Туринские и обские татары, которых крестили первыми, со временем растворились среди русских. Этнографы XX века пишут, что они «окончательно слились» с русским населением. Крещение для них стало не сменой веры, а первым шагом к исчезновению. Народ, который выбрал ислам, выжил. Народ, который крестили, исчез.

Барабинские татары в XVII–XVIII веках жили на самой границе двух держав. Они платили дань и русским, и джунгарам, и веками поддерживали торговые и даннические связи с

казахами. Для них это был единый мир степи, в котором можно было выжить, лавируя между сильными.

Русское продвижение этот мир разорвало. Линии крепостей отрезали барабинцев от казахов, а джунгарский мир рухнул под ударами Цин. Барабинцы оказались заперты в своей степи, среди русских деревень, которые вырастали вдоль новых дорог.

В 1760-е годы через Барабу и земли тоболо-иртышских татар прошёл Сибирский тракт, главная дорога из России в Сибирь и Китай. Для колонистов это было великое достижение. Для татар, как пишет Форсайт, — бедствие.

Вдоль тракта вырастали ямы, сёла, трактиры. На лучшие земли у дороги селили русских крестьян. Татарские покосы, пастбища и охотничьи угодья отрезались под пашню. К концу XVIII века на землях, где столетием раньше жили почти одни татары, приходилось около 39 тысяч татар на 400 тысяч русских. Ни одна битва не изменила судьбу сибирских татар так, как эта дорога.

Этнографы называют главную причину, по которой расселение сибирских татар стало таким, каким мы его видим сегодня: земледельческое освоение края русскими. Чересполосица, сужение территории, разрезанные на куски группы, деревни-острова среди русских сёл — всё это следствия не войн, а медленного, законного и почти незаметного отнятия земли.

Реформа Сперанского, задуманная как гуманная, для сибирских татар обернулась новой тяжестью. Их причислили к «оседлым инородцам» и во многом приравнивали к русским государственным крестьянам. Для оседлых подати по сравнению с прежним ясаком выросли в несколько раз, а иногда, по оценке Форсайта, и в десять. Были общины, которые уходили в леса, лишь бы не попасть в «оседлые».

К концу XIX века добавилась новая беда. В Сибирь хлынули переселенцы, среди них и татары с Волги. Земли для них резали из тех же угодий, которыми веками жили местные общины. Сибирские татары оказались под давлением сразу с двух сторон: русской деревни и пришлых единоверцев, которые считали себя более «правильными» мусульманами и видели в местных «кукольниках».

Сибирские татары не молчали. Одним из самых ярких голосов стал Габдрашит Ибрагимов, родившийся в 1857 году в семье тарских бухарцев. Богослов, публицист, издатель, он всю жизнь боролся против того, что сам называл политикой «великодержавного шовинизма» по отношению к мусульманам России. В 1907 году царский суд преследовал его за статьи, и он эмигрировал. Он объездил мусульманский мир от Стамбула до Японии и призывал к освобождению Востока «от колониального гнёта». Умер Ибрагимов в Токио в 1944 году. Мальчик из Тары стал одним из самых известных мусульманских мыслителей своего времени — и почти неизвестен у себя на родине.

Революция дала сибирским татарам короткую передышку. В 1920-е — начале 1930-х годов во всех татарских деревнях открылись школы на родном языке, выходили газеты, дело-производство велось по-татарски.

Потом пришли 1930-е годы. Коллективизация разрушила общинное хозяйство: во многих деревнях исчезла коллективная рыбная ловля, которая веками кормила людей. Разрушили каменные мечети в Омске, Томске, Таре и сотни деревянных в деревнях. Активисты изымали всё, написанное арабской графикой, даже родословные шэжэрэ, которые семьи хранили десятки и сотни лет. Люди сами сжигали книги или закапывали их на кладбищах, чтобы спасти от осквернения. В 1937–1938 годах репрессировали «десятки и сотни» людей лишь за то, что они учились в медресе и по обычаю назывались муллами.

После войны пришёл последний удар. С конца 1940-х годов татарские школы начали переводить на русский язык, и к 1980-м годам в Новосибирской и Томской областях не осталось ни одной школы, где учили бы по-татарски. Народ, у которого в 1897 году грамотных было больше, чем у русских соседей, за полвека почти лишился письменности на родном языке.

Удивительно, но и это не сломило сибирских татар. О том, как они живут сегодня, — последний параграф главы.

2.5. Сегодня

В 1980-е годы этнографы, изучавшие томских татар, записали цифру, которая казалась приговором. Среди городских татар Томска около 80% браков были смешанными, в основном с русскими. Дети из таких семей в трёх случаях из четырёх записывались русскими. Для сравнения: в 1927–1940 годах смешанных браков у сельских татар было чуть больше трёх процентов. За полвека община, веками жившая своей жизнью, растворялась на глазах.

Академические авторы подвели итог осторожно: сибирские татары — «не вполне сформировавшийся этнос». Туринские и обские татары, значительная часть калмаков уже «полностью растворились среди русских». Казалось, что остальных ждёт то же самое.

С этим выводом стоит поспорить. «Не вполне сформировавшийся» — это взгляд из кабинета, где народ должен иметь чёткие границы, литературный язык, республику и графу в паспорте. Сибирские татары не укладываются в эту мерку, но это не значит, что их нет. Их способ существования иной: сеть деревень и семей, связанных памятью, говором, кухней, праздниками и чувством, что они здешние. Такая идентичность хрупка, но удивительно живуча.

После десятилетий, когда татарский язык был изгнан из сибирских школ, перестройка вернула его. В Омской и Тюменской областях открылось больше ста школ, где татарский преподают как предмет. Но возвращение оказалось непростым. Учат литературному языку поволжских татар, который для сибирских детей не родной. Этнографы пишут, что сельские дети учатся «на языке, которого они не знают»: дома они говорят на тоболо-иртышском или барабинском говоре, а в школе от них требуют казанской нормы.

Отсюда один из главных споров последних десятилетий. Часть сибирско-татарских активистов и учёных считает, что нужно создавать собственную письменную норму на основе местных говоров, учебники и словари. Лингвисты, в том числе Диляра Тумашева, собрали и описали диалекты сибирских татар, и эти работы стали опорой для такого движения. Другие считают, что это раскол татарский народ. Мы уже приводили слова Валеева и Томилова: прежде чем решать, «следовало бы спросить сначала об этом само татарское население». Добавим: и ответ должен давать не Казань и не Москва, а тоболяки, тарлики и барабинцы сами.

Этнографы, изучавшие быт сибирских татар в конце XX века, заметили, что одежда и дома у них почти не отличаются от русских. Больше всего традиции сохранились в том, что ближе всего к семье: в еде. Больше трёх четвертей семей готовят свои национальные блюда. Живы поминальные обычаи, семейные праздники, память о тугуме, старики, которые помнят, откуда пришли их деды.

Сохраняется и религиозная память. После десятилетий запретов в деревнях снова служат «домашние муллы», строятся мечети, многие называют себя мусульманами. Для большинства сибирских татар это не столько вопрос веры, сколько знак принадлежности, связь с дедами и отличие от соседей. Но тут есть и опасность, о которой стоит сказать. Когда идентичность начинает отождествляться с религией, народ сужается. Из него выпадают неверующие, смешанные семьи, те, кто помнит своих предков, но не ходит в мечеть. А голос в общине всё чаще получают приезжие проповедники, которым местная традиция с её «куклами», эрвах и блинами для предков чужда не меньше, чем когда-то была чужда миссионерам. Сибирско-татарская идентичность веками была шире любой религии, и в этом её сила.

Каждая перепись превращается для сибирских татар в маленькое сражение. Активисты призывают писать «сибирский татарин», чтобы народ был виден. Другие советуют писать «татарин», чтобы не раскалывать общетатарское единство. Переписчики нередко решают за

людей сами. В итоге цифры переписей мало что говорят о реальной численности сибирских татар и много — о том, как трудно малой идентичности отстоять себя перед большой.

За этим спором стоит нечто большее, чем цифра. Признание особого народа дало бы сибирским татарам то, чего у них никогда не было: право самим говорить от своего имени. Не как «ветвь» большого народа и не как «пережиток», а как община, которая сама решает, кто она.

Мы начали эту главу со слова *тон-иерлы-халк*, «старожилы». Им и закончим. Сибирские татары пережили падение ханства, крещение, гонения, колонизацию, коллективизацию, изгнание языка из школ и перепись, которая их не замечает. Они растворялись в русских и в поволжских татарах — и всё же не растворились до конца. Их идентичность держится не на государстве, не на республике и не на официальном статусе, а на сети общин, семей и памяти.

Такая идентичность — лучший пример того, о чём говорит вся эта книга. Народ существует не потому, что его признала власть, а потому, что люди продолжают быть им, сами решая, что для них значит быть сибирскими татарами. И пока остаётся хоть одна деревня, где бабушка печёт в четверг блины для предков, а внуки знают, из какого они тугума, этот народ жив.

Глава 3. Алтайцы: народ сеоков

3.1. Северные и южные

Старик-тубалар в конце 1990-х сказал этнографу фразу, которая могла бы стать эпиграфом ко всей истории народов Алтая: «В прежнее время мы алтайцами были, а теперь вот — тубалары». За этими словами стоит целый век, в течение которого государство, учёные и сами жители гор снова и снова решали один и тот же вопрос: кто такие алтайцы — один народ или много?

Горный Алтай только на карте выглядит единым. На деле в нём два разных мира.

На юге, в высокогорных степях и долинах Катуня, Чуи, Урсула, Башкауса, веками жили скотоводы-кочевники. Они пасли лошадей, коров, овец и коз, дважды в год откочёвывали с зимников на летники, жили в войлочных и берестяных аилах. Лошадей зимой не держали в стойле: табуны сами добывали корм из-под снега. Здесь были богачи с тысячами голов скота и бедняки, «неимущие и пешие». Здесь была степная аристократия — зайсаны, наследники ойратских правителей. Южных алтайцев учёные позже разделили на алтай-кижи, теленгитов, телёсов и телеутов.

На севере, в «черни» — густой тёмной тайге с пихтой, кедром и осиной — жили совсем другие люди. Они охотились на соболя и белку, били кедровый орех, собирали съедобные коренья, копали землю мотыгой, ловили рыбу. Скота у них было немного. Русские называли их «черневыми татарами». Сами они называли себя по рекам и местам: туба-кижи и йыш-кижи («люди черневой тайги») на Бии и у Телецкого озера, шалганду на реке Лебедь, куманды-кижи на средней Бии. Сегодня их знают как тубаларов, челканцев и кумандинцев.

Различия шли глубже хозяйства. Языки северных алтайцев ближе к шорскому и хакасскому, а южных — к киргизскому и казахскому. Северяне несут в себе заметное наследие самодийцев, кетов и угров, которые жили в этой тайге задолго до тюрков. Южане теснее связаны с монгольским и ойратским миром. У севера и юга разная память. Для южных алтайцев Джунгария — утраченная родина и золотой век. Для северных — время поборов и насилия, когда ойратские сборщики забирали пушнину и железо.

Разделение на «северных» и «южных» ввели миссионер Василий Вербицкий и тюрколог Василий Радлов в XIX веке. Сами жители гор так себя не делили. Но разница, которую заметили учёные, была реальной.

Русские документы XVII–XVIII веков называли южных алтайцев «калмыками» — «белыми», «горными», «зенгорскими», «каракольскими». Это не было простой путаницей: алтайские зайсаны действительно были подданными ойратских ханов, а сами ойраты — калмыки. Северяне называли «черневыми» или «кузнецкими» татарами. Никакого общего имени у жителей гор не было, потому что не было и общего самосознания.

Имя «алтайцы» появилось как научный термин в XIX веке и относилось к жителям Алтайских гор вообще. Но в XX веке его превратили в название одного народа. Сначала, в 1922 году, была создана Ойротская автономная область, а жителей гор стали называть «ойротами», по имени легендарного Ойрот-хана. В 1948 году Сталин, опасавшийся всего, что напоминало о монгольском единстве, велел область переименовать. Ойроты снова стали алтайцами, Ойротская область — Горно-Алтайской, а её столица Ойрот-Тура — Горно-Алтайском. Люди за одну ночь сменили имя, не сменив ничего в своей жизни.

Советская национальная политика исходила из того, что у каждой автономии должен быть свой «титulusный» народ. Поэтому все жители Горного Алтая — и степные скотоводы юга, и таёжные охотники севера — были записаны в один народ, «алтайцев». Советская наука

это обосновывала: северные и южные группы считались ветвями одного целого, которые со временем должны были слиться. В паспорте теленгита, тубалара или кумандинца стояло одно слово — «алтаец». В переписях 1939–1989 годов малые группы Алтая исчезли.

Этот «единый народ» не был целиком выдумкой. За XX век жители гор действительно сблизилась: общая школа, общий литературный язык на основе южного говора, общая республика, общая судьба. Многие из них сегодня искренне считают себя алтайцами — и имеют на это полное право.

Но в тени этого единства жили другие, малые идентичности. Тубалар знал, что он тубалар. Кумандинец помнил свою реку. Теленгит на Чуе чувствовал себя теленгитом, хотя в паспорте был записан алтайцем. Когда в 1990-е годы появилась возможность, эти идентичности вышли на свет. В 1993 году кумандинцы были признаны отдельным коренным малочисленным народом, в 2000 году — челканцы, тубалары и теленгиты. Челканцев по переписи 2002 года было 855 человек, тубаларов 1565, кумандинцев около 3100, теленгитов 2368, хотя сами теленгиты оценивают себя в 8–18 тысяч. О том, почему цифры так расходятся, мы расскажем в конце главы.

Здесь же скажем главное. Выделение малых народов Алтая вызвало у части алтайской интеллигенции тревогу. Их обвиняли в том, что они раскалывают единый народ, а их самоопределение называли «свидетельством чьих-то амбиций». Это очень знакомая логика — логика большой идентичности, которая боится малых. Её много раз применяли к самим алтайцам, когда их записывали в «ойротов», подчиняли Москве, лишали земли. Теперь её применяют алтайцы к тубаларам и теленгитам.

Мы стоим на стороне малых. Человек сам решает, кто он: алтаец, тубалар, или то и другое сразу. Никакая республика, никакой «единый народ» не вправе требовать от него отказаться от своего имени ради чужих цифр.

С этой оговоркой мы будем говорить об алтайцах как о большом мире гор, где живут и алтай-кижи, и теленгиты, и народы черни, каждый со своей памятью. А начнём с того, что объединяет их больше, чем любая республика, — с сеока.

3.2. Сеок

Спросите алтайца, откуда он, и он, скорее всего, назовёт не село и не район, а свой сеок: «Я — майман», «Я — тодош», «Я — кыпчак». Слово «сеок» означает «кость». Алтайцы объясняют его так: «Кости даёт ребёнку отец, а плоть и волосы — мать». Кость — самое прочное, что есть в человеке, то, что остаётся, когда всё остальное истлеет. И то, что связывает его с предками.

Сеок передаётся по отцовской линии. Все члены одного сеока считаются родственниками, братьями и сёстрами, даже если никто уже не помнит, как именно они связаны. Поэтому жениться внутри своего сеока нельзя. Нельзя и брать жену из «единоутробных» сеоков, *карындаш*, которые считаются рождёнными от одной матери, — например, кыпчака с мундусом. Этот запрет держится крепко. В 1971 году, когда этнографы опросили больше восьмисот алтайцев, за сохранение экзогамии высказались 77% мужчин и 79% женщин. Советская власть полвека объявляла сеоки «пережитком родового строя», а люди продолжали их помнить.

В конце XIX века у алтайцев насчитывалось 68 сеоков, сегодня — больше восьмидесяти вместе с подразделениями. Сеок устроен как дерево. В основе — семья, *юрт*. Несколько родственных семей составляют «гнездо», *уйа*. Гнёзда объединяются в *кезек*, кезеки — в сеок. Раньше несколько семей одного гнезда жили вместе в одной долине-логу, вместе кочевали и пасли скот. Такое поселение, *аил*, было одновременно и роднёй, и соседской общиной.

Самое интересное в сеоке то, что он вовсе не замкнут. Этнографы давно заметили, что у многих сеоков нет общего предка. Люди разного происхождения, иногда говорившие на других языках, встраивались в родовую схему и через несколько поколений становились «своими».

Сами алтайцы это помнят. Они различают сеоки «коренные», *тургун сёок*, и «вошедшие», *киргин сёок*, — те, чьи предки пришли из Тувы или Монголии. Имена многих сеоков — найман, мундус, кыпчак, меркит — это имена древних степных племён, чьи «осколки», как пишет этнограф Лидия Шерстова, разошлись по всей Южной Сибири. Алтаец из сеока найман носит в себе имя народа, который в XII веке кочевал в Монголии и был разбит Чингисханом. Сеок — это живая летопись степи, записанная не на камне, а в памяти людей.

Теленгиты сохранили ещё более удивительный обычай. Ребёнка, рождённого вне брака, у них называли *от тыу балазы* — «дитя огня-очага». Его сеок определяли не по крови, а по тому, у очага какого рода он вырос. Этнограф Агнешка Халемба записала историю мальчика, чей биологический отец был из одного сеока, отчим — из другого, а вырос он в раннем детстве у деда из третьего. «Знающая» женщина определила, что его духи-покровители — из сеока деда, и мальчик сам признал себя членом этого сеока. Кость, оказывается, можно получить не только от отца, но и от очага, у которого ты вырос. Сеок — не биология, а принадлежность, которую община признаёт.

Главное, что давал сеок человеку, — защиту. Этнографы прямо называют одну из его главных обязанностей: «безвозмездное наделение обедневшего односочника скотом вследствие болезни, эпизоотии, джута и других несчастий». В горах, где один снежный год мог убить всё стадо, это означало разницу между жизнью и смертью. Человек, потерявший скот, не становился нищим и не шёл в кабалу к богачу. Его сородичи давали ему скот, чтобы он снова встал на ноги, — не в долг, а просто потому, что он свой.

Сеок женил своих сирот. Свадьба у алтайцев была делом не двух семей, а двух сеоков, которые вступали в союз и обменивались дарами. Если жених был сиротой, его женил весь сеок. Главную ответственность нёс дядя по матери — *таай*. Отношения дяди и племянника у южных алтайцев и теленгитов до сих пор считаются особыми. К роду отца обращаются за материальной помощью, к роду матери — за поддержкой душевной. Отказать племяннику нельзя. Теленгиты говорят: «Пусть ко мне лучше семь волков придут, чем один племянник». Это не жалоба, а признание: племянник может прийти в любой момент и попросить что угодно, и отказать ему — позор.

У каждого сеока была своя священная гора, свой дух-покровитель, свои моления. Теленгиты говорили: «Каждый сеок своим камлал по-своему». Женщины, выйдя замуж в чужой сеок, не поднимались на гору мужнина рода. Кумандинки не делают этого до сих пор. Сеок связывал человека не только с живыми, но и с землёй, с горой, на которой молились его предки.

Внутри сеока не было государственной власти. Были люди, к которым прислушивались: богатырь, сказитель-*кайчи*, шаман-*кам*, лекарь, мудрый старик. Этнограф Светлана Тюхтенева пишет о них как о «послах» или «ходоках» от народа. Они были не начальниками, а людьми, *обязанными* служить своим. Их авторитет держался на том, что они делали для общины, а не на том, что им кто-то его даровал.

Ойратская и затем русская власть строили свою систему поверх сеоков. Ойраты разделили Алтай на семь *дючин*, во главе которых стояли наследственные зайсаны. Дючины были не территориями, а союзами людей, где бы те ни кочевали. Русская империя сохранила зайсанов, сделав их своими посредниками: они собирали ясак, судили и отвечали перед властями. Решения зайсанского суда поначалу нельзя было обжаловать. Позже власть открыла алтайцам путь с жалобами к бийскому уездному начальнику — и тем самым сделала зайсана зависимым от себя. В 1911–1913 годах родовое самоуправление упразднили вовсе, и Алтай разделили на обычные волости. Империя сначала использовала сеоки, а потом, когда они стали ей не нужны, попыталась их уничтожить.

Советская власть продолжила это дело. Зайсанов объявили «феодалами», родовые моления запретили, а сеоки должны были исчезнуть сами — как отжившие своё.

Они не исчезли. В 1989 году впервые за десятилетия прошёл праздник сеока — его устроили майманы. Потом праздновали тодоши, иркиты и другие. В 1990-е годы сеоки стали превращаться в общественные организации. Сегодня около пятнадцати сеоков имеют своих выборных зайсанов, объединённых в совет, и участвуют в Курултае алтайского народа. У теленгитов в конце 1990-х годов выбирали глав отдельных сеоков, а не сёл: родовая принадлежность оказалась людям ближе административной.

Не всем это понравилось. Раздавались требования запретить праздники сеоков, потому что они якобы ведут к «родовому обособлению» и раскалывают народ. Это та же тревога большой идентичности перед малыми, о которой мы говорили в предыдущем параграфе.

А на деле сеок — одна из самых живых форм самоорганизации, которые сохранились в Сибири. Это сеть людей, связанных не государством, не партией и не рынком, а памятью, взаимными обязательствами и готовностью прийти на помощь. Горизонтальная, гибкая, открытая для тех, кого приняла община. Она пережила ойратских ханов, русских исправников и советских секретарей обкома — и, похоже, переживёт многих ещё.

3.3. Между Джунгарией и Россией

В конце XVI века ойратский правитель Хара-Хула из рода Чорос подчинил Горный Алтай. С тех пор на полтора века Алтай стал наследственным владением ойратских ханов, державы, которую позже назовут Джунгарским ханством. Алтайцы были разделены на *дючины*, во главе которых стояли зайсаны, и платили ойратам дань — *алман* — пушниной, скотом, железом.

Для разных частей Алтая эта власть значила разное. Таёжные народы севера, будущие кумандинцы, тубалары, челканцы, помнили ойратов прежде всего как сборщиков дани, которые приходили за соболями и железом. Для степняков юга ойратский мир был своим. Их зайсаны были частью джунгарской знати, их скот пасся на джунгарских пастбищах, их вера и праздники шли оттуда. Когда главного алтайского зайсана Омбо русские пытались привести к присяге, он отвечал, что его люди «неподсудны никому». Это была не гордыня, а спокойная уверенность человека, за которым стояла одна из сильнейших держав Азии.

В XVII — первой половине XVIII века многие народы Алтая жили между двух огней. Русские остроги ползли с севера: в 1709 году на Бии был поставлен Бийск. Джунгары держали юг. Северные группы платили ясак и Москве, и ойратам. Для самих данников это было способом выжить: не ссориться ни с одной силой.

Всё рухнуло за три года. В 1755–1758 годах Цинский Китай, воспользовавшись междоусобицей в джунгарской верхушке, уничтожил ханство. Это была не просто война, а истребление. Современные историки говорят о геноциде: погибла большая часть населения Джунгарии, по разным оценкам до миллиона человек. Сибирский историк XIX века Серафим Шашков писал, что Джунгария «была буквально усеяна трупами... Всё, что имело ноги и могло двигаться, бросилось в Сибирь».

Китайские отряды дошли и до Алтая. Южные долины были опустошены. Тысячи алтайцев бежали на север, к русским крепостям. Около пятнадцати тысяч человек собрались у Бийска.

В феврале 1756 года двенадцать алтайских зайсанов приняли русское подданство. Российские документы писали, что они «сами отдались» императрице Елизавете. Позже эту дату объявят днём «добровольного присоединения Алтая к России», и в 2006 году её торжественно отметят как 250-летний юбилей.

Слово «добровольно» здесь звучит горько. Зайсан Омбо, тот самый, что когда-то говорил о своей неподсудности, теперь писал: «Желаем белому государю дань платить до смерти своей». Выбор у людей, чья страна горела, а родные гибли под китайскими саблями, был между смертью и русской крепостью. Это не добровольное вхождение, а спасение беженцев, которые приняли чужие условия, потому что других не было.

А условия были тяжёлыми. Беглецам предложили выбор: креститься или переселиться на Волгу, к калмыкам, «с которыми, — замечает Форсайт, — у них не было ничего общего». В 1757 году из Бийска ушёл «великий кош» — около четырёх тысяч человек, отправленных через всю Россию на Волгу. Многие погибли в пути. Беженцев, которые приходили к русской границе без крещения, нередко грабили как «язычников». На беглецов из Джунгарии охотились и соседи: женщин и детей захватывали и продавали на сибирских рынках.

Всего русское подданство приняли около пятнадцати тысяч человек. Но многие из тех, кто ушёл или был уведён, потом тайком вернулись в горы. Этнографы считают, что именно эти вернувшиеся беглецы, осевшие в долинах Катуня и её притоков, стали основой народа, который позже назовут алтай-кижи. Народ, который принято описывать как часть «присоединённого» Алтая, на деле сложился из тех, кто отказался уходить со своей земли.

Не все подчинились одной империи. На юге Алтая, в Чуйской степи и по Бухтарме, остались группы, которые платили дань и России, и Китаю. Их называли «двоеданцами». Цинские чиновники приходили за своей данью, русские — за своей, а сами двоеданцы продолжали жить на своих пастбищах, лавируя между двумя столицами. Так продолжалось больше ста лет. Только в 1864 году Россия и Китай провели границу, и двоеданцы стали подданными одной империи. Для теленгитов Чуи это означало конец долгой, неудобной, но собственной независимости.

Устав Сперанского 1822 года записал алтайцев в «кочующие инородцы» и обещал им защиту: русским «запрещается самовольно селиться» на их землях. Алтайские роды сохраняли своих зайсанов, свои суды и свои пастбища. На бумаге это было одно из самых благоприятных положений для коренных народов во всей империи.

Обещание продержалось сорок три года. В 1865 году власти разрешили переселение русских крестьян на Алтай, и в долины, которые беглецы из Джунгарии когда-то выбрали для жизни, потянулись переселенцы. О том, что было дальше, — в параграфе о бурханизме. Здесь же скажем главное: полтора века после 1756 года алтайцы жили в империи не как «добровольно присоединившиеся», а как беженцы, которым позволили остаться, пока их земля не понадобилась другим.

Но прежде чем говорить о потере земли, расскажем, как на этой земле жили.

3.4. Кочевье, аил, кайчи

Южный алтаец жил в движении. Дважды в год, весной и осенью, вся семья снималась с места и перегоняла скот: зимой — в защищённые от ветра долины, где снег не лежит глубоко, летом — на высокогорные пастбища, где трава свежа, а гнус не так донимает животных. Этнографы пишут, что кочевало «всё население вместе со скотом». Лошадей в стойле не держали вовсе: табуны круглый год паслись на подножном корму и сами разгребали снег копытами, добываясь до травы.

Такое хозяйство требовало огромных пространств. Ещё в первой половине XIX века алтайская семья могла кочевать на расстояния от десяти до ста километров. К началу XX века этот радиус сократился до пяти-десяти километров. Причина была не в том, что алтайцы «переходили к оседлости», как любили писать чиновники. Их пастбища занимали русские деревни, а кочевые пути перекрывали пашни и изгороди. Кочевье не умирало само — его зажимали.

Богатство измерялось скотом. У самых богатых семей были тысячи голов. У бедных — несколько коров и коз или вообще ничего. Алтайский язык сохранил две формулы для этих полюсов: *атту-тонду*, «верхом на коне и в шубе», и «неимуший и пеший». Но между этими полюсами лежал сеок с его обязанностью помогать сородичам, о которой мы говорили выше. Бедность у алтайцев была несчастьем, а не приговором.

Отношения богатого владельца скота и пастуха, который этот скот пас, советская наука описывала как «феодалную эксплуатацию». Реальность была сложнее. У теленгитов, как показала этнограф Агнешка Халемба, эти отношения и сегодня строятся не на чистом расчёте, а на доверии и взаимных обязательствах. Владелец привозит пастуху муку, присматривает за его детьми, помогает в трудную минуту. Пастух бережёт чужой скот как свой. Это не рыночная сделка и не крепостная зависимость, а связь, в которой обе стороны отвечают друг перед другом.

То, что разрушило это равновесие, пришло извне. В конце XIX века на Алтай пришли русские купцы. Они скупали у алтайцев белку по три копейки за шкурку, а продавали по пятнадцать-двадцать. Скот, пушнину, кедровый орех выменивали на водку, ткани, чай — по ценам, которые определял купец. Началось то, что этнографы называют «массовым обнищанием». В 1897 году алтайцы писали в прошении, что кедровый орех стал для «бедняка-калмыка... единственным источником существования». Богатства гор уходили на ярмарки Бийска, а на Алтае оставались долги.

На севере жизнь строилась иначе. Тубалары, челканцы и кумандинцы охотились на соболя и белку, били кедровый орех, копали мотыгами небольшие поля, ловили рыбу. У каждого рода была своя «родовая тайга», где охотились только его члены. На промысел уходили артелями по три-шесть человек, обычно родственниками, и добычу делили поровну.

У тубаларов этнограф Дмитрий Маслов записал обычай, который называется *уча* — «обычай равной доли». Если охотник, возвращаясь с добычей, встречал человека, даже не участвовавшего в охоте, он должен был отдать ему часть. Маслов связывает этот обычай с верой в духов-хозяев тайги, от которых зависит удача: удача дана не тебе одному, и если не поделишься, она уйдёт. Но за религиозным объяснением стоит простой общественный смысл. Добыча принадлежит не одному человеку, а всем, кто живёт рядом. Жадный охотник остаётся без удачи — и без соседей.

Слово *аил* у алтайцев значит и жилище, и поселение. В южных долинах это была войлочная юрта или конический шалаш, крытый корой лиственницы. На севере — берестяной или бревенчатый шалаш. Внутреннее пространство аила было устроено как модель мира. Мужская половина и женская, почётное место напротив входа, очаг в центре, дымовое отверстие, через которое видно небо. Теленгиты до сих пор говорят о «стороне отца» и «стороне матери» не только в доме, но и в окружающей земле. Где кому поставить новый дом, советует «знающий человек».

Рождение, свадьба и похороны — три *тоя*, три праздника жизни. На рождение ребёнка родственники и соседи несли в аил еду и шкурки ягнят. Этнографы называют это «этической нормой кочевого коллектива». Первые два тоя можно пропустить. На похороны прийти обязаны все.

Сегодня почти все алтайцы живут в домах. Но даже в Горно-Алтайске во дворах можно увидеть аилы, поставленные рядом с кирпичным домом. В них готовят, празднуют, принимают гостей. Этнографы называют такой аил «символическим средством сохранения этнической идентичности». Горожанин, который ставит у себя во дворе аил, говорит соседям и самому себе: я отсюда.

Память народа хранили кайчи — сказители, исполнявшие героический эпос горловым пением под аккомпанемент топшура, двухструнного инструмента. Сказание могло длиться всю ночь, а иногда несколько ночей подряд. Главные алтайские эпосы — «Маадай-Кара», «Очи-

Бала», «Алтай-Буучай» — рассказывают о богатырях, которые защищают свой народ, свой скот и свою землю от чужих захватчиков.

Кайчи не были просто развлечением. Их приглашали на праздники и на охоту. Считалось, что горные духи любят слушать эпос и за хорошую песню дают охотникам зверя. Кайчи хранили родословные, память о сеоках, о войнах и переселениях. Этнографы включают их в число тех, кого алтайцы считали «послами от народа», обязанными служить ему своим даром.

В XX веке кайчи стали знамениты далеко за пределами Алтая. Николай Улагашев, один из величайших сказителей первой половины века, помнил десятки эпосов. Алексей Калкин исполнил «Маадай-Кару», которую записали и издали как одно из крупнейших эпических произведений тюркских народов. Сегодня горловое пение алтайских кайчи слушают на фестивалях по всему миру. А на Алтае его снова учат дети.

Эпос о богатырях, защищающих свою землю, пережил и ойратских ханов, и русских купцов, и советских чиновников. Может быть, потому, что его главная тема так и не утратила смысла.

3.5. Белая вера

К началу XX века обещание Устава 1822 года, запрещавшего русским самовольно селиться на алтайских землях, давно превратилось в пустой звук. С 1865 года власти разрешили переселение крестьян на Алтай. С 1879 года указ позволил селиться прямо на землях кочевников. Переселенцы брали землю, как тогда говорили, «захватом»: приходили, распахивали луг, ставили изгородь. Форсайт описывает, как это выглядело на практике. Крестьяне распахивали землю вплотную к юрте, и семье алтайца оставалось только сняться и уйти. К 1912 году в Алтайском горном округе было около двух миллионов переселенцев. Алтайцам остались горы.

Рядом с переселенцами шла миссия. Алтайская духовная миссия с 1830 года крестила алтайцев. Она открыла школы — к 1913 году их было 74, и в некоторых учили на родном языке. Но для большинства алтайцев православие было связано не со школой, а с изгнанием. Крещёный алтаец терял место в своём сеоке и становился чужим своим. Некрещёный терял землю, потому что миссия и власти поддерживали новокрещёных. Вместе с крестом и переселенцем в горы пришли водка, долги, кражи, обман.

Алтайский народ в эти годы был в отчаянии. И из этого отчаяния родилось движение, которое изменило его историю.

Весной 1904 года в урочище Теренг, в долине реки Урсул, пастуху Чету Челпанову и его семье явилось видение. К ним пришёл всадник на белом коне и возвестил: скоро вернётся Ойрот-хан, великий правитель Джунгарии, и освободит алтайцев. Чтобы дожидаться его, нужно очиститься: отказаться от шаманских камланий с их кровавыми жертвами, не пользоваться вещами пришельцев, молиться Алтаю, небу и огню чистыми дарами — молоком, можжевельником, белыми лентами.

Весть разошлась по горам за несколько недель. В Теренг потянулись люди со всего Южного Алтая. Богатые раздавали деньги бедным. Люди пели гимны, сжигали можжевельник, выбрасывали бубны. Отказывались от керосина, спичек, картофеля, русской бани — от всего, что пришло вместе с чужаками. Песня, которую записали в те месяцы, звучала почти как манифест:

«Нет ничего хуже рыжебородых русских...

Русские спички — дурной огонь.

Косматый русский поп — дурной человек...

Придёт Золотой Ойрот — России больше не будет».

Сами участники называли своё движение *ак жан*, «белая вера». Русские — бурханизмом, по имени божества Бурхана, которому молились новообращённые. Один из них объяснял суть так: «Солнце белое, месяц белый, царь белый, и вера должна быть белой».

Шла Русско-японская война. Миссионерская печать быстро распустила слух, что алтайцы ждут не Ойрот-хана, а японского императора: «Япон-кана», который придёт и прогонит русских. Среди переселенцев поднялась паника.

21 июня 1904 года в Теренг, где молились несколько тысяч человек, явились полиция и крестьянское ополчение из соседних деревень. Молебен разогнали. Людей били, одного убили, скот угнали. Челпанова и его семью арестовали вместе с тридцатью с лишним участниками.

Суд, состоявшийся на следующий год, стал для властей конфузом. Никакой политической подоплёки, никакого японского заговора суд не нашёл. Все обвиняемые были оправданы. Но слух о «японских шпионах» оказался живучее судебного решения.

Бурханизм был не только религией, и именно это делает его важным для нашей книги. Этнографы сегодня называют его «национальным самосознанием, выраженным в конфессиональной форме». Это был первый случай, когда жители разных долин Южного Алтая, члены разных сеоков, бедные и богатые, увидели себя одним народом. У этого народа было общее прошлое (Джунгария), общий враг (колонизация, отнимающая землю) и общая надежда (возвращение Ойрот-хана). Поддержку движению давали и богатые скотоводы, например знаменитая семья Кульджиных. Но главной его силой были простые пастухи, у которых отнимали пастбища.

Бурханизм был и формой отказа. Отказа от чужих вещей, чужой веры, чужой власти. Алтайцы не могли выгнать переселенцев с оружием в руках. Но они могли перестать пользоваться их спичками, ходить в их церкви и признавать их правоту. Это было сопротивление без насилия, и именно поэтому власти так его испугались.

Была у движения и своя жёсткость. Бурханисты отвергли шаманизм. Шаманов вытесняли, браки с «чёрными» шаманистами запрещали, и в некоторых долинах между сторонниками старой и новой веры возникла настоящая вражда. Движение, объединявшее людей против колонизации, одновременно проводило новые границы внутри самого народа.

Бурханизм не исчез после разгона 1904 года. Он ушёл в долины и прожил ещё три десятилетия. В годы революции и Гражданской войны образ Ойрот-хана использовали и алтайские националисты, и белые атаманы. Не случайно новая автономия 1922 года получила имя Ойротской.

Советская власть сначала терпела бурханизм, потом начала давить. «Белых» жрецов, *ярлыкчи*, принуждали к отречению. Комсомольцы уговаривали стариков срезать косу — символ верности Ойроту. В 1933 году бурханизм официально запретили, объявив его «китайским изобретением». С 1930-х по 1980-е годы советские историки писали о нём как об «искусственно инспирированном движении прояпонской окраски». Это была та самая версия миссионерской печати 1904 года, которую когда-то опроверг царский суд.

В 1990-е годы «белая вера» вернулась. Возникли общины, называющие себя наследниками *ак жан*. Они спорят между собой, с православной миссией, с буддистами и с властями республики. Для одних это возрождение веры предков, для других — политический символ, для третьих — часть культурной памяти, как эпос или горловое пение.

Для нашей книги важно не то, во что верили бурханисты, а то, что они сделали. В 1904 году, в самый тяжёлый момент своей истории, алтайцы не исчезли и не смирились. Они придумали себе будущее, в котором их земля снова принадлежала им, и собрались вместе, чтобы его дожидаться. Первый голос алтайцев как народа прозвучал не в кабинете и не на съезде, а на горном лугу в Теренге.

3.6. От Каракорума до Катуня

В 1916 году, в разгар Первой мировой войны, империя объявила мобилизацию «иностранцев» на тыловые работы. Для алтайцев это стало последней каплей. Они никогда не служили в русской армии, и война на далёком западе была для них войной чужаков, отнявших у них землю. Многие бежали в горы. Кое-где дошло до стычек, в которых алтайцы, по словам очевидцев, отбивались «косами и камнями». Снова вспыхнул бурханизм. Народ, у которого отняли пастбища, отказывался умирать за тех, кто их отнял.

Революция 1917 года открыла возможность, о которой алтайцы не могли и мечтать. В июле 1917 года в Бийске собрался съезд, создавший Горно-Алтайскую думу. Во главе движения встал Григорий Гуркин — художник, ученик Шишкина, друг Потанина, первый алтаец, ставший известным живописцем. Он писал горы Алтая так, как их не писал никто, и теперь хотел, чтобы у этих гор были свои хозяева.

Дума не признала большевиков. В феврале 1918 года съезд в Улале провозгласил создание Каракорумской управы — органа самоуправления алтайского народа. Название отсылало к древней столице Монгольской империи, а сам проект был шире Алтая. Гуркин и его соратники мечтали о тюркском государстве Каракорум, которое объединило бы Горный Алтай, Хакасию и Туву. Это была мечта о свободе, выросшая из областнических идей Потанина и памяти о Джунгарии.

Мечте не дали сбыться. В Гражданскую войну Алтай переходил из рук в руки. Белые создали «туземную дивизию» и проводили карательные рейды. Красные, придя в мае 1920 года, видели в любом национальном движении «буржуазный национализм». Алтайские сёла жгли и те, и другие. Гуркин эмигрировал в Монголию, потом в Туву, в 1925 году вернулся — и в 1937 году был расстрелян.

Война опустошила горы. Алтайцы потеряли половину лошадей и коров, треть овец. Численность народа упала с 54,6 тысячи в 1911 году до 34,6 тысячи в 1923-м. Женщин стало на треть больше, чем мужчин: мужчины погибли в войне, ушли в Монголию, Туву, Китай.

В июне 1922 года была создана Ойротская автономная область с центром в Улале. Идея объединённой тюркской республики, которую предлагали Гуркин и его последователи, Москва отвергла. Область назвали в честь Ойрот-хана — героя бурханистов. Но, как пишет Форсайт, в её руководстве не было «ни одного алтайца на административном посту». Автономия, созданная для алтайцев, управлялась без них.

В 1929–1932 годах на Алтай пришла коллективизация. Для кочевников-скотоводов она означала не только потерю скота, но и конец образа жизни. Скот загоняли в колхозы, пастбища делили заново, самых уважаемых людей объявляли «баями» и «кулаками». Многие резали скот, чтобы не отдавать его. За три года Алтай потерял больше половины поголовья — около 56%. Часть алтайцев ушла вместе с казахами в китайский Синьцзян. Высланных в таёжные районы у Чулыма, по словам Форсайта, травили за незнание русского языка.

В 1933 году запретили бурханизм. В 1936 году сняли руководителей ойротской партийной организации. В 1935–1936 годах органы госбезопасности «раскрыли» заговор о создании тюркской республики, объединяющей алтайцев, хакасов и казахов. Проект, который двадцать лет назад открыто обсуждали на съездах, теперь стал доказательством «националистического заговора». Первое поколение алтайской интеллигенции, выросшее в 1920-е, было почти полностью уничтожено.

Люди, пережившие эти годы, до сих пор оценивают их по-разному. Этнографы записали мнения стариков: коллективизацию многие называют «единственной возможностью выжить» в голодные годы, но расстрелы «баев» оценивают «однозначно негативно». В 1948 году, как мы уже писали, у народа отняли и само имя «ойроты».

Перелом наступил в конце 1980-х, и начался он с реки.

В 1980-е годы власти готовили строительство Катунской ГЭС. Плотина должна была затопить долину Катунь, священной реки Алтая, вместе с пастбищами, сёлами и древними курганами. Для алтайцев это было то же, чем для эвенков стала Туруханская ГЭС: угроза, как они писали, «последнему уголку исторической родины». Против стройки поднялось небывалое движение, в котором соединились алтайская интеллигенция, экологи, учёные, местные жители. И оно победило: проект остановили.

В те же годы в селе Ело жители, протестуя против вырубki лиственничного леса, прострелили шины лесовозам. Маленький, почти анекдотичный эпизод. Но за ним стоит то, чего власть не видела десятилетиями: люди, которые готовы сами защищать свою землю.

В 1989 году было основано общество «Эне тил» («Родной язык»), тогда же прошли первые праздники сеоков. В 1991 году Горно-Алтайская автономная область стала республикой, с 1992 года — Республикой Алтай. В 1997 году возник совет зайсанов, в 1998 году — Курултай алтайского народа.

И здесь история алтайцев сделала поворот, о котором мы говорили в начале главы. Народ, веками добивавшийся права на своё имя, землю и самоуправление, получил республику. И вскоре сам столкнулся с той же проблемой, но с другой стороны.

В 1993 году кумандинцы, а в 2000 году теленгиты, тубалары и челканцы получили статус коренных малочисленных народов. Этот статус давал права, которых не было у «просто алтайцев»: льготы, территории традиционного природопользования, право на родовые общины. Для малых народов это была возможность сохранить себя. Для республиканской элиты — угроза.

Перед переписью 2002 года развернулась кампания «за единый алтайский народ». Республиканские газеты, как пишет Агнешка Халемба, «отговаривали или даже упрекали» тех, кто собирался записаться теленгитом. Страх был простым: если алтайцев окажется меньше пятидесяти тысяч, республика может потерять статус, а в Москве уже тогда поговаривали об объединении с Алтайским краем. Выбор между «теленгит» и «алтаец» превратился в «вопрос алтайского патриотизма».

Результат оказался предсказуемым. По переписи 2002 года в республике насчитали 62 тысячи алтайцев и всего 2368 теленгитов. Сами теленгиты оценивали свою численность в 8–18 тысяч. Многие из них, конечно, искренне считают себя одновременно и теленгитами, и алтайцами. Но многих убедили выбрать «правильный» ответ.

Мы понимаем страх алтайцев за свою республику. Он родился из вековой истории, в которой их землю отнимали, а их самих переименовывали, переселяли и не спрашивали. Но от этого не легче тем, кого теперь не спрашивают сами алтайцы. Логика «единого народа», требующего от малых раствориться ради большой цели, одинакова в Москве и в Горно-Алтайске. И ответ на неё тоже один: народ сам решает, кто он.

Теленгиты ответили по-своему. В 2004 году они создали организацию «Развитие теленгитского народа», в 2005-м зарегистрировали в Кош-Агаче первые родовые общины и начали добиваться территорий традиционного природопользования. Горы остались теми же. Но у каждого сеока, каждой долины, каждого малого народа в них по-прежнему есть свой голос.

Глава 4. Шорцы и телеуты: кузнецы Кузнецкой земли

4.1. Кузнецкие татары

Город Новокузнецк, один из центров российской металлургии, носит имя, которое мало кто из его жителей связывает с коренными народами. А между тем это имя им и принадлежит. Когда в 1618 году русские поставили на Томи острог, они назвали его Кузнецким, потому что жившие вокруг люди были кузнецами. Академик Иоганн Георги, побывавший здесь в XVIII веке, писал об этом прямо: местные жители «в кузнечном деле... издревле славны; да и оный город Кузнецк... по тому так и назван».

Русские называли этих людей «кузнецкими татарами». Сегодня мы знаем их как шорцев.

Сами шорцы долго не называли себя шорцами. Их общее самоназвание — *тадар-кижи*, «татарские люди»: то самое имя, которое русские дали всем тюркам Южной Сибири и которое местные жители со временем приняли. Но в жизни люди называли себя по рекам и по родам. Мрасцы жили по Мрас-Су, кондомцы — по Кондоме, верхотомцы — по верхней Томи. Абинцы, каларцы, шорцы были названиями отдельных родов-сеоков. Русские, кроме «кузнецких», называли их ещё «черневыми татарами» — жителями черни, густой горной тайги.

Слово «шорцы» было именем одного сеока, Шор, с верхней Кондомы. В 1865 году тюрколог Василий Радлов предложил называть этим словом весь народ. Идея прижилась в науке, а в 1920-е годы, когда появился Горно-Шорский национальный район, стала официальной. Как пишет этнограф Василий Кимеев, именно в рамках этого района «окончательно завершилось сложение единого шорского этноса». Народ получил общее имя уже в XX веке, но люди, которые его носят, жили на этой земле задолго до русских и задолго до самого слова.

Шорцы — один из тех народов, в которых тюркский язык лёг на более древние слои. Этнографы называют их прошлое «причудливой смесью тюркоязычных родов-сеоков с разной степенью этничности». В их сеоках — кетские, самодийские, угорские, телеутские корни.

Шорский язык — два диалекта, мрасский и кондомский, — ближе всего к хакасскому и языкам северных алтайцев.

Главное, что отличало шорцев от соседей, — железо. В горах Кузнецкого Алатау и Горной Шории есть богатые железные руды, и местные жители научились добывать и плавить их задолго до прихода русских. Руду плавили в небольших глиняных горнах, выковывали наконецники стрел и копий, ножи, топоры, котлы, доспехи.

Русский наказ 1622 года описывает мастерство кузнецких людей с явным уважением. Они делают «пансыри, бехтерцы, шеломы, копыи», а «иные есак дают Колмацким людям железом же». Железо было не только ремеслом, но и валютой степной политики. Шорцы платили им дань кыргызам, телеутам, ойратам. Кумандинцы, их соседи, тоже отдавали джунгарам часть кузнечных изделий. Кузнецкая земля была оружейной мастерской всей Южной Сибири.

Георги отмечал и другое: шорцы «продают невыделанного железа Российским кузнецам». Русские крестьяне и казаки первых десятилетий покупали у них железо и изделия, потому что своего металла в Сибири почти не было.

Эта мастерская продержалась недолго после прихода русских. Причин было несколько, и все они связаны с колонизацией.

Первая — запрет. Русская власть боялась, что кузнецкое железо и оружие попадут к её врагам — кыргызам, телеутам, джунгарам, — и запретила продавать их. Для народа, который веками жил обменом железа на скот и зерно, это означало потерю главного рынка.

Вторая — ясак. Власть требовала дани не железом, а пушниной. Соболь был нужен казне для торговли с Европой и Китаем, железо — нет. Шорцы должны были всё больше времени тратить на охоту и всё меньше — на ремесло.

Третья — заводы. В XVIII веке в Сибири появились казённые и частные металлургические заводы, работавшие на уральской и алтайской руде. Их дешёвое железо вытеснило шорский металл с рынка.

К началу XIX века шорская металлургия пришла в «полный упадок». Народ кузнецов стал народом охотников, собирателей кедровых орехов и мелких земледельцев. Исследователи колониальной экономики знают этот сюжет по другим странам: колония, которая умела производить сама, превращается в поставщика сырья для метрополии. На берегах Томи это случилось раньше и тише, чем во многих местах мира.

Для шорцев присоединение к России в XVII веке, как пишет Кимеев, было «лишь сменой одной правящей иноэтничной верхушки другой при сохранении содержания даннических отношений». Никаких договоров о правах и угодьях с ними никто не заключал. Раньше они платили кыргызам и телеутам, теперь — русскому воеводе.

А некоторые платили и тем, и другим. Бирюсинцы, одна из групп, в XVIII веке жаловались, что платят дань и России, и «соонгарцам, киргизцам или китайцам», «от чего пришли они в бедность». Двойная дань, которую потом назовут «двоеданчеством», для таёжного охотника означала одно: вдвое больше соболей и вдвое меньше жизни.

Ирония истории в том, что там, где когда-то стояли маленькие горны шорских кузнецов, в XX веке вырос Кузбасс — один из крупнейших угольных и металлургических центров страны. Кузнецкая земля снова стала землёй железа. Только теперь это железо принадлежало не шорцам, и к 1938 году их было в родном краю один к семи. О том, как это случилось, — в последнем параграфе главы.

4.2. Род и тайга

Шорская тайга только кажется пустой. Для человека, который вырос в ней, каждая долина, каждый ручей и каждый кедровник имели хозяина. Хозяином этим был не отдельный человек и не князь, а род — сеок. Как и у алтайцев, сеок у шорцев передавался по отцу и озна-

чал «кость», а главным его признаком, по словам Кимеева, была экзогамия: жениться внутри своего сеока было нельзя. Члены одного сеока называли друг друга *карьндаш*, «единоутробные», — братьями и сёстрами, рождёнными от одной матери, даже если общего предка не помнил уже никто.

Земля принадлежала сеоку. Охотничьи угодья, кедровники, рыбные места, покосы делились между родами, а внутри рода — между большими семьями. Как и у северных алтайцев (к 3.4), в тайгу ходили небольшими родственными артелями, и добычу делили поровну. Кто охотится на чужих угодьях, кто и когда начинает бить орех, как делить общий улов — всё это решали не начальники, а старики. Шорцы так и говорили: «Старики закон держали». Власть стариков держалась не на силе и не на богатстве, а на опыте и доверии. Обычное право передавалось изустно, и никакой суд в Кузнецке не знал тайгу лучше, чем старики, которые прожили в ней всю жизнь.

К XX веку родовое землепользование постепенно сменилось соседским: в одной деревне жили люди разных сеоков, и угодья делились уже между соседями, а не между родами. Но память о «родовой тайге» сохранялась долго. Даже сегодня шорцы знают, какая речка принадлежала какому сеоку.

Русская власть встроилась в эту систему по-своему. Ясачные волости, на которые она разделила шорцев, были не территориями, а сеоками. Волость — это род, где бы ни жили его члены. Во главе волости стоял *паштык*, выборный или наследственный старшина. Он собирал ясак со своих сородичей «где бы они ни проживали» и судил их по обычному праву. Для казны это было удобно: не нужно знать тайгу, достаточно знать паштыка. Для шорцев это означало, что их собственный род стал инструментом сбора дани. Паштык, представлявший сородичей перед властью, одновременно представлял власть перед сородичами. Так бывало со всеми «родовыми управлениями» Сибири, и шорские не были исключением.

Брак у шорцев заключался двумя путями. Первый — сватовство, с договором о калыме. Второй — умыкание, которое чаще всего происходило по согласию невесты: молодые стоваривались, парень увозил девушку, а потом родители мирились. Обряд примирения был полон театральности. Отец невесты торговался о выкупе, бил зятя плёткой — и целовал дочь. Затем устраивались скачки и состязания, *байга*, и свадьба становилась праздником двух родов.

Брачный возраст был ранним, от четырнадцати до семнадцати лет. Одна из особенностей шорского брака удивляла путешественников: мальчиков-сирот нередко женили в шесть-десять лет на женщинах двадцати-тридцати лет. До совершеннолетия жена была для мальчика, по словам этнографов, «матерью». Этот обычай, который со стороны кажется странным, решал простую задачу: сирота получал дом, хозяйство и заботу, а род — работницу и продолжение семьи. Вдова с ребёнком считалась «большой удачей» для жениха: она уже доказала, что может рожать детей. В таёжной жизни, где каждый человек был на счету, брак прежде всего был способом выжить вместе.

Мир шорцев был населён духами. У гор, рек и лесов были хозяева, у очага — свой дух. На промысле нельзя было называть зверей и многие вещи их настоящими именами: говорили иносказаниями, чтобы не спугнуть удачу. Домашние духи-покровители переходили вместе с невестой в дом мужа. Роженицу и младенца охраняла Умай. Но у неё был и тёмный двойник — Кара-Умай, похищающая детские души. Шорцы говорили, что тело человека принадлежит небесному Ульгеню, а душа — подземному Эрлику. Жизнь проходит между небом и нижним миром, и обоим надо отдать своё.

Смерть в этом мире была дорогой. У человека было несколько душ: *кут* — жизненная сила, *тын* — дыхание, *сюне* — душа, уходящая после смерти, и *узут* — дух умершего, который мог остаться рядом с живыми. До прихода миссионеров шорцы хоронили умерших «повоздушному», на деревьях или помостах. У детей этот обычай сохранялся ещё в начале XX века. Кладбища с крестами появились только вместе с миссией. Через год после смерти шаман

проводил душу в последний путь. Он усаживал её на воображаемый плот и отправлял по «чёрной дороге смерти», *кара-чол*, в нижний мир. Только после этого живые могли быть спокойны.

Шамана, по шорскому поверью, отмечала «лишняя кость». Человек, у которого она была, не мог отказаться от своего дара. Шаманы сохраняли влияние у шорцев до самой коллективизации: к ним шли лечиться, просить удачи на охоте, провожать мёртвых. Православная миссия, пришедшая в эти края в 1830-е годы, так и не смогла вытеснить их окончательно. О том, как миссия и купцы изменили жизнь шорской тайги, — в одном из следующих параграфов. А сначала расскажем о соседях шорцев, которые в XVII веке были в этих краях силой, с которой считалась даже Москва, — о телеутах.

4.3. Телеутская орда

В начале XVII века, когда русские только ставили первые остроги на Оби и Томи, в степях между Обью и Алтаем кочевал народ, которого побаивались и соседи, и сама Москва. Русские называли их «белыми калмыками», а историк XVIII века Иоганн Фишер — «знатнейшим народом Сибири». Сами они называли себя *телегет* — телеуты.

Телеутская орда была одним из самых сильных государств на юге Западной Сибири. Во главе её стоял князь Абак — фигура, которая в русских документах появляется то как союзник, то как противник. Телеуты кочевали по степям Верхней Оби и Бии, водили табуны, собирали дань с таёжных соседей, в том числе с предков шорцев, и вели свою большую политику. Они торговали и заключали союзы с джунгарами, воевали с кыргызами, вступали в переговоры с русскими воеводами, приезжали в Томск и Кузнецк и то принимали государево жалованье, то нападали на остроги. Для Москвы телеуты были не «ясачными инородцами», а державой, с которой приходилось договариваться.

После смерти Абака, в 1635 году, орда разделилась на два улуса — Абаковичей и Мачиковичей. С этого времени её сила пошла на убыль. Ещё с 1620-х годов отдельные группы телеутов, «выезжие», переходили в русское подданство и селились у Томска и Кузнецка. Большинство же в начале XVIII века, около двадцати тысяч человек, кочевало под властью джунгар. Когда Цинский Китай уничтожил Джунгарию, погибла и телеутская орда. К 1760-м годам, как пишут историки, улусное объединение телеутов «окончательно распалось». Часть телеутов погибла, часть бежала на русскую сторону, часть джунгары ещё раньше угнали вглубь своих земель.

Из осколков некогда сильного народа сложились несколько групп. Томские телеуты приняли ислам и влились в состав сибирских татар — их потомков мы уже встречали под именем «калмаков». Алтайские телеуты осели в долинах Катунь и основали в XIX веке поселение Улала, будущий Горно-Алтайск. Столица Республики Алтай стоит на телеутской земле. А на Бачате, в нынешней Кемеровской области, к рубежу XVIII–XIX веков сложилась группа, которая и сохранила имя телеутов до наших дней. Бачатских телеутов составили переселенцы, в том числе вернувшиеся с Иртыша и даже с Волги, и местные таёжные группы — тюльберы, ач-кыштымы, тогулы. Эти группы раньше были «троеданцами» и платили дань сразу России, телеутам и кыргызам. Сегодня бачатских телеутов около двух с половиной тысяч.

Телеутское общество держалось на сеоке. Названия сеоков звучат как переключки степных народов: меркит, мундус, найман, чорос, тодош, тумат, тонгул, очу. У каждого сеока был свой предок, свой дух-покровитель и свои обряды. Телеуты говорили: «Каждый сеок своим камлал по-своему». Сеоки строго соблюдали экзогамию. Когда этнографы проверили 78 телеутских браков 1893 года, они не нашли ни одного нарушения. Сохранилась и история 1918 года. Старик захотел выдать внучку замуж внутри своего сеока и оправдывался: «Русские так же женятся, отчего же нам нельзя?!» Родня в ответ «даже за бороду таскала» его. Обычай был сильнее русского примера.

Но главное в телеутском обществе — не запреты, а взаимопомощь. У телеутов есть слово *одушке*, «помощь в долг». Так называют помощь, которую оказывают друг другу соседи и родственники, не ожидая немедленной платы: сегодня помог ты, завтра помогут тебе. *Одушке* и общие работы, помочи, живы у телеутов до сих пор. Сход в телеутском селе решал всё, что касалось общей жизни. Этнографы записали, как старики вспоминали его работу: собирались, решали, «если голодовка, кому помочь надо», «обида разбирали — следили, чтобы в мире жили». Это и есть самоуправление в самом прямом смысле — без чиновников, без полиции, без начальников, присланных извне.

Обычное право у телеутов было простым и действенным. Вор возвращал украденное вдвое. Того, кто постоянно нарушал мир, могли изгнать из общины. Пойманного вора водили по улусу с украденным на шее — и позор ложился на всю его родню. Наказывала не власть, а общественное мнение, и это наказание было, пожалуй, страшнее любого острога.

Во главе телеутских общин стояли *паштыки* — потомки старых князцов. Они хранили жалованные грамоты, полученные предками от русских царей, где были записаны права телеутов на землю. Этнографы подчёркивают, что паштыков контролировал сход. Когда паштыки шандинских телеутов продали часть земли заводскому ведомству, люди подали жалобу: земли проданы «без согласия населения». С 1860-х годов паштыков стали выбирать.

Жалованные грамоты стали главным оружием телеутов на весь XIX век. Телеутские общины долго и упорно добивались соблюдения своих сословных прав, записанных в этих бумагах. Интересно, как они их понимали. Для телеутов грамота была не милостью царя, а договором. Их предки когда-то согласились на «верное подданство», а царь в обмен обещал им землю и защиту. «Равноправный договор» — так телеуты видели свои отношения с империей. Империя видела их иначе. Но то, что народ, потерявший свою державу, продолжал считать себя стороной договора, а не покорённым данником, говорит о нём больше любых этнографических описаний.

С русскими соседями у телеутов отношения складывались, по оценкам этнографов, «в целом добрососедские». Смешанных браков было много, земельные споры решались через суд. Но в XX веке на телеутов обрушилось всё то же, что и на их соседей. В Гражданскую войну и годы репрессий погибла телеутская элита. В 1930-е годы в просьбе о национальном районе телеутам отказали. Как отдельный народ они были учтены только в переписи 1926 года, а потом на десятилетия исчезли из статистики: их записывали то алтайцами, то шорцами. А на телеутских землях начали открытую добычу угля, которая, как пишут этнографы, нанесла «особо ощутимый ущерб» их хозяйству.

В 1990 году телеуты создали ассоциацию «Эне Байат». В 1992 году их съезд принял декларацию «О праве телеутского народа на самоопределение», включая право на землю. Телеуты предъявили претензии промышленным предприятиям, разрушавшим их угодья, и представители народа выступали на международных форумах в Женеве. Этнографы, наблюдавшие это, писали: «Никогда раньше... телеуты не выступали столь организованно». В 1993 году они получили статус коренного малочисленного народа.

Народ, который три с половиной века назад был державой, а потом почти исчез, снова заговорил о своих правах, — и заговорил языком договора, на котором когда-то общались его князья с московскими воеводами.

4.4. Ростовщики и миссионеры

В XIX веке в шорскую тайгу пришли два новых вида пришельцев. Одни несли крест, другие — товар в долг. Первых было меньше, чем вторых, но и те и другие изменили жизнь черневых людей сильнее, чем два предыдущих столетия ясака.

Алтайская духовная миссия появилась в Кузнецком крае в 1831 году. Её методы этнограф Василий Кимеев описывает одной фразой: «от прямого принуждения до введения тех или иных льгот». Закон 1832 года освобождал новокрещённых от ясака на три года. Крещёному давали хлеб, крещёного могли сделать паштыком. Некрещёные старосты, как писали миссионеры, «чинили притеснения» новообращённым, и миссия добивалась их замены. Для охотника, задолжавшего ясак, крещение становилось способом выжить. Для рода — способом сохранить своего человека во главе волости. Вера здесь была не столько делом души, сколько делом хозяйства и власти.

Результат оказался предсказуемым. Василий Радлов, объехавший эти места в 1860-е годы, писал о шорцах как о христианах по названию. Бог-творец у них стал Муколой — Николаем Чудотворцем. От священника они получали причастие, которое называли *кызыл аракы*, «красная водка». Кресты на могилах соседствовали с шаманскими проводами души по «чёрной дороге смерти». Шаманы сохраняли влияние до самой коллективизации: к ним шли, когда нужно было вылечить болезнь или вернуть удачу на охоте. К попу — когда нужно было записать ребёнка или получить льготу.

У миссии была и другая сторона, о которой нельзя не сказать. Миссионеры составили для шорцев первые алфавиты и буквари, открыли школы, где учили грамоте. Шорец Иван Оттыгашев составил букварь на родном языке. Из миссионерских школ вышли первые шорские учителя, писатели и общественные деятели. Братья Тельгерековы, выпускники этих школ, в 1920-е годы возглавили Горно-Шорский национальный район, а Фёдор Тельгереков написал первый учебник шорского языка. Люди, которых учили, чтобы сделать их православными и русскими, использовали грамоту, чтобы защищать свой народ. Миссия, сама того не желая, вырастила шорскую интеллигенцию.

Купцы и скупщики действовали без всяких букварей. К концу XIX века в шорской тайге сложилась система, которую Форсайт описывает для всего Алтая и Кузнецкого края. Купец давал охотнику в долг муку, порох, ткани, водку. Долг возвращался пушниной и кедровым орехом, по цене, которую назначал сам купец. Проценты доходили до трёхсот. Топор, взятый в долг, через четыре года обходился в лошадь, а потом и в целый табун. Кедровники и медоносные угодья переходили к кредиторам в уплату долга. К 1900 году ростовщический кредит, по словам Кимеева, сделал таёжные промыслы товарными: орех сдавали уже не на продажу, а «как расплата за долги». Больше трети шорских хозяйств, 33,7%, не имели посевов и жили только промыслом, то есть только долгом.

Советские историки позже написали, что торговля «способствовала развитию» орехового промысла шорцев. Форсайт цитирует эту фразу с явной иронией. Развитие действительно было — развитие долговой кабалы, в которую купец за несколько лет загонял целые деревни. Ещё за полвека до этого Николай Ядринцев сравнивал сибирских торговцев с английскими колонизаторами. Тем, писал он, достаточно было бросить в дебри Азии кусок красного сукна, чтобы судьба местного жителя была решена. На Кондоме и Мрас-Су этим красным сукном были порох и водка.

Внутри самих шорских общин тоже появились свои скупщики. Жителей низовий Мрас-Су соседи прозвали *садыгчылар* — «торгаши». Они перекупали пушнину и орех у сородичей и перепродавали русским купцам. Колониальная экономика, как это бывает везде, рождала местных посредников. Они жили лучше соседей, но выросли из той же системы долгов.

Последний удар по старой шорской жизни нанесла реформа 1912–1914 годов. В рамках столыпинского землеустройства шорцам нарезали по пятнадцать десятин на душу, а всё остальное объявили свободным для переселенцев. Шорцы лишились сенокосов и пастбищ, которыми пользовались веками. Им, как пишет Кимеев, оставались «средние и худшие участки по опушкам леса». Тогда же упразднили ясачные волости: сеок перестал быть административной единицей, а паштык — законным старшиной. Родовая организация, на которой держалось

общество, в одночасье потеряла официальную силу. Реформа, как везде в Сибири, ускорила раскол общины на богатых и бедных.

К 1917 году шорцы подошли народом без земли, в долгах, с чужой верой на поверхности и своей в глубине, но уже с первой собственной интеллигенцией. Именно она и попыталась в годы революции сделать то, чего не удавалось сделать веками: дать шорцам собственную власть на своей земле.

4.5. Шория и Кузбасс

Революция застала шорцев народом без земли и в долгах, но с первой собственной интеллигенцией. И эта интеллигенция сразу попыталась сделать то, о чём до неё никто не решался думать: дать шорцам собственное самоуправление на собственной земле.

Летом 1917 года, когда на Алтае собралась Горно-Алтайская дума, в ней появился Кузнецкий отдел во главе с шорцем Степаном Конзычаковым. Этнографы называют его «первым национально-государственным органом шорцев». Одним из первых его решений стал запрет селить русских в шорских волостях. После ста лет, в течение которых переселенцы брали шорскую землю «захватом», народ впервые сам сказал: хватит.

Гражданская война превратила Горную Шорию в пространство голода и бандитизма. Но как только она закончилась, новая власть сделала то, что шорцы запомнили надолго. В 1921 году были «отменены все долги скупщикам» и национализированы промысловые угодья. Охотникам вернули ружья, открыли десять школ. Для людей, которые десятилетиями жили в долговой кабале у купцов, это было настоящим освобождением. Неудивительно, что многие шорцы в те годы поверили новой власти.

Но у самой власти были свои планы. Конзычаков предлагал объединить шорцев с алтайцами в одной автономии, Ойротской. Сибирское бюро большевиков назвало этот проект «совершенно нежизненным и политически опасным». Главный довод был откровенным: нельзя нарушать «хозяйственную целостность... Кузнецкого бассейна». Уже тогда, в начале 1920-х, руда и уголь Шории значили для государства больше, чем люди, которые на ней жили.

Шорцы добывались своего сами. В 1924 году в Кузедееве собрался съезд, где выступали Фёдор Тельгереков и Фёдор Токмашев. Делегаты говорили то, что копилось годами: «русские нас давят», «мы по-русски плохо понимаем». Съезд потребовал отдельного национального района. В 1925 году ВЦИК принял решение, и в 1926 году был создан Горно-Шорский национальный район — тридцать тысяч квадратных километров тайги, где из двадцати трёх тысяч жителей шестнадцать тысяч были шорцами. Тогда же шорцы добились, чтобы их отнесли к «северным туземцам», находящимся под опекой Комитета Севера. Решение приняли, но местного комитета так и не создали.

Первые годы национального района показали, как трудно было превратить обещание в реальность. Председателями сельсоветов долго оставались русские: власть ссылалась на «малограмотность шорцев» и не доверяла выпускникам миссионерских школ. Уже в 1926 году Тельгерекову вменили «националистический уклон». К 1928 году районный исполком сам признал, что название «национальный» не соответствует действительности. Только с 1930 года началась настоящая коренизация: делопроизводство перевели на шорский язык, шорцев в сельсоветах стало вдвое больше. В 1929 году появилась письменность на латинской основе и газета «Кызыл Шор». Но банк, суд и НКВД по-прежнему оставались в руках русских и украинцев. Власть на местах получили шорцы, настоящая власть осталась у других.

Одновременно шла коллективизация. К 1931 году три четверти шорских хозяйств загнали в колхозы, а «кулацкие» разграбили и выслали. Колхозный труд, пишет Кимеев, шорцы воспринимали «как своеобразную форму каторги». Для охотника, привыкшего к свободе тайги

и равному делёжу в артели, работа по нарядам под началом присланного председателя действительно мало чем отличалась от принуждения.

А главное — в Шорию пришла промышленность. Рудники Горной Шории стали сырьевой базой Кузнецкого металлургического комбината и давали ему девяносто процентов железной руды. На стройки и шахты хлынули тысячи людей со всей страны, многие не по своей воле. К 1938 году, как подсчитал Форсайт, на одного шорца в родных краях приходилось семь приезжих. Земля кузнецов снова стала землёй железа, только теперь это железо шорцам не принадлежало.

Конец наступил в 1936–1937 годах. Органы госбезопасности «раскрыли» шорский «националистический заговор». По словам Кимеева, были «уничтожены почти все» видные представители шорской интеллигенции — те самые учителя, писатели и организаторы, которые вышли из миссионерских школ и создали национальный район. В 1938–1939 годах район ликвидировали. Закрыли педагогический техникум, перевели школы на русский язык, прекратили печать на шорском. Письменный шорский язык, переведённый в 1938 году на кириллицу, почти перестал существовать. Литература, едва родившись, была, как пишет Форсайт, «практически проиграна».

Послевоенные десятилетия добились то, что уцелело. В 1960 году колхозы в шорской тайге ликвидировали «как нерентабельные», не дав ничего взамен. Две трети трудоспособных шорцев уехали в города и рабочие посёлки. Тайгу вырубали лесозаготовители, в опустевших сёлах не было ни электричества, ни школ, ни дорог. В 1989 году почти сорок процентов шорцев назвали родным языком русский.

Когда в конце 1980-х годов стало можно говорить, шорцы заговорили. В марте 1990 года собрался I съезд шорского народа и создал Ассоциацию шорского народа. Есть в этой истории деталь, достойная отдельного рассказа. С главным докладом на съезде выступал человек, который с 1982 года работал в КГБ «по вопросам национализма». Государство, двадцать лет назад уничтожавшее шорскую интеллигенцию за «национализм», теперь присылало своего специалиста возглавить национальное движение. Но президентом ассоциации съезд избрал другого человека.

II съезд шорцев в 1992 году обратился к властям России с требованием, которое трудно было представить ещё несколькими годами раньше. Он говорил о России, «завоевавшей Горную Шорию, как и всю Сибирь в XVII в.», и требовал компенсации и восстановления автономии. Автономию не вернули. Но в 1993 году шорцы вместе с телеутами и кумандинцами получили статус коренного малочисленного народа. В 1990 году, после пятидесятилетнего перерыва, шорский язык вернулся в школы.

По переписи 2002 года шорцев было около четырнадцати тысяч, шорским языком владели меньше половины. В отдалённых посёлках безработица доходила до девяноста пяти процентов. А на шорскую землю пришли уже не рудники, а угольные разрезы. В 2010-е годы правозащитники сообщали о том, как угольные компании сносили шорские посёлки и вытесняли жителей с земли, где похоронены их предки. Горная Шория, которая когда-то снабжала железом всю Южную Сибирь, снова оказалась сырьевой колонией, только теперь не соболя и не руды, а угля.

Шорцы — пожалуй, самый наглядный пример того, что происходит с малым народом, когда его земля оказывается нужна большому государству. Но это и пример того, как малый народ, которого, казалось бы, уже нет, раз за разом возвращается и требует права быть собой. Пока жива Ассоциация шорского народа, пока в школах учат шорский язык, пока хоть кто-то помнит, чья была эта речка и этот кедровник, история кузнецких татар не закончена.

Глава 5. Хакасы: народ, получивший имя в 1923 году

5.1. Хонгорай

О великой державе енисейских кыргызов, разгромившей в 840 году Уйгурский каганат, мы рассказали в первой главе. Но история кыргызов на Енисее не закончилась ни их поражением от киданей, ни монгольским завоеванием 1207 года. Минусинская котловина осталась их домом, и в XIV–XVII веках здесь сложилась новая общность. Её соседи называли *Хыргыс Хоорай*, а в русских документах эта земля известна как «Киргизская земля». Хакасский историк Виктор Бутанаев предлагает называть её по старому самоназванию — Хонгорай.

Хонгорай уже не был империей. К XVII веку он состоял из четырёх улусов-княжеств: Алтысарского, Исарского, Алтырского и Тубинского. Каждым правили свои князья, а все вместе они признавали верховенство то западномонгольских Алтын-ханов, то ойратов. Во главе общества стояли *чайзаны*, «лучшие люди», за ними шли *харачы*, рядовые улусные люди. Кыргизская знать называла себя «белой костью», а зависимые роды — «серой». Ниже всех стояли кыштымы — таёжные роды самодийцев, кетов и тюрков, платившие кыргызам пушниной и железом.

У кыргызских князей была своя дипломатия и своя переписка. Русские воеводы с изумлением сообщали в Москву, что получили от кыргызов «одиннадцать писем», которые «перевести на русское письмо в Красноярске некому». Знаменитый князь Иренек, самый упорный противник русских на Енисее, писал «по-калмыцки», то есть монгольским письмом. Это было не лесное племя, а маленькое степное государство со своими законами, союзами и историей.

Когда в 1620-е годы русские вышли на верхний Енисей, они вторглись в земли, которые кыргызы считали своими. В 1628 году был поставлен Красноярск — прямо в местах, где кочевали кыргызские кыштымы. Русские начали брать с этих кыштымов ясак, а кыргызы считали это кражей своих данников. Форсайт подчёркивает, что граница здесь никогда не была «открытой». Весь XVII век шла почти непрерывная война. Кыргызы нападали на Красноярск, Кузнецк и Томск, уводили у русских ясачных людей, сжигали деревни. Русские ходили походами на кыргызские улусы. Иренек десятилетиями то воевал с русскими, то вступал с ними в переговоры, то призывал на помощь ойратов. Красноярск, основанный как пограничная крепость, почти целый век жил в осаде.

Советская история называла это «присоединением Хакасии к России» и отводила кыргызам роль «феодалных князьков», угнетавших своих подданных. Кыргызы действительно брали дань с кыштымов. Но в войне XVII века они были не угнетателями, а народом, защищавшим свою землю от пришельцев. Эта война длилась дольше, чем любое другое сопротивление в Южной Сибири. Кыргызов не удалось ни покорить, ни заставить платить ясак. В 1690-е годы, в последних больших походах, русские почти истребили один из кыргызских родов, туба. Голову их князя Шандычки на копье привезли в Томск.

Конец Хонгораю положили не русские, а ойраты. В 1703 году джунгарский хан Цэван-Рабдан, собиравший силы для войны с Китаем, приказал увести кыргызов в свои владения. Русские документы сообщают, что ойраты угнали «тысячи с три дымов», около пятнадцати тысяч человек. Это было больше семидесяти процентов населения Хонгорая. Кыргизская знать, воины, их семьи и скот ушли на Или, в далёкую Джунгарию. Часть из них позже растворилась среди джунгар, часть спустя десятилетия пыталась вернуться. Как политическая сила кыргызы исчезли. Бутанаев называет угон событием, которое «коренным образом изменило» всю ситуацию в регионе.

Для Москвы это стало подарком. Земля, за которую она безуспешно воевала восемьдесят лет, вдруг опустела. Уже в 1707 году в устье Абакана поставили Абаканский острог. Оставшиеся на Енисее роды один за другим приносили присягу. Есаулы Тубинского улуса обещали «Белому хану» «быть в вечном подданстве и платить... ясаку... по шести соболей на год». В 1727 году Буринский трактат между Россией и Китаем провёл границу по Саянам, и Минусинская котловина окончательно отошла России. Её разделили между Кузнецким, Томским и Красноярским уездами.

Опустевшую землю заполнили те, кто остался или пришёл. На освободившиеся кочевья, как пишут историки, «без отпуску» — то есть не спрашивая разрешения властей — переселялись качинцы, ястынцы, аринцы. Вернулись некоторые уведённые в Джунгарию кыргызы. Пришли группы с Алтая, из Тувы, с Чулыма и Иртыша. Бутанаев описывает, как все эти люди в XVIII веке «консолидировались вокруг незначительного числа оставшихся и вернувшихся из угона кыргызов». Так на месте разрушенного Хонгорая начал складываться новый народ.

У этого народа ещё не было общего имени. Русские называли его жителей «минусинскими», «абаканскими» или «ачинскими татарами». Сами они называли себя по родам и группам: качинцы, сагайцы, кызыльцы, койбалы, бельтиры. Но память о кыргызах сохранилась в названиях сеоков, в эпосе, в преданиях. Именно эта память через двести лет подскажет хакасской интеллигенции, как назвать свой народ. Об этом — в следующем параграфе.

5.2. Пять народов под одним именем

До 1923 года никаких хакасов не существовало. Были качинцы, сагайцы, кызыльцы, койбалы и бельтиры. Русские чиновники называли их всех «минусинскими», «абаканскими» и «ачинскими татарами», а сами они называли себя *тадар*. В тот год на свет появилось новое имя, которое сегодня носят больше восьмидесяти тысяч человек. История этого имени — одна из самых интересных в нашей книге, потому что в ней сталкиваются два вопроса: кто создаёт народ и кто вправе говорить от его имени.

Качинцы, *хааши*, жили в степях по левому берегу Енисея, вокруг нынешнего Абакана и Минусинска. Своё имя они получили от сеока кашка, а в их среде сохранились потомки кыргызской знати — сеок хыргыс. Сагайцы, *сагай*, занимали предгорья и долины по Аскизу, Таштыпу и Абакану. Среди них было много выходцев с Алтая, из Тувы, из шорской тайги. Кызыльцы, *хызыл*, жили севернее, по Белому и Чёрному Июсу, на границе степи и тайги, и в их сеоках помнили предков-телеутов и даже шаманов. Койбалы — самые древние жители края, потомки саянских самодийцев, перешедших на тюркский язык, как мы рассказывали в первой главе. Бельтиры, чьё самоназвание *пильтир* означает «смешанные», сложились на слиянии рек из людей самого разного происхождения.

У каждой из этих групп были свои говоры, свои праздники, свои особенности хозяйства и свой набор сеоков. Качинцы были степными скотоводами, кызыльцы жили наполовину охотой. Сагайцы помнили таёжные корни, койбалы — самодийские. Но у всех был общий язык, общее прошлое на земле Хонгорая и общее самоназвание *тадар*. Бутанаев подчёркивает, что сами названия групп — «поздние». Они возникли в XVIII–XIX веках «под влиянием сибирской администрации», которая называла административные роды по имени ведущего сеока. Один и тот же сеок мог оказаться разрезанным между несколькими административными родами. Границы между группами проводили не только люди, но и чиновники.

С 1822 года, по Уставу Сперанского, у каждой группы появилась своя Степная дума — Качинская, Сагайская, Кызыльская, Койбальская. Думы давали группам какое-то самоуправление, но одновременно закрепляли разделение. Каждая дума вела свои дела с властью, и общего органа у «минусинских татар» не было.

Мысль о том, что все они — один народ, родилась в начале XX века среди первой образованной молодёжи. Она искала для своего народа имя, которое было бы не чужим и не административным, а своим и древним. Нашла его в истории. Китайские летописи эпохи Тан называли енисейских кыргызов словом *хягас*. Первые хакасские интеллигенты, изучавшие историю своего края, увидели в этом слове ключ к славному прошлому, к тем временам, когда их предки разгромили Уйгурский каганат и переписывались с китайским императором. Из *хягас* получилось «хакас».

Движение за собственную государственность, начавшееся ещё в 1905 году, добилось своего после революции. В 1923 году был создан Хакасский уезд, и имя «хакасы» стало официальным. В 1925 году уезд стал округом, в 1930-м — автономной областью. Бутанаев пишет, что новое имя «способствовало их политическому возрождению». Народ, разделённый на группы и Степные думы, впервые получил общую рамку.

Советские учёные позже спорили, был ли этот народ «настоящим». Некоторые демографы, например Соломон Брук и Виктор Козлов, писали о хакасах как об искусственном советском объединении разных групп под одним названием. Бутанаев решительно с этим не соглашается. Он напоминает, что общее самоназвание *тадар* существовало задолго до революции, что язык был общим, а консолидация вокруг кыргызских родов шла весь XVIII век. Имя «хакасы» лишь дало этой консолидации форму. Бутанаев даже предлагает считать историческим самоназванием предков хакасов слово *хоорай* — от того самого Хонгорая.

Прав, по-видимому, и тот, и другой. Хакасский народ действительно складывался снизу, долго и самостоятельно, и советская власть не придумала его, а признала. Но группы, из которых он сложился, никуда не исчезли. Редактор академического тома «Тюркские народы Сибири» Дмитрий Функ в примечаниях к главе Бутанаева спорит с автором. Он пишет, что качинцы, сагайцы, кызыльцы и другие являются «фактически... самостоятельными этническими группами»: их самосознание сохраняется и сегодня. Койбалы почти растворились среди качинцев, но в деревне Койбалы люди помнят, кто они. А 1078 шорцев, живущих в Хакасии, во втором поколении уже считают себя хакасами: общее имя *тадар* облегчило им этот переход.

Для нас здесь нет противоречия. Человек может быть сагайцем и хакасом одновременно, так же как можно быть тубаларом и алтайцем. Общее имя не должно отменять малые, а малые не мешают общему. Плохо становится тогда, когда кто-то сверху начинает решать, какое из этих имён правильное.

Как это выглядит, показывает судьба чулымцев. Этот маленький тюркский народ на реке Чулым никогда не входил в состав Хонгорая. Он говорит на своём языке и имеет свою историю. Но с 1939 года чулымцам в паспортах писали «хакасы». Чулымская молодёжь в 1980-е годы по документам в большинстве числилась хакасами, но сама себя хакасами почти не считала. Имя, которое хакасская интеллигенция выбрала для себя сама, для чулымцев стало чужим именем, выданным сверху. Об их судьбе мы расскажем в конце главы.

А пока вернёмся в хакасский аал и посмотрим, как была устроена жизнь людей, которые называли себя детьми древних кыргызов.

5.3. Аал

Хакасский историк Виктор Бутанаев называет сеок «самой глубинной сущностью человека». Как у алтайцев и шорцев, сеок у хакасов передавался по отцу, а все его члены считались братьями и сёстрами. Предков-мужчин называли *адас*, но память хранила и прародительниц, *иней*. Род Саражаковых ещё в XX веке каждый год приносил жертвы каменному изваянию своей праматери. У каждого сеока была своя священная гора. Её почтительно называли *Улуг абам* — «Великий мой отец». Раз в три года на ней устраивали родовое моление *таг тайыг*, на которое собирали деньги вместе с податью. Бутанаев подчёркивает главное: через почитание

предков «происходило утверждение родовых форм взаимопомощи». Моление на горе было не только обрядом, но и способом напомнить, что люди одной кости должны помогать друг другу.

В XIX веке сеоков у хакасов было больше ста пятидесяти, но жили их члены уже не отдельными родовыми территориями, а вперемешку. Основой жизни стал не род, а аал — селение из нескольких юрт, кочевавших вместе по устоявшемуся маршруту: зимник, весенник, летник, осенник. В начале XX века только пятая часть аалов состояла из родственников. Три четверти были соседскими общинами, где жили люди разных сеоков. Ещё пять процентов составляли аалы, выросшие вокруг бая и его работников. Соседство оказалось не менее прочной связью, чем кровь.

Общие дела аала решал сход — *чылыгыг*. На нём делили покосы, разбирали наследство и разводы, решали, принять ли в общину нового человека. Этот сход не был идеальной демократией: бедняки-*хулы*, попавшие в долговую зависимость, и беглые права голоса не имели. Старшиной аала, *аалбазы*, обычно становился самый зажиточный человек. В голодный год он помогал соседям продуктами, а те потом отработывали долг в страду. Но в целом аал жил по правилу, которое трудно назвать иначе, чем самоуправлением: всё, что касалось общей жизни, решали сами жители.

Вся жизнь аала была пронизана очерёдностью — *теес*. Скот мелких хозяев пасли вместе, по очереди. По очереди сторожили стада, по очереди выполняли общие работы. По очереди устраивали и угощения, *тамах*: каждая семья в свой черёд накрывала стол для всего аала, и, как пишет Бутанаев, «каждый общинник имел право прийти на застолье». Богатый не мог отгородиться от соседей, а бедный не оставался за дверью.

Самые интересные институты хакасского аала связаны с помощью. Первый называется *ёме-хама* — взаимопомощь при больших работах, будь то постройка юрты, сенокос или стрижка овец. Бутанаев настойчиво подчёркивает, что это была «добровольная помощь, а не долговое обязательство». Первыми на *ёме-хама* приходили дядя по матери или племянник, за ними все остальные. Никто не вёл счёта, кто кому сколько должен.

Второй — *тöгөм*. Если у семьи сгорела юрта или случилось другое несчастье, погорелец объезжал окрестные аалы, и, по словам Бутанаева, «каждый общинник обязан был поделиться с ним всем, чем мог». Это не милостыня и не заём, а обязанность. Человек, попавший в беду, не просил — он приходил за своим.

Третий — *хада хабас*. Если в аале оставался одинокий инвалид без родни, его содержали по очереди: он жил то в одной юрте, то в другой, и каждая семья кормила его, сколько полагалось. Ни одного человека община не оставляла одного.

Над всеми этими связями — родовыми, соседскими, семейными — стояло общее небесное моление, *тигир тайыг*. Бутанаев отмечает, что оно было «не зависевшим от родовой принадлежности»: на него собирались все жители округи, из разных сеоков. Главу моления, *тöс пазы*, выбирали раз в три года. Родовые горы разделяли людей по костям, а небо объединяло всех.

Так же объединяли и праздники. Хакасский Новый год, *Чыл пазы*, отмечали в дни весеннего равноденствия. Всем аалом обходили каждую юрту — «богатой или бедной», подчёркивает Бутанаев, — и везде угощали и желали счастья. Говорили: «Пришёл Новый год, снялась змеиная шкура». В начале лета праздновали *Тун пайрам* — праздник первого айрана со скачками и борьбой. Сказителей эпоса, *хайджи*, брали с собой на охоту: считалось, что горные хозяева за хорошую сказку дают охотникам зверя. А добычу, как и у соседей-шорцев, делили на всех поровну.

Хакасская семья жила внутри этой сети общих обязательств. Брак, по старым представлениям, был «обменом девушками» между сеоками — *хыс алысханы*. Предпочтительными считались браки между двоюродными родственниками по матери, которые называли «возвратом сеока». Когда жених привозил дары дяде невесты, звучала формула, в которой слышна вся

логика такого союза: «Мы ещё возьмём в жёны ваших девушек, мы ещё вам отдадим в жёны наших девушек!» Брак связывал не двух людей, а два рода, и связывал надолго.

Самой распространённой формой брака было умыкание, *тутхын*. Обычно его устраивали по согласию невесты, а затем выплачивали калым. Если же девушку увозили силой, без её согласия, её возвращали родителям с выкупом «за бесчестье». Перед свадьбой устраивали шуточный «суд» над женихом, *чаргы*: ему наносили три символических удара кнутом с напутствием «Уважай старших! Не перечь тестю и теще!». Сегодня от этих обычаев почти ничего не осталось: ушли калым, погоня за невестой, сватовство малолетних.

Особая роль в жизни ребёнка принадлежала дяде по матери. Он дарил племяннику скот, делал ему колыбель, давал имя. Хакасы говорили: «Рождённый ребёнок ещё не стал человеком, его надо сделать таким». Сделать человеком — дело не только родителей, но и всей родни, и прежде всего материнской. Дом отца наследовал младший сын, который оставался со стариками. «Таган остаётся на огне, младший сын остаётся в доме», — говорит пословица. А ещё одна хакасская пословица подводит итог всей этой жизни: «Силу женщины забирают дети, силу мужчины забирает тайга».

Эта сеть — сеок, аал, *теес*, *ёме-хама*, *төгем*, *хада хабас* — держала хакасское общество веками. Она не была раем: в ней были богатые и бедные, свои и чужие. Но в ней почти не было людей, брошенных на произвол судьбы. Разрушить её оказалось труднее, чем Степную думу. Но империя и её наследники взялись и за это.

5.4. Под Степной думой

В XVIII–XIX веках империя встраивала хакасов в свою систему управления так же, как алтайцев и шорцев: через их собственных старшин. Родовую знать — бывших чайзанов и князцов — уравнивали в правах с рядовыми сородичами как «ясачных людей» и одновременно сделали нижним звеном администрации. Старшины собирали ясак, судили мелкие дела, отвечали перед русскими властями. Бутанаев отмечает, что в XIX веке наследственная власть старшин постепенно сменилась выборной. Но выборы проходили под присмотром чиновников, и выбранный старшина служил уже не столько сородичам, сколько начальству.

Устав Сперанского 1822 года дал хакасам четыре Степные думы — Качинскую, Сагайскую, Кызыльскую и Койбальскую, примерно в границах старых улусов. На бумаге это было самоуправление: думы собирали подати, распоряжались землёй, разбирали споры по обычному праву. На деле думы стали местом, где сходились интересы двух сил — родовой верхушки и уездного начальства. От этого союза страдали рядовые люди.

Вокруг дум выросла целая система поборов. Бедняки ещё в начале XX века несли повинность *нымыс* — работали на бывших чайзанов, а те, по словам Бутанаева, так гордились своим положением, что сородичи им даже «прикуривали трубку». Выборные посыльные, *чазоолы*, брали с людей деньги «за хождение по мукам» — пятьдесят-восемьдесят копеек за каждое поручение, которые «шли непосредственно в их карман». Ростовщики, которых хакасы называли *кистемами*, давали в долг и забирали в уплату скот. Бедняки-*хулы* наследовали долги от отцов. Самые бедные уходили на заработки к русским, становились батраками-*чалчы* или отходниками-*халтарами*. Как пишет Бутанаев, из них потом сложился первый хакасский рабочий класс.

Это неравенство не было исконным. Оно выросло из соединения родовой старшины с имперской администрацией, которой было удобно иметь в каждом улусе своего человека. Середняков у хакасов в конце XIX века было больше половины, богатых баев — около пятнадцати процентов, а тех, кого советские историки называли «феодалной аристократией», — не больше четырёх. Общество аала с его *ёме-хама* и *төгем* продолжало жить, но над ним нависла новая власть, которой не было дела до взаимопомощи.

Параллельно шло крещение. Первыми, в 1719–1720 годах, крестили кызыльцев — это сделал митрополит Филофей Лещинский. В 1772 году в Аскизе построили первую церковь, и, как подчёркивает Бутанаев, «по просьбе хакасских башлыков»: для части старшин крещение было способом укрепить своё положение перед властью. К 1770 году крещёных насчитывалось до девяти тысяч. Но большинство хакасов не спешило. В 1823 году, «несмотря на предлагаемые льготы», христиан было 6632, а «иноверцев» — 9819.

Решающий удар миссия нанесла 15 июля 1876 года. В тот день в Аскизе окрестили сразу 3003 человека. Мы уже рассказывали, как всех мужчин записали Владимирами, а всех женщин — Мариями. После этого «шаманистов» осталось всего 662. Одна из хакасских групп, сарыглары, сохранила память о тех, кто предпочёл уйти в Туву, лишь бы не креститься: сагайцы и бельтиры и сегодня считают тувинских сарыглар родственниками, «ушедшими от крещения».

Православные священники изучали хакасский язык, открывали школы. Но к началу XX века в Хакасии было всего девять «инородческих» школ, и учили в них по-русски. По словам Бутанаева, «трудовое население было поголовно безграмотным». Священник Николай Орфеев писал об оседлых хакасах, что их «привычки и обычаи... совсем русские». Он принимал внешнюю перемену за внутреннюю. Под православием, как и у соседей, жили старые представления. Бутанаев описывает, как на поминках всю ночь пели эпос, потому что душа умершего «любит слушать горловое пение».

Земля уходила из-под ног так же, как у алтайцев и шорцев. С конца XIX века в Минусинскую котловину хлынули переселенцы, и лучшие земли доставались им. После 1900 года хакасы получили наделы хуже, чем пришлые крестьяне. В 1913 году, по столыпинской реформе, Степные думы упразднили, а самоуправление, дарованное в 1822 году, отменили. Часть хакасов — от десяти до пятнадцати процентов — оседала среди русских крестьян и казаков и переходила в их сословие. Так складывалось смешанное население, которое хакасы называли *сала хазах*. Это ещё одна из тех пограничных общностей, о которых мы будем говорить в последнем разделе книги.

Как и у алтайцев, ответ на давление пришёл через веру и политику одновременно. В 1905 году среди хакасов возникло движение, которое сами участники называли «Белой верой». Его возглавили зажиточные хакасы Степан Окунев и Худояш Чебодаев. Они выступали против «русской религии», призывали убирать из юрт иконы и вернуться к старой вере в Ах-Худая, «Белого бога». Этнограф Д. Лаппо, записавший рассказы участников, отметил, что хакасы называли эту веру «их старой верой, когда они ещё не знали Христа». По округе пошли слухи, что скоро «не будет русского бога».

Движение не стало массовым: власти его разогнали, а лидеры бежали за границу. Но в том же 1905 году съезд енисейских тюрок принял программу, которая звучала совсем по-новому. Съезд требовал автономии, обучения на родном языке и защиты своей земли. Тогда же родилась идея «Союза сибирских инородцев» — объединения коренных народов Сибири для защиты своих прав. Слово «хакас» ещё не было придумано, но народ, который скоро его примет, уже начал говорить о себе как о народе.

Хакасская интеллигенция вышла из того же мира, что и эти движения. Первым хакасским учёным стал Николай Катанов, сын бедного сагайца. Он стал профессором Казанского университета, одним из крупнейших тюркологов своего времени, и собирал фольклор своего народа по всей Южной Сибири. За ним пришли другие. Именно они в 1920-е годы превратили мечту 1905 года в Хакасский уезд, а потом в автономию. О том, что стало с этой автономией и с её создателями, — в следующем параграфе.

5.5. Меньшинство на своей земле

Мечта 1905 года сбылась быстрее, чем кто-либо ожидал. В 1923 году появился Хакасский уезд, в 1925-м — округ, в 1930-м — Хакасская автономная область. Народ, который ещё недавно был разделён на Степные думы и не имел общего имени, получил собственную территорию, столицу и право учить детей на родном языке. В 1928–1929 учебном году почти половина школ области, 63 из 131, были хакасскими. Хакасский язык получил письменность: сначала на кириллице, в 1929 году — на латинице, в 1939-м — снова на кириллице. Появились первые хакасские книги, газеты, учителя, писатели.

Но у автономии с самого начала был один роковой изъян. Под землёй Хакасии лежали уголь и золото, а через её степи должна была пройти железная дорога. Форсайт пишет, что уже в 1920-е годы в Хакасию хлынули тысячи рабочих, строивших шахты и посёлки: Абакан, Черногорск, Коммунар, Саралу. Хакасы, заключает он, были «обречены» стать меньшинством. В 1926 году они составляли больше половины населения своей области, 51%. К 1932 году — уже 28%. Столицу области, Хакасск, переименовали в Абакан. Даже название новой столицы перестало быть хакасским.

Одновременно шла коллективизация. К 1932 году в колхозы загнали 72% хозяйств, к 1937-му — 93%. Кочевников переселяли в бревенчатые посёлки, аалы укрупняли, пастбища распахивали. В 1928 году больше половины населённых пунктов Хакасии были чисто хакасскими, почти триста аалов. Сегодня собственно хакасских сёл осталось не больше ста. Каждый исчезнувший аал уносил с собой свою очерёдность *теес*, свою *ёме-хама*, своих стариков, которые помнили, чья это гора и чей это покос.

А затем пришёл 1937 год. В середине 1930-х годов органы госбезопасности «раскрыли» заговор о создании единой тюркской республики из хакасов, алтайцев и казахов. Мы уже встречали его в главе об алтайцах. По этому делу и другим в 1937–1938 годах, пишет Бутанаев, «первое поколение хакаской интеллигенции было полностью ликвидировано». Люди, создавшие хакасскую письменность, первые учебники, первые газеты и саму автономию, погибли в лагерях и расстрельных подвалах. Шаманов ссылали, по словам исследователей, «не как шаманов, а как противников советской власти или кулаков». Хакасская культура потеряла тех, кто мог бы её вести дальше.

После войны давление стало тише, но не слабее. Хакасский язык постепенно уходил из школ. Из почти трёхсот школ республики национальными остались около семидесяти, и в них хакасский преподавали только до пятого класса. Родители сами отдавали детей в русские школы, понимая, что без русского языка ни работы, ни будущего. В начале XX века хакасским владели больше 95% хакасов, в 1989 году — 76%. Опрос 2003 года показал картину, которая объясняет всё остальное. Родным хакасский назвали 80% хакасов, а среди молодёжи двадцати-двадцати четырёх лет — только 56%. Свободно им владеют 42%. Дома «только по-хакасски» говорят около пяти процентов семей, «только по-русски» — больше четверти. На работе хакасский не является основным языком ни для кого. В 2003 году в республике не вышло ни одной книги на хакасском языке: единственное хакасское издательство обанкротилось.

Доля хакасов в собственной республике стала одной из самых низких среди всех «тительных» народов России. В 1910 году в хакасских ведомствах 98% жителей были хакасами. В 2000 году хакасы составляли около 12% населения республики. В Абакане, её столице, — около десяти процентов. Бутанаев называет вещи своими именами: хакасы «стали национальным меньшинством» на своей исконной территории. По переписи 2002 года хакасов было около 75 тысяч, из них в самой республике — 65 тысяч.

Конец 1980-х годов стал для хакасов, как и для их соседей, временем пробуждения. В 1989 году один из хакасских общественных деятелей сказал Горбачёву фразу, которая быстро стала крылатой: «Потенциал-то у нас высок, да статус низок». В 1991 году I съезд хакасского народа поддержал преобразование автономной области в республику, и 3 июля 1991 года Хакасия стала республикой. Съезд создал свой постоянный орган — *Чон Чобы*, «Народный совет». В 1997 году правительство республики подписало с ним соглашение о сотрудничестве.

Но республика не стала хакасской. Хакасов в её парламенте было сначала тринадцать, потом восемь, потом три. Исследователи отмечают, что за годы реформ «усилилось отчуждение между населением и властью». X съезд хакасского народа в 2003 году говорил о безработице, «алкоголизации, деградации, разрушении традиционного уклада». Государственный статус не вернул народу того, что у него отняли за семьдесят лет.

Возвращать пришлось самим. И здесь хакасы обратились к тому, что пережило и Степные думы, и коллективизацию, — к сеокам. Возник Совет старейшин родов хакасского народа. Появилась женская лига «Алтынай». Эти организации взялись за то, с чем не справлялось государство: борьбу с алкоголизмом и наркоманией, помощь бедным семьям. Одним из их призывов было забирать из детских домов в семьи сирот из своего сеока. Родовая взаимопомощь, которую столетие называли «пережитком», оказалась ответом на беды XXI века. Вернулись и старые праздники, *Чыл пазы* и *Тун пайрам*, которые теперь отмечают тысячи людей. Многие хакасы, по наблюдениям исследователей, ищут опору не в православии, а в традиционных верованиях — не столько как в религии, сколько как в знаке того, кто они такие.

Отношения с русскими соседями, по опросам начала 2000-х годов, в основном спокойные. Острые конфликты начала 1990-х остались, как пишут исследователи, «скорее исключением». Но за этим спокойствием стоит асимметрия, которую тоже показывают опросы. Отношениями между народами в республике полностью довольны 43% русских и только 24% хакасов. Негативные стереотипы и предрассудки сохраняются. Большинство может быть довольно тем, как устроен мир. Меньшинство видит, чего ему это стоило.

Хакасы — народ, который сам выбрал себе имя, сам добился автономии и сам создал свою интеллигенцию. И народ, у которого всё это было отнято за одно поколение: земля — шахтами, язык — школой, интеллигенция — 1937 годом, большинство на своей земле — переселением. Но каждый раз, когда государство отступало, хакасы возвращались к тому, что было у них всегда: к сеоку, к аалу, к празднику Нового года, когда обходят каждую юрту — «богатую или бедную».

5.6. Чулымцы: «наши люди» с реки

На реке Чулым, в тайге между Томском и Ачинском, живёт народ, у которого нет ни республики, ни района, ни даже собственного имени в советском паспорте. Русские соседи зовут их «ясашными», по старому слову, оставшемуся от времён, когда их предки платили ясак. Сами они называют себя *пестын кижилер* — «наши люди». Ещё их называют *йус-чоны*, «народ с реки Чулым», или просто *тадарлар*. В научной литературе их называют чулымцами, или чулымскими тюрками.

В XVII веке чулымцы составляли основную массу ясачного населения Томского уезда. Их волости назывались по именам князев, и каждая управлялась своими старшинами. В отличие от соседей-кызыльцев, чулымцы не вошли в состав Хонгорая и не стали частью хакасского народа. У них был свой язык, свои роды и своя история. Паллас, проезжавший по Чулыму в XVIII веке, заметил, что крещёные чулымцы «кроме креста... из христианского закона малому, а из российских обычаев, кроме подражания женскому платью и хлебопашеству плужному, ничему не последовали». Народ принял внешние знаки новой власти и сохранил под ними свою жизнь.

А жизнь эта была устроена мудро. Чулымцы жили рыбной ловлей, охотой и собирательством, полуседло, от стоянки к стоянке по реке. Академик Крашенинников в XVIII веке писал, что они «хлеба почти в глаза не видают» — и в этом была не бедность, а другой образ жизни. При коллективной ловле улов делили, как пишут этнографы, «всем поровну ковшиком». Кедровники принадлежали всей общине, и бить орех начинали только с разрешения стариков. Срубить кедр считалось, по словам исследователей, преступлением по «естественному праву». Охотничья тропа принадлежала семье, и нарушить чужой путик было поводом для «серьёзного конфликта». Род, *суок*, в XVII–XVIII веках уступил место соседской общине, *йон*. В этой общине, по наблюдению этнографов, «в семейной и нередко в общественной жизни женщина была равноправна с мужчиной».

Чулымцев крестили в XVII–XVIII веках, но шаманизм и культ духов держались до 1930-х годов. Кроме крестильных имён, детям давали свои. Численность народа, пережившего в XVII веке набеги кыргызов и эпидемии, в XVIII–XIX веках медленно росла: около двух тысяч человек в 1734 году, около четырёх тысяч в 1820-м.

Перелом наступил в начале XX века, и был он административным. Этнографы Элла Львова и Николай Томилов считают инородческие волости особой формой «национальной автономии». Их упразднение в ходе столыпинских реформ «разом лишило многие группы коренного населения... статуса юридического и этнического лица». По их словам, оно стало «пусковым крючком необратимого процесса физической и культурной ассимиляции». Ещё в 1912–1913 годах в Тутальской управе числилось 1257 «инородцев» и всего 96 русских. Через восемьдесят лет в Тегульдетском районе на 7727 русских приходилось 742 чулымца — восемь процентов.

Советская власть завершила то, что начала империя. В переписях чулымцев не было: их записывали в «прочие». С 1939 года в паспортах им писали «хакасы». Народу, который никогда не был частью хакасов, выдали чужое имя, выбранное другим народом для себя. Когда в 1986 году этнографы опросили чулымскую молодёжь, три четверти назвали себя хакасами, потому что так было записано в документах. Но одним народом с хакасами себя считали только десять процентов. Люди знали, кто они, но в бумагах их не было.

Томский лингвист Андрей Дульзон ещё в середине XX века описал чулымский язык и доказал, что это самостоятельный тюркский язык. Но в школах его никогда не преподавали. Дети шли в русскую школу, где их родной язык считался в лучшем случае деревенским говором. В 1986 году чулымским владели меньше десяти процентов молодёжи, в 1996 году — около четверти всего народа. Этнографы записали слова, которые трудно читать без горечи: «Чулымцы не поют на своём языке, не рассказывают сказок... Язык... исчезает на глазах». В письме 1990 года один из чулымцев рассказывал, что молодые «стесняются людей старшего поколения, упрекая их в неграмотности и незнании своей истории», а дети «стесняются своего происхождения и считают себя русскими». Стыд за собственный народ — пожалуй, самое страшное, что может сделать с людьми ассимиляция. Этот стыд не рождается сам по себе. Его воспитывают школа, в которой нет места твоему языку, паспорт, в котором нет твоего имени, и окружение, в котором ты меньшинство.

Последние десятилетия XX века принесли и то, что этнографы называют депопуляцией. В 1996 году больше половины чулымцев, 53%, жили на пенсии и пособия. Раньше, как отмечали исследователи, безработицы здесь «не знали вообще». До трёх четвертей работающих были заняты на неквалифицированных работах. Больше трети мужчин от двадцати до сорока четырёх лет никогда не были женаты. Смертей было больше, чем рождений. Лишь половина чулымских семей оставалась однородно чулымской.

И всё же чулымцы не исчезли. В 1990-е годы они создали ассоциацию «Чулымец» и сами провели перепись своего народа. Официальная статистика в 1995 году насчитала 448 человек, а по подсчёту ассоциации в 1996 году их оказалось 742 — на сорок процентов больше. Многие,

записанные в «хакасы» или «русские», когда их спросили свои, ответили: «чулымец». В 2000 году, после усилий ассоциации, чулымцы были включены в перечень коренных малочисленных народов. Перепись 2002 года насчитала 656 чулымцев.

По переписи 2010 года чулымцев осталось 355 человек, и лишь несколько десятков из них владели родным языком. Язык продолжали изучать лингвисты: американцы Дэвид Харрисон и Грегори Андерсон, томская исследовательница Валерия Лемская, которая с 2007 года собирает чулымско-русский словарь. А в 2019 году вышло одно из первых изданий на чулымском языке со своим алфавитом — перевод Евангелия от Марка. Его подготовили по инициативе Томской епархии священник Алексей Самсонов, Лемская и чулымец Василий Габов, один из последних знатоков языка. Для этого перевода они и составили чулымский алфавит. Так у языка впервые появилась практическая письменность. Но появилась она не для того, чтобы записать чулымские сказки, песни и предания, а для текста, пришедшего извне. Кто-то увидит в этом шаг к сохранению языка, кто-то — продолжение давней миссионерской традиции, в которой язык малого народа нужен прежде всего как средство проповеди. Для живого языка важнее другое: успеют ли записать голоса стариков, пока они ещё звучат, и будут ли на этом языке говорить дети. На эти вопросы у чулымцев пока нет утешительного ответа.

История чулымцев — самая наглядная иллюстрация того, о чём говорит вся эта книга. Народ можно лишить волости, имени в паспорте, языка в школе и места в переписи. Его можно довести до того, что дети стыдятся родителей. Но пока люди на реке называют себя *пестын кижилер*, «наши люди», народ существует. Будет ли он существовать через поколение, зависит уже не от этнографов и не от переписчиков, а от того, найдётся ли у самих чулымцев сила и возможность передать детям то, что ещё помнят старики.

На этом мы заканчиваем рассказ о хакаской земле и уходим через Саяны — туда, где тюркский народ, в отличие от чулымцев, до сих пор остаётся хозяином на своей земле, — в Туву.

Глава 6. Тувинцы и тофалары: Саяны

6.1. Урянхай: земля между империями

За Западным Саяном лежит страна, которую на старых картах подписывали по-разному: Урянхайский край, Сойотия, Танну-Тува. Её жителей монголы звали *урянха*, алтайцы и хакасы — *сойон*, русские — сойотами, «саянцами», урянхайцами. Сами они называли себя *тыва* или *тыва-кижи*, «тувинский человек». Василий Радлов записал это самоназвание ещё в 1861 году в форме «тубо». Как и почти всюду в Сибири, чужих имён было много, а своё одно, и прошло больше полувека, прежде чем государства научились писать его правильно.

Тува — котловина, со всех сторон закрытая горами: с севера Западный и Восточный Саян, с юга хребет Танну-Ола, с запада Алтай. Здесь начинается Енисей: Бий-Хем и Каа-Хем сливаются у Кызыла в Улуг-Хем, «Великую реку». На обелиске на этом месте написано, что здесь центр Азии. Внутри котловины две разные страны. Степные долины центра, запада и юга — земля кочевых скотоводов, тех, кого этнографы называют западными тувинцами. Северо-восток, Тоджа и склоны Восточного Саяна, — горная тайга, где жили охотники и оленеводы, восточные тувинцы, или тоджинцы. И те и другие называли себя одинаково — *тыва*. Об этом различии, которое государство то замечало, то забывало, мы ещё поговорим отдельно.

Скот здесь пасут около трёх тысяч лет. В Туве стоит курган Аржаан — один из древнейших царских курганов скифского мира, и отсюда же происходят оленные камни и вещи «звериного стиля». На озере Тере-Холь стоят развалины Пор-Бажына — крепости или дворца, построенного в VIII веке при уйгурском кагане. В Туве находили и рунические надписи, родственные орхонским, и эпитафии енисейских кыргызов, о которых мы говорили в первой главе. Тувинская земля прошла через все степные державы, от хунну до Монгольской империи, и каждая из них оставила здесь людей.

Поэтому тувинцы — народ сложный, как и почти все, о ком идёт речь в этой книге. По выводам С. И. Вайнштейна, к концу XIII — началу XIV века здесь соединились потомки древних тюрков, уйгуров, кыргызов, монголов, а в тайге Тоджи — самодийцы и кетоязычные племена. Тюркские племена *туба* («дубо» китайских хроник) пришли в эту тайгу в конце I тысячелетия и постепенно передали её жителям свой язык. Об этом помнят названия родов. У западных тувинцев это тюлюш, уйгур, кыргыс, монгуш, сат, оюн, ондар; у восточных — тодут, урат, хаазыт, хойюк; у тех и других — куулар, соян, маады. Хаазыт и хойюк, по мнению исследователей, самодийского происхождения, тодут — кетского. В XVIII веке Паллас и Георги считали саянских жителей «самоедами». Позже тюрколог Николай Катанов показал, что похожие на самодийские урянхайские слова на деле оказываются тюркскими или монгольскими. Оба наблюдения по-своему верны. Предки тувинцев говорили на разных языках, а стали одним народом, говорящим по-тюркски. В первой главе мы видели тот же процесс у хакасов и чулымцев: люди меняли язык, но сохраняли память о роде.

В XVI–XVII веках Тува входила в державу монгольских Алтын-ханов, а с середины XVIII века её подчинила маньчжурская империя Цин. Цинские власти не вмешивались в повседневную жизнь кочевников, но ввели свою административную сетку. Край был разделён на хошуны (по-тувински *кожууны*), хошуны — на сумоны, сумоны — на арбаны, «десятки». К началу XX века хошунов было девять: Тоджа, Салчак, Оюн, Хемчик (Даа), Бээзи, Маады и Чооду, Нибазы, Шалык, Хаазут. Хошунами правили наследственные тувинские князья-нойоны, но некоторые хошуны принадлежали монгольским князьям и управлялись их чиновниками. Всех нойонов возглавлял амбын-нойон, которому подчинялся маньчжурский генерал-губернатор в монголь-

ском Улясутае. По маньчжурским переписям, в крае было около десяти тысяч семей. Это значит, что во второй половине XVIII века тувинцев было не больше сорока тысяч.

В этой истории есть парадокс, знакомый нам по хакасским Степным думам. Империя делила людей по территориальному принципу, а не по родам, — просто потому, что так удобнее собирать подать. Но именно это деление, по наблюдению Вайнштейна и Москаленко, «способствовало стиранию племенных различий». Тувинский народ как целое окончательно сложился в конце XVIII — начале XIX века, при цинской власти. Самоназвание *тыва-кижи* утвердилось к тому же времени. Империи не создают народы, но их границы и подати часто заставляют людей по-новому ответить на вопрос, кто такие «мы». Та же граница отрезала от тувинцев большие группы родственников. Одни ушли в Монголию и «омонголились» уже к концу XIX века, как отметил Потанин. Минусинские «бельтыры» стали частью хакасов. Алтайские урянхайцы остались за хребтами Алтая, в Западной Монголии и в Синьцзяне. До XVIII века тувинские кочевья доходили до верховьев Оби, Чёрного Иртыша и озера Хубсугул. Потом карта стала меньше.

Цинская власть, по словам тех же авторов, «имела весьма жестокие формы». Но у Тувы было одно преимущество перед Хакасией и Алтаем. На протяжении XVII–XVIII веков Россия, которая поглотила соседей, до неё не дошла. Саяны оказались слишком высокими, а договоры с Китаем слишком выгодными, чтобы спорить из-за урянхайских кочевий. Когда енисейские кыргызы уже были угнаны в Джунгарию, а хакасские улусы присягали «по шести соболей», в Туве всё ещё правили свои нойоны. Такое промедление сыграло огромную роль. Тува стала частью России почти на двести лет позже соседей, и поэтому колонизация здесь не успела сделать то, что сделала в Минусинской котловине.

Во второй половине XIX века русские всё же пришли, но не с войском, а с плугом и товаром. В край проникали купцы и золотопромышленники, а за ними крестьяне-переселенцы, «в основном сибирские старообрядцы», которые уходили от начальства туда, где его не было. Здесь сходятся две темы нашей книги. Эти староверы в Туве — одна из малых общностей сибирских старожилов, о которых пойдёт речь в пятом разделе. Их потомки и сегодня живут в верховьях Каа-Хема, в сёлах и на заимках, куда до сих пор трудно добраться. Для кочевников они были соседями, с которыми менялись и у которых брали избу и лодку. Но за ними шло государство. К началу XX века русских колонистов было около десятой части населения края, и, как пишут историки, они «способствовали вовлечению Тувы в геополитическую орбиту России». Русские купцы давали товары в долг под будущую пушнину, и тувинские араты попадали в ту же долговую петлю, что и шорцы, описанные в четвёртой главе. Кон отметил деталь, которая точно показывает положение края между двумя империями: «Россия своими товарами одевала по преимуществу бедноту, Китай доставлял материал для одежды богачей и чиновников».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.